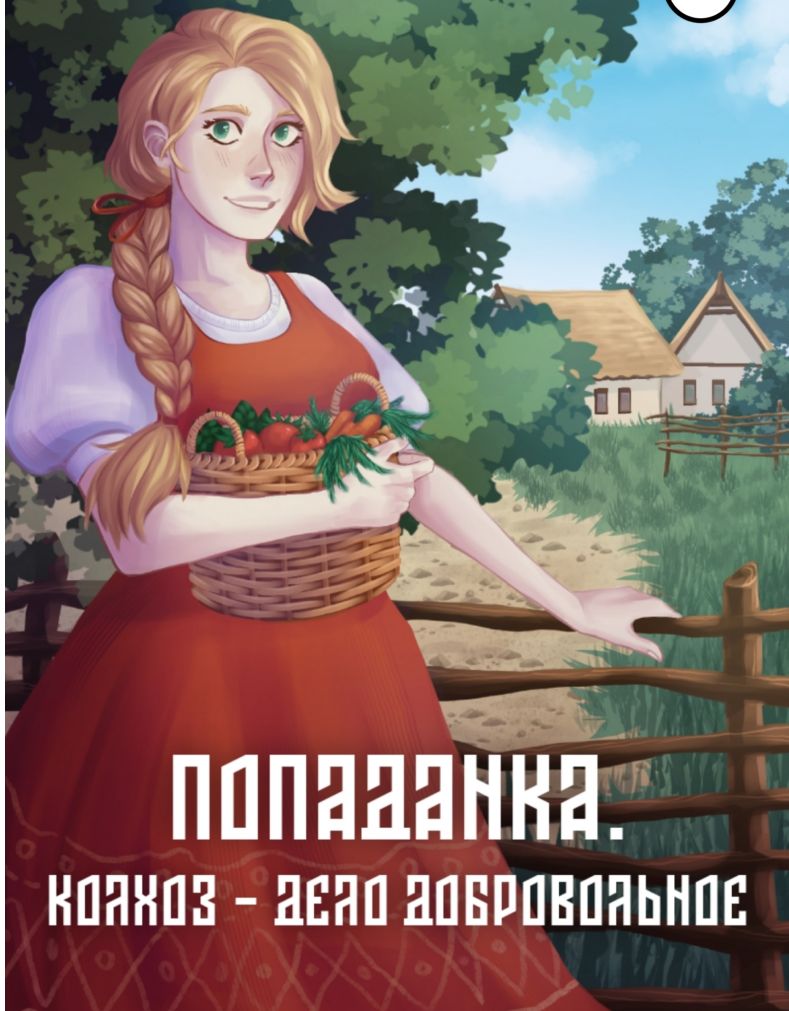

АЛЕНА ЦВЕТКОВА

16+

ПОПАЗАНКА.

КОЯКОЗ - ДЕЯО ДОБРОВОЛЪНОЕ

Алёна Цветкова
Попаданка. Колхоз –
дело добровольное
Серия «Попаданка (Гвенар)», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67359720
SelfPub; 2022*

Аннотация

Бойся своих желаний, они могут сбыться.

Мечта Аллы попасть в другой мир прямо в руки короля исполнилась. Кажется, счастье вот оно, хватай кольцо и беги в спальню. Но его величество уже занят. И герцог тоже. А тебя выдают замуж за...

Ну, уж нет! Так мы не договаривались! Придется идти к счастью другим путем.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	86
Глава 11	94
Глава 12	102
Глава 13	111
Глава 14	120
Глава 15	130
Глава 16	139
Глава 17	147
Глава 18	156
Глава 19	164
Глава 20	173
Глава 21	182
Глава 22	190

Глава 23	198
Глава 24	206
Глава 25	216
Глава 26	225
Глава 27	235
Глава 28	243
Глава 29	252
Глава 30	261
Глава 31	270
Глава 32	278
Глава 33	286
Глава 34	291
Глава 35	302
Глава 36	311
Глава 37	319
Глава 38	328
Глава 39	337
Глава 40	346
Глава 41	355
Глава 42	364
Глава 43	374
Глава 44	384
Глава 45	393
Глава 46	402
Глава 47	409
Глава 48	418

Глава 49	428
Глава 50	437
Глава 51	448
Глава 52	457
Глава 53	466
Эпилог	471

Алёна Цветкова

Попаданка. Колхоз – дело добровольное

Пролог

– Я должен жениться, иначе Оракула не пробудить, – его величество хмуро отпил вино из тяжелого серебряного кубка, отделанного крупными кровавыми корундами, призванными защищать содержимое от ядов.

– Должен, – уныло ответил герцог Эндорский, бездумно покачивая в руках точно такой же кубок, – только больше нет ни одной девицы, даже добрачного возраста, или женщины, в которых бы текла кровь Древних. Я перебрал всех...

– Значит плохо искал. Оракул не оставил бы нас без шанса.

– Ты шестнадцать раз вдовец! – герцог неожиданно громко опустил кубок на тяжелый стол красного дерева. – Я не знаю, что делать... через три месяца приедут послы из Хадоа. Без Оракула мы ничего не сможем им противопоставить. Но как найти подходящую женщину за это время, если я за три года никого не нашел... я в отчаянии, брат.. Я

подвел тебя.

– Я уверен, ты справишься. Ты всегда справлялся. Ты ведь помнишь, что предсказал Оракул, когда мне исполнилось шестнадцать?

– Помню, – хмыкнул герцог, – Весь путь напрасен, Гвенар падет, коль брат Последней не найдет. Но Гелеара была последней. Больше нет ни одной. Я таскал тысячи девиц к Оракулу... но... никого.

– Значит надо провести всех женщин. До единой, брат... У нас есть три месяца. Если мы обяжем всех женщин пройти мимо него... мы должны успеть. У тебя полный карт-бланш. Нам нужен работающий Оракул.

– Ваше величество! – в кабинет тяжело дыша вбежал Деан, ректор Королевской Академии Наук, – ваше величество!

Он задыхался и не мог сказать ни слова. Король нахмурился. Подобное поведение было абсолютно неприемлемо. Но если Деан, который к тому же был двоюродным дядей сводной сестры королевы, позволил себе подобное, значит весть была действительно важной. И его величество терпеливо ждал, когда пожилой уже ректор, согнувшийся то ли в поклоне, то ли в попытке отдышаться, сможет говорить.

– Ваше величество, мы нашли! Мы наконец-то закончили расчеты. И это может оказаться именно тем, что нам нужно.

– Расчеты? Вы про портал в Мидгард? – герцог в нетерпении встал с кресла и заметался по кабинету. Если это то, что он подумал... Это может быть выходом. Нереальным, мало-

вероятным, но выходом.

– Да, ваше величество, ваша светлость. Мы закончили расчеты. Мы можем открыть портал в Мидгард. Но есть одно но... Ваше величество, пройти по нему можете только вы. И только один раз. Туда и обратно. На большее у вас не хватит сил.

– Нет, – герцог подскочил к Деону, навис над ним и зашипел. – думайте, что предлагаете! Вы хотите использовать его величество для своих непроверенных экспериментов?! Я готов прямо сейчас обвинить вас, Деон, в государственной измене!

– Брантир, хватит! – резкий окрик его величества остановил герцога. Тот замолчал и отошел от ректора, сжимая кулаки. – Деон, мне нужны все ваши выкладки, и рассчитайте все риски. Если не будет иного выхода, я пойду в Мидгард. Бумаги должны быть у меня через неделю.

Деон поклонившись, ушел. Он выполнил свой долг. Страна получила шанс

– Ваше величество! – попытался достучаться до разума короля герцог.

– Я все понимаю, брат, – его величество прикрыл глаза, – но без Оракула я все равно потеряю Гвенар.

Глава 1

В пятницу вечером я волоклась с работы. Прекрасная погода навевала суицидальные мысли. Хотелось просто сдохнуть. Прямо здесь, посреди дороги.

Потому что уже наступил апрель. И хорошая солнечная погода в выходные значила только одно – придется ехать в сад и горбатиться на проклятых грядках. Ненавижу нашу фазенду, как ее называл папа. Шутя. Меня папа называл рабыней Изаурой. Был когда-то такой то ли фильм, то ли сериал. Тоже шутя, конечно. Но так, что становилось понятно, в каждой шутке есть доля правды.

Вот и сейчас мама позвонила и велела зайти к тете Клаве, которая жила рядом с моей работой, забрать рассаду. А добрая тетя Клава нагрузила меня так, что я еле-еле волокла пакеты с треклятыми растюхами. Их, кажется, было столько, что можно было бы засеять целое колхозное поле. Кроме того, мой рюкзачок был плотно забит всевозможными семенами, которые мама тоже велела забрать. Раз уж дают.

У тетя Клавы мужа парализовало месяц назад, и они решили отказаться от садово-огородных работ. Умные люди. А все лишнее добро сбагрили нам.

И вот теперь я волоклась, обливаясь потом и проклиная всех: дачу, маму, тетю Клаву, солнце и весь мир. Пакеты тащились по земле и я просто мечтала, чтобы дно не выдержала.

ло и отвалилось. Но оно, как назло, было очень крепкое.

Оставалось совсем немного, я уже видела свой подъезд и мечтала о том мгновении, когда развалюсь в своей комнате и дочитаю наконец книжку про очередную попаданку. Ах, как же я им завидовала! Короли, принцы, герцоги и графы в мужья, жаркие ночи, бесконечные портнихи и ювелиры днем... да, сначала придется немного пострадать от властного и жестокого героя, но к концу книги он всегда становится зайкой...

А мой зайка очередной раз ушел в запой. Сто раз хотела бросить этого алкоголика, но мама начинала причитать, мол, как же ты доченька одна, без мужика-то в доме. А так хоть плохонький, да свой. И еще уговаривала меня родить. Говорила, что остепениться мужик-то. Ага. Как же. Два раза.

Когда до подъезда оставались считанные пара десятков метров, мимо меня промчалась длинная, тощая девица в красной курточке. Белобрысая. И напуганная. А за ней топоча, как стадо носорогов, несся крупный и злой мужик в странном наряде и с какой-то загогулиной в руке, которая мягко светилась зеленым.

У меня аж кулаки зачесались. Нет! Ну до чего наглый, мужик проклятый. Среди белого дня дела непотребные творит. Выступать против него было бы глупо, он меня рядом с девочкой бы и закопал. И я сделала, то что показалось мне единственно разумным решением – поставила подножку, бегущему мимо бугаю, который в этот самый момент догнал

таки девчонку.

Бугай ударил меня по ноге и рухнул с оглушающим грохотом. Кажется прямо на меня, потому что у меня в глазах вдруг потемнело и я потеряла сознание.

Мне снился мой любимый сон. Я попала. Прямо в руки короля, который теперь непременно должен был на мне жениться, чтобы спасти свой мир. Ему эта идея совершенно не нравилась. И он, сверкая фиолетовыми от злости глазами, схватил меня за горло и начал душить. А потом целовать. От его поцелуев, а может от недостатка кислорода, подкосились ноги и я рухнула почти без сознания в его объятия. Он подхватил меня на руки и понес к постели. Аккуратно положил на шелковые, белоснежные и прохладные простыни и легко потряхнул за плечо:

–Эй! Э-эй! Очнитесь!

Я осторожно открыла глаз. Надо мной нависал давешний бугай. Увидев, что я пришла в себя, с облегчением выдохнул. И спросил:

– Ты что совсем дура?! – От такой наглости я дар речи потеряла. Нет, ну надо же! Сам на меня упал, а сам теперь еще и обзывается. – Ты зачем к нам прицепилась, а? И вот что мне теперь с тобой делать? Казнить?

– Казнить? – переспросила я. Кажется я еще спала, только сон странный, – за что?

– Не притворяйся, – зарычал он, – ты весьма неосмотрительно раскрыла свои планы. Ты совершенно не контроли-

руешь себя во сне. Но даже не рассчитывай. Я на тебе не жуюсь!

– Очень надо, – воскликнула я, немного смутившись от замечания по поводу контроля во сне. Ну, а кто может такое контролировать. Мог бы и не говорить о моем конфузе.

– Судя по твоим мыслям, очень, – зарычал негодяй. – откуда ты узнала кто я?

– Нетрудно догадаться, негодяй! – закричала я. Тело болело так, как во сне быть не могло. Значит я все таки не сплю. – Вы гнались за девушкой с подозрительными намерениями! И встаньте уже с меня! Хватит на мне лежать!

– Лежать на тебе?! – у бугая глаза налились кровью, он зашипел, как взболтанная бутылка кока-колы, и точно так же готов был лопнуть от переполнявших его эмоций. – да даже если ты будешь единственной женщиной во всех мирах, я никогда не лягу с тобой!

– Так вставайте и валите к чертовой бабушке, – заорала я. Мне порядком надоела все это, – а мне домой надо. И где мои вещи?

Я вдруг почувствовала, что за моей спиной нет рюкзака, а пальцы больше не пережаты закрутившимися ручками пакетов. Украли! У меня украли мои вещи! Пусть только что хотела избавиться от проклятой рассады, но это было добровольное решение, а не воровство. Как сейчас.

Я хотела пнуть бугая, чье лицо все еще висело надо мной, но он был такой тяжелый, что я не могла поднять ногу. И

руку. И, вообще, ничего, кроме головы. И тогда я сделал то, чего ни он, ни я сама не ожидали. Резко мотнув головой со всей дури шандарахнула лбом по носу.

Он заревел, как стадион. Я тоже. Потому что это, кошмар меня подери, больно! У меня искры из глаз посыпались от удара, я перестала и видеть, и слышать. Но это уже от криков. Наших общих.

– Я тебя казню! – наконец смог произнести что-то членораздельное бугай, – за покушение на короля!

– Какого короля, – провыла я, держась за лоб, – что за чушь вы несете. Помогите мне лучше встать и я домой пойду. А то меня потеряли, наверное, уже. Меня муж ждет. И вот прямо сейчас появится здесь. И двенадцать братьев. С ружьями.

Наверное, зря я была бугая головой. Кажется, на мне это отразилось гораздо больше чем на нем. Я несла такую ахи-нею.

– Не появятся, – бугай первым пришел в себя. И теперь только слегка гундосил из-за разбитого носа, – ты в моем мире, у меня дома, и тебя здесь не найдут.

– В вашем мире? У вас дома? – от неожиданности голова прошла и я подскочила с асфальта... нет... с диванчика. Узкого и твердого деревянного диванчика, который стоял в большой комнате, примерно, как вся наша квартира. Вдоль стен располагались шкафы с книгами и стопками бумаги. Недалеко возвышался огромный письменный стол, больше

моей двухспальной кровати, тоже заложённый стопками каких-то бумаг. Рядом с моим диванчиком я увидела столик, вроде журнального. Только повыше. И два кресла. И все это было массивное, даже на вид тяжелое, обильно украшенное резьбой и позолотой. Больше всего это было похоже на рабочий кабинет в какого-нибудь важного аристократа в музее. И одежда на бугае была странная. Я это еще, когда он бежал, заметила. Тоже, как из музея. Фрак, или как там его называют, черный, с золотой вышивкой. Как в мультике «Красавица и чудовище», озарило меня. Да, точно такой же у него костюм, как у чудовища, когда они с Бель танцевали в балльной зале. Только сзади «хвосты» короче. Едва зад прикрывают. Брюки вроде обычные, прямые, а вот на ногах туфли. С пряжками. Старинные какие-то.

– Где это я? – я потерла глаза. На всякий случай. И ущипнула себя за попу. Тоже на всякий случай. Но ничего не изменилось. – что происходит! Верните меня домой!

– Сказал же, не могу! – бугай нервно зашагал по комнате. – Какого Арра, ты влезла в портал? Я из-за тебя еле нас дотащил! Казнить тебя что ли...

– В какой портал? – прошептала я глотая слезы. Догадалась. Не дура. Что бы там не говорил этот бугай. Кошмар меня подери! Я уже всю редела. Оказывается, быть попаданкой совсем не весело. Даже если ты на самом деле попала к королю. Кажется, к королю. Я не совсем в этом уверена. А я его еще ударила. – Не надо меня казнить, в-ваше величе-

ство, – завыла я, – я же не знала! И я хочу домо-ой!

– Не реви, – поморщился его величество. А это точно был он, – я все же склоняюсь к тому, что это была случайность. Трагическая случайность. Такая дура, как ты не способна продумывать свои действия хотя бы пару шагов вперед.

Он ее что-то бормотал, тиская себя за подбородок. А потом повелел:

– Вернуть я тебя не могу. Проще всего было бы казнить тебя. Но Оракул мне не простит гибели невинного... Поэтому я женю тебя на ком-нибудь из своих вассалов. А ты будешь сидеть тихо и молчать откуда ты и кто такая. Ясно? Хотя можешь не молчать, – он улыбнулся, а в глазах загорелся огонек торжества, – тогда Оракул одобрит твою казнь.

Я замотала головой и разревелась еще сильнее. Мне никогда в жизни не было так страшно. И зачем я только ставила подножку насильнику? Не зря народная мудрость говорит, не делай добра, не получишь зла. Вот я и получила. Полную тарелку. Ешь, не обляпайся.

Глава 2

Я еще даже не начала успокаиваться, как в кабинет постучали. И вошел еще один бугай. Только мой, который король, был черный... ну, черноглазый брюнет в смысле, а этот белобрысый. И с темно-синими, как грозовое небо, глазами. Почти фиолетовыми. Я даже рот открыла от удивления. И забыла, что надо реветь и давить на жалость.

– Ваше Величество, вы вернулись! – Второй бугай чуть не со слезами кинулся обниматься с первым. С королем. Надо же... а я и не знала, что так можно. Я думала, короли не бывают нетрадиционной ориентации. Ну, типа, не положено. Им же наследники нужны. – Это она?

Второй заметил меня и, перестав, наконец, обниматься с королем, уставился на меня.

– Нет, Брантир, – скривился король, – моя вон, – он кивнул на другую сторону. Я тоже посмотрела куда показывали. Там лежала девица, которую бугай, оказавшийся королем из другого мира, догнал в моем дворе. – Оракул ее признал. А эта дура, – теперь король кивнул на меня, – случайно прицепилась. И теперь хочет, чтоб я на ней женился. Представляешь?

И захохотал. Второй подозрительно посмотрел на меня.

– А ты уверен, что она случайно прицепилась?

Параноик. Кошмар меня подери! Я открыла рот, чтобы

высказать, все, что думаю. А потом закрыла. Слово серебро, а молчание золото. Народная мудрость сегодня уже доказала свою правоту. И я решила ей следовать.

– Уверен, – отсмеялся король, – надо ее замуж выдать. Подбери кого-нибудь.

– Из приближенных или как? – не отрывая от меня своих красивых глаз, спросил Второй. Он явно был приближенный короля, поэтому я приосанилась и попыталась соблазнительно улыбнуться. Его перекосило.

– Да как угодно, – отмахнулся король, – лишь бы подальше отсюда. Чтоб на глаза она мне больше не попадалась.

– Хорошо, – кивнул Второй. И обратился ко мне, – Эй, ты! Вставай, пошли.

Я встала и пошла. Я же не дура выпендриваться, когда моя жизнь на волоске висит. А эти два бугая-любовничка с ножницами вокруг ходят. Того гляди и подрежут ниточку-то...

– Куда? – остановил меня король, и кивнул в угол, – котомки свои забери.

Там, аккуратно стояли и мои пакеты, и рюкзачок. Я вцепилась в них, как в золотые слитки. Потому что свое, родное. Чуть не разревелась от избытка чувств. Это же практически все, что у меня есть. Раз уж не суждено мне за короля замуж выйти, кто же знал, что он бракованный, так может прогрессорством займусь. У меня там кажется авторучка в рюкзачке есть. Продам гномам патент, буду жить припеваючи... А потом король за мои достижения на мне женится... ну, или

в фаворитки возьмет...

Король и Второй захохотали, держась за животы. Чего это они? Я же не сказала ничего. Посмотрела я на этих двух... не дураки ли. Чего смеются, спрашивается?

– Брантир, – вытер слезы король, – повесь на нее амулет. А то она своими редкими, но громкими мыслями выдаст себя кому-нибудь. Никогда такую дуру не видел.

– Вы что, мысли читаете? – выпучила я глаза и судорожно начала перебирать, что я там себе думала. Ужас! Кошмар меня подери! – и в вашем мире все так умеют?

– Не все, – хмыкнул Брантир, – но некоторые.

Я покраснела.. ну... потому что пока они там болтали между собой пыталась представить каково это, когда два таких бугая любят друг друга... А что? Ну да, слэш я иногда тоже почитывала. Интересно же...

А если они эти мои мысли читали... кошмар меня подери! У меня сердце в пятки рухнуло. А эти только ухмыляются. Оба. Довольные, что напугали меня до смерти. Негодяи! Ой, простите... Ваше величество...

Брантир, уж не знаю, как его по другому называть, не представился же, повел меня куда-то по коридору. Раньше я во дворцах только на экскурсии была. Но это совсем не то. Там же нежилой дворец-то был. Этот же мало того, что живой, настоящий, так еще и в другом мире. Думала, рассмотрю все хорошенько. Ну да, как же. Этот... невоспитанный... даже не подумал мне помочь. А сил у меня после перемеще-

ния не прибавилось. Вот обидно тоже. У других-то и магия просыпается, и молодость возвращается, и, вообще, жизнь налаживается, а у меня вот так, грустно... ни за короля замуж, ни герцога какого-нибудь в мужья... бери свои котомки и вали.

Бугай снова захохотал.

– Я уже женат. – Ну, да, невесело подумала я, женат на короле... мало ли. Вдруг у них такие браки – норма. А этот поперхнулся, подскочил, навис надо мной. И зашипел возмущенно, – Дура! Пошли быстрее.

Схватил меня за предплечье и рванул так, что я телепалась за ним, едва касаясь кончиками пальцев пола. Не знаю, как пакеты с рассадой в руках удержала, тяжелые же. Смотреть по сторонам теперь, вообще, не получалось. Я даже не запомнила куда мы шли. Но мы точно сворачивали то вправо, то влево... И если этот негодяй бросит меня прямо сейчас, я заблужусь и умру с голода в этих безлюдных дворцовых коридорах. А где слуги, интересно? Должны же быть здесь слуги. Но я ни одного не увидела. Может им нельзя на глаза попадаться? Станный мир.

Брантир открыл какую-то дверь и втащил меня в темную комнату. Я думала, все. Конец. Глаза закрыла. Стою, жду, когда меня убивать будут. Сердце колотится, того гляди выпрыгнет. То ли от волнения, то ли от беготни по дворцовым коридорам. Но скорее всего от того и другого вместе.

А Брантир гремит чем-то. Стучит. Ругается шепотом.

Незнакомыми словами, но очень экспрессивно. Не иначе орудие убийства подбирает. Поудобнее. Чтоб с одного удара меня того... укокошить.

Слышу ближе идет. Шаги совсем рядом. Вжала голову в плечи, умирать приготовилась. Вот что за судьба злодейка, а? Мечта моя, значит, исполнилась. Стала я попаданкой, да только какой-то неправильной. Где шикарный мужчина? Где ненависть его неистовая, которая потом в такую же любовь превращается? Где секс такой, чтоб голова отключалось и к тело к насильнику тянулось? Где, спрашивается, всё?

А Брантир мне на шею цепочку повесил. С амулетом. Чтобы я, значит, громко не думала, и мыслями своими современными народ в новом мире не пугала.

– Вот и все, не снимай никогда. Даже когда мыться будешь и в супружеской постели, поняла? – миролюбиво произнес Брантир. Я аж вздрогнула. Вот не зря говорят, что когда спокойным голосом ругаются в сто раз страшнее. А он голос слегка повысил, – поняла?

Я сказать-то ничего не смогла, закивала, даже глаза не открывая.

– Садись, – еще один приказ тем же страшно-спокойным тоном. Я, сама не знаю как, тут же, где стояла, и села. На пол. Брантир застонал, выругался, – глаза открой, дура. И в кресло садись. Будем тебе мужа искать.

Глаза я опять по очереди открывала. Открыла один, увидела ноги в сапогах черных. Как будто бы хромовых. У де-

да моего такие были, он их по праздникам только носил. И перед этим долго ваксой смазывал, чтоб помягче стали, потом ветошью дол блеска натирал. Когда на Девятое мая на парад выходил, сверкали сапоги на солнце как зеркальные. А у этого они даже при тусклом свете этой темной комнаты бликовали. Хорошо, видать, натерли.

– Ах, – простонал Брантир и подхватил мне вместе с рюкзаком и пакетами на руки. Ничего себе какой сильный! Повезло королю, такого мужика себе отхватил. Хотя король и сам тоже ого-го... нет, ну вот какая жалость. Два таких шикарных представителя мужского пола и заняты друг другом... нет в жизни справедливости.

– Тебя как зовут? – усадил он меня в кресло и заговорил громко и медленно. Так обычно с деревенскими дурачками разговаривают. Без эмоций, неторопливо, чтоб успели понять о чем из спрашивают.

– Алла, – ответила я. И замолчала. Ну... начну сейчас претензии высказывать. Разозлится опять бугай этот. Пусть уж думает, что я недалекая. Пусть недооценивает меня. Больше шансов будет из передраги этой выбраться.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь... – так медленно и безэмоционально.

В эту игру можно вдвоем играть.

– Сиди тихо, Алла, сейчас муж твой будущий придет. Отпусти котомки. Их никто не тронет. Твоя трава останется с тобой. – тут он не выдержал и хохотнул. Я покраснела. И,

правда, что я в эту рассаду вцепилась. Она мне, вообще, даром не нужна. Она, вообще, для мамы моей предназначена была, а не для меня. Выпустила я ручки из рук, пакеты по бокам от кресла плюхнулись.

– Вот молодец, – этот негодяй меня по голове погладил, – ничего, пусть дура, зато послушная. А мы тебя замуж за младшего конюха выдадим. Он тоже парень простой, ума недалекого, как ты, но зато вам вместе весело будет.

За конюха?! Да еще за младшего?! Меня?! К черту золото молчания! Мне и серебра довольно.

– Вот уж нет! – взвилась я. Что мне теперь терять-то? – Сами за конюха выходите. Есть у меня уже муж. Родной и любимый. И второй раз я замуж не пойду.

Брантир даже опешил от моей наглости.

– А что же ты тогда за короля замуж хотела? – зашипел. Как гусь. И, вообще, очень он на эту птицу похож.

– И за короля не хотела. И за конюха не пойду. Лучше убивайте сразу, – сложила я руки на груди и гордо вздернула нос, – а мои девичьи фантазии нечего подслушивать. Мало ли о чем я думаю!

– Да мне плевать. – зарычал этот наглый и бессовестный любовник короля, – мне велено тебя замуж выдать и сбегать с глаз долой.

– А я сказала, что замужем уже. И ни за кого больше не пойду!

– Да кто тебя спрашивать-то будет? – усмехнулся козел. В

дверь постучали , – а вот и муженек твой будущий.

Глава 3

– Входи, – с превосходством глядя на меня, разрешил Брантир.

Дверь тихонечко открылась и в кабинет бочком, сминая в руках шапку, вошел огромный детина. На Илью Муромца похож. Только умом явно скорбен. Если бы не это, может быть сердечко-то у меня и екнуло. А тут нет. Как отрезало. Не действует на меня больше мужская красота.

– Тогда будьте готовы, – прищурилась я, – что завтра вдовой стану. Изведу этого, – кивнула на детину, – и любого другого изведу. Повторяю, я уже замужем и второго мне не нужно.

– Твой муж остался в другом мире, – хохотнул негодяй, – так что считай помер.

– Значит я вдова! – выпятила я грудь, – и у меня траур! Вы не можете выдать меня замуж, пока я не оплакала погибшего супруга.

И тут я увидела, что в глазах этого что-то мелькнуло. Какое-то понимание что ли... и решила давить туда, где давится.

– Иначе Бог не простит меня! Где это видано, чтоб в день смерти мужа замуж выходить?! Я честная девушка! Тьфу! Женщина!

Я так распалилась, даже сама верить стала в то, что гово-

рю. Должна же я оплакать своего зайку-алкоголика?! Должна! Просто обязана! И траур соблюдать! Пока какого-нибудь нормального мужика на найду. А не конюха этого.

– Я понял, – Барнтир даже как-то успокоился, Илье Муромцу кивнул на дверь, и тот понятиливо вышел. Хороший мальчик. – я дам тебе время. Сколько дней тебе нужно?

– Три тысячи шестьсот шестьдесят пять! – не растерялась я.

– Десять лет?! – удивился он, – ты уверена?

Ну да, малость переборщила. А то вдруг запомнит, а потом я замуж не смогу выйти, вообще. А тут мужчины вон какие. Трех видела и все трое как на подбор. Физически.

– Да, – вздернула нос, спасибо амулету, скрывающему мои мысли. И мгновенно выдала, как по писанному, – десять лет-полный траур, пять лет- малый траур. А три – минимальный. Но о помолвке можно объявить через год. – оставила я себе лазейку.

– Вот и отлично, – Брантир кивнул своим мыслям, – значит через год замуж тебя и выдадим. А пока, отправлю я тебя во вдовье поселение, пенсию назначу, как вдове погибшего солдата, – усмехнулся, – и не говори, что не предупреждал.

– О чем?

– О том, что в бедности тебе придется траур соблюдать, – оскалился. Вот негодяй.

– Бедность – не порок, – пришла мне на выручку народная мудрость.

– Посмотрим, – Брантир улыбался как кот, наевшийся сметаны, – пошли, выделю тебе государственную вдовью долю.

Вот было у меня ощущение, что вляпалась я как кур во щи. Но промолчала. Взвалила снова на себя пакеты свои с рассадой. И потащилась за королевским любовником.

Иду, а сама думаю. Может надо было соглашаться на замуж? Уж не верю, что государственная вдовья доля будет такая, чтоб жить безбедно. Никогда такого не было, чтоб солдатские вдовы на пособие хорошо жили. Везде и во все времена платили им так, чтоб только с голоду не померли.

И во что я опять вляпалась?

Так и вышло. Протащил меня Брантир через портал... ну, мне-то показалось мы в комнату вошли через дверь. А это оказывается портал был в городок соседний, где вдове поселение расположено. Потом на лошади ехали. Не верхом, кончено. Телега была. Но не деревенская, а приличная такая, как в фильмах про старину показывают. Бричка называется.

А я свои растюхи-то теперь берегла. Рассудила, раз поселение, значит не в городе жить буду. Глядишь клочок земли достанется. А у меня тут и помидоры, и перцы, и баклажаны, и капуста, и еще не вспомню кто... и семян полный рюкзак. Как удачно я к тете Клаве-то зашла. Не люблю я, конечно, дела огородные, да чтоб с голоду-то не помереть на все готова. Раз голова не работала, когда от Ильи Муромца отказывалась, так пусть теперь руки работают.

Вздохнула. Вот я дура привередливая. Замуж за королевского конюха не захотела. Теперь шансов никаких. Если со вдовами жить, то как мужика-то себе найти. Там конкуренция ого-го какая. Я и у себя-то алкоголика завалившего себе «отхватила», а уж здесь... а все гордость моя непомерная. Короля захотела. Или герцога. Эх.. доля моя горькая... вдова... вдова...

Только мы сели на брочку, как Брантир наклонился к уху моему и зашептал:

– Запомни, ты из Хадоа, муж твой шпионом нашим был. Погиб при исполнении, мы тебя вывезли и пенсию назначили. Ты о делах мужа ничего не знала, и в Гвенаре никогда не была. Запомнила? – Я кивнула. – Повтори.

– Я из Хадоа, муж мой был шпионом, успешным. Работал на вас. Хорошо зарабатывал. И жили мы безбедно, в шелках да бархате. А как погиб мой любимый, так вы меня богатств всех лишили, вывезли в Гвенар, во вдове поселение сбагрили и нищенскую пенсию назначили. А у меня здесь ни кола, ни двора, ни родни, ни знакомых. Помощи ждать не от кого. Одна-одинешенька я на всем белом свете, – и так мне жалко стало себя, что я всхлипнула.

Брантир покосился на меня удивленно и кивнул.

– Так и говори. И запомни, зовут тебя Малла Вильдо. Забудь вое настоящее имя и никому не говори, если не хочешь, чтоб тебя посчитали за Аррову ведьму.

– А кто это? Арр? – я уже несколько раз слышала это имя.

Оба бугая им ругались.

– Сущность, которая все запутывает. Противоположность Оракула, который помогает видеть все ясно и четко. Поняла?

– Поняла, – вздохнула. Хотя ничего не поняла на самом деле. Вот... даже имя мне мое нельзя оставить. – Малла, значит, Вильдо. А мужа моего как звали?

– Откуда же я знаю, – усмехнулся Брантир, – как мужа твоего звали.

– Орландо, – вздохнула я снова... ну, да. На имя я в свое время и повелась. Мать-то у него русская, а отец итальянец. Казалось мне, что счастлива буду с таким темпераментным мужчиной. А у него русская кровь сильнее оказалась. – Орландо Вильдо... самый удачливый шпион всех времен и народов. Агент ноль-ноль-семь. Непобедимый и верный своей любимой жене.

Бугай закашлялся. И что это с ним?

– Ты имя сама придумала? – схватил он меня за руку. Я отрицательно помотала головой. А он как-то со всхлипом втянул воздух и пробормотал, – Орландо и Алла...

И потерял воротник своего странного фрака, такой же, как у короле, только намного более скромного. Чего это он?

Во вдовье поселение мы приехали минут за двадцать. Я не очень хорошо разбираюсь в лошадях и их скорости, вернее, совсем, абсолютно не разбираюсь, но мне показалось, что пешком от портала до поселения часа два-три не меньше.

Пока ехали, я разглядывала все, вокруг. Городок оказал-

ся совсем крошечным и типично средневековым. Только чистым и аккуратным. Узкие улочки, крошечные домики из серого камня, обвитые плющом и теснящиеся на этих улочках, с нависающими балкончиками, на вторых-третьих этажах. Я такие тысячу раз видела. Правда только по телевизору, да в интернете. Мой муж, полу-итальянец пропивал все что можно и что нельзя. Его отец пару раз присылал нам деньги на поездку, но потом махнул рукой. Звонил только иногда мне, спрашивал на ломанном русском, как там его сын. Получал ответ, что пьет, вздыхал и клал трубку. У него-то там путевые дети были. Зачем ему этот.. алкоголик проклятый.

А теперь я вот попала за границу-то... да не в другую страну, а в другой мир. Уж, не знаю, что ждет меня здесь, но там, дома, меня ждет муж алкоголик, убитая комната в коммуналке, в которой мы вынуждены были жить, потому что Орландо решил, что очень удачлив и проиграл крупную сумму денег. Пришлось нам продать квартиру и купить гостинку. А потом и комнату в коммуналке. Собственно, поэтому мы в этот раз и поссорились. Ушла я от него к маме. Оставила одного в крошечной конуре в десять квадратов. Грязной и отвратительно воняющей...

И чем мне, спрашивается, младший королевский конюх не угодил, а? Эх...

Погода здесь тоже не особо отличалась от привычной мне. Деревья все еще стояли голые, коричнево-серые луга покрытые прошлогодней травой, радовали глаза редкими остров-

ками нежной зелени. Хотя солнце светило довольно сильно, и листья почки на деревьях уже набухли. Если судить по нашему миру, то через день-два зазеленеет все. Хотя может быть я ошибаюсь. Ведь я так и ехала в своем пуховике, шапке и осенних сапогах, и мне совсем не было жарко.

Вдовье поселение оказалось откровенно бедноватым. Нет, не нищим, совсем уж ветхого жилья здесь не было, и домики в основном сверкали свежей краской, но все равно чувствовалось, что экономия для жителей этого поселения знакомое понятие. Как и мне впрочем. Чего уж там... даже если поселят меня в комнатку, все будет лучше, чем дома с Орландо.

– Ваша Светлость, – из центрального и единственного двухэтажного дома, выскочил крепенький, бодренький старичок. Сразу видно бывший военный. Они-то выправку до самой смерти сохраняют. Вон как вытянулся, спина прямая, плечи назад. Хотя самому уже лет восемьдесят. А мой бугай-то, оказывается, Светлость.

– Гририх, привез тебе еще одну постоялицу. Малла Вильдо. Вдова нашего из Хадоа. Она в Гвенаре и не была никогда. Оформил по первой категории, – у старичка этого брови на лоб вылезли. Но промолчал. Кивнул. А у меня сразу подозрения появились, что неспроста эти категории... ох, не просто...

– Слушаюсь, Ваша Светлость, – козырнул старый вояка. Ну, не совсем, конечно, но впечатление было именно такое. И обратился ко мне. Мягко как-то. По-доброму. – Идем,

Малла.

И пакеты мои подхватил. Я аж прослезилась. Хоть один настоящий мужчина. Не то, что короли, да светлости. Вылезла из брички, да за старичком зашагала.

– Малла, – окликнул меня Его Светлость, и кинул мешочек, в котором звякнули монетки, – держи, тебе пригодиться.

– Спасибо, – поймала я мешочек и улыбнулась. Ну, хоть что-то человеческое в этом бугае есть.

– Через год, когда траур закончится, я приеду, – хмыкнул он, – Его Величество велел замуж выдать. А его воля – закон. Будешь экономна, этого, – он кивнул на мешочек, – хватит.

У-у-у... негодяй!

Глава 4

Двухэтажный дом оказался чем-то вроде административного здания. На первом этаже были служебные помещения, а на втором жил сам господин Гририх, оказавшийся не только старым воякой, но еще и дворянином. Безземельным. Он не достиг особых высот в армии, получив серьезное ранение в первом же бою. Но когда после выздоровления его поставили комендантом вдовьего поселения, неожиданно почувствовал себя на своем месте. Административная работа пришлась ему по душе и с тех пор, вот уже больше восьми десятков лет он с удовольствием служил королю. Здесь же он женился, на солдатской вдове, вырастил двух сыновей и сейчас счастливо живет со своею старухой.

Все это болтливый, как и все старики, господин Гририх рассказал, пока мы шли от дороги к деревянному крыльцу. Я слушала и поддакивала. Хватит. Уже навозмущалась. Сейчас была бы замужем за королевским конюхом, жила бы во дворце и в ус не дула. Так что улыбаемся и машем. Головой. В знак согласия.

Через небольших сенях было две двери. Одна вела в большой, но почти пустой кабинет. По сравнению с кабинетом Его Величества, здесь было как-то даже убого что ли... простой деревянный, но чистый, без документов, стол, крашенный коричневой краской, которая кое-где на углах уже об-

лупилась. Коричневые же шкафы вдоль одной стены с открытыми полками. На полках лежали стопки бумаги, стояли большие, и даже на вид тяжелые книги и даже горшки с цветами.

Стулья тоже нельзя было назвать даже красивыми. Простые, грубые, но со спинками. А с обеих сторон от двери расположились широкие, не крашенные скамейки, отполированные до блеска полами посетительниц.

Сейчас никого не было, и господин Гририх, усадив меня на деревянный стул возле стола, попытался дотошно выпросить меня по поводу моего прошлого. Но как только я хотела рассказать хоть что-то о своем прошлом, изо рта вылетало:

– Я Малла Вильдо из Хадоа, мой муж работал на Гвенар. Погиб несколько дней назад. Меня вывезли и назначили пенсию. О делах мужа ничего не знаю, в Гвенаре никогда не была.

В первый раз я испугалась даже. А потом поняла... Это все происки Его Светлости! Вот... негодяй!

Старичок, слушая такие слова из моих уст, важно кивал и довольно улыбался. А потом начинал спрашивать снова. Кажется, ему просто было весело

А я злилась. Страшно. Попадись мне сейчас Его Светлость, придушила бы... потом бы меня, скорее всего тоже, того... я же простолюдинка. И даже к старичку-коменданту должна обращаться Господин. Тьфу! Кошмар меня подери! Угораздило же. И почему я не вышла замуж за Илью Муром-

ца. Вдруг бы он хоть баронишкой каким оказался. Ну... наверное, у короля даже коней бароны обихаживают.

Но теперь чего уже... Забыть надо об упущенных возможностях и о будущем думать. Тем более не на кого больше кивать. Мужа нет, родителей нет. Одна я, как перст, на белом свете. А мама, наверное, рассаду ждет тети Клавину. Планирует куда что сажать будет... Папа как всегда ворчит, что я так долго где-то пропадаю... а зайку моего, наверное, мужики приволокли и в грязной комнате из-за которой мы поругались бросили.

И так больно мне стало. Так домой захотелось. К Орландо моему непутевому, в коммуналку вонючую.. Я бы не ссорилась с ним больше никогда. Отмыла бы, закодировала, да на фазенду до осени отвела бы... там с водкой напряженка, глядишь и сдержался бы... первые три месяца, говорят, самые трудные. А если выдержит, то дальше пить не будет.

И сама бы с мамой, да с папой в огороде работала бы... уж лучше там, все вместе, чем здесь. Одна, никому не нужна...

– Э-эх, девчонка же еще совсем, – горестно простонал господин Гририх, – не плачь, дочка... все будет хорошо. Не бросим мы тебя. Мы тут все, почитай, одна семья...

Плакала я недолго. Господин Гририх дал мне время успокоиться. Не торопил. И я видела, искренне жалел меня, потерявшую мужа. Иногда такая жалость со стороны чужих людей напрягает, но старичок-комендант совершенно точно был на своем месте. Его сочувствие как-то успокаивало. Как

поддержка близкого. Наверное, у него тоже были какие-то способности вроде тех, которыми обладал Его Светлость.

– Держи, Малла, попей, – протянул он мне стакан воды. Ну какой мужчина! Я ведь уже пол дня в этом мире бултыхаюсь. А стакан воды никто не подал. И это в королевском-то дворце! Никакого воспитания.

– Спасибо, господин Грихир, – пролепетала я. Пока пила, совсем успокоилась.

Оформили меня очень быстро. Это вам не наша родная бюрократия. Записал господин Гририх в талмуд фамилию и имя мои и моего мужа, вытащил из шкафчика горсть печаток. Простеньких, стальных. Посыпал порошочком, велел мне приложить к поверхности указательный палец, отчего на сером металле явно проступил мой отпечаток пальца, и уколов иглой мой палец, закрепил это дело каплей крови. Оказалось, это кольцо-артефакт заменяет паспорт. Как наденешь его, так больше и не снимешь. А на металле навечно твой отпечаток остается, который и используется вместо подписи и прочих опознавательных знаков. Первую печать я поставила сразу же, напротив строчки. Обозначающей мое имя.

А еще меня ждал сюрприз. Теперь я не умела читать.

Это ужасно, конечно, но, если подумать, то вполне закономерно. Чудо, что я, вообще, понимаю и разговариваю с местными.

– Ну вот и все, теперь ты гражданка Гвенара, – улыбнулся

старичок и протянул маленький мешочек, – тебе полагается десять грот подъемных, и кое-какая одежда на первое время и продуктов на неделю. Ярмарка к ним каждый Первый день приезжает. Сегодня пятый. В первый раз одна не ходи. Придешь с утра сюда, вместе с нами пойдешь. Госпожа Гририх тебя научит как и что. А то облапошат купчишки. С ними ухо остро держать надо. Поняла?

Я кивнула. И всхлипнула. Ну, до чего же дедушка хороший. Мешочик отправился в карман к своему собрату. А я уже по размеру одного поняла, что Его Светлость был весьма щедр. Мешочек-то, что он мне кинул, в несколько раз больше.

– Идем, Малла, – дедушка подхватил мои пакеты, – уберем твои травки в повозку, а потом все остальное подберем. Сейчас жена моя спустится. А ты травница что ли? Необычные у тебя травки-то. Из Хадоа привезла?

– Я, Малла Вильдо, из Хадоа... – Ненавижу Его Светлость!

Господин Гририх усмехнулся, и кивнул. Мол, все понятно.

Повозка оказалась обычной деревенской телегой, только сколоченной из досок. Я устроила свои пакеты. Хорошо тетя Клава рассаду упаковала. Сколько я с ней уже болтаюсь, а она вроде бы вся живая. По крайней мере, макушки помидоров, торчащие из газетных тубусов, выглядели весьма бодро.

– Гририх, – в окно второго этажа вылезла полная дама

весьма приятной наружности с длинной толстой косой, которая тут же выскользнула на улицу. Будто Рапунцель, улыбнулась я. – У меня пирог в печи вот-вот дойдет, сейчас выну и спущусь. Ты пока выдай все, кроме белья.

Господин Гририх насторожено покосился на меня. Переживал, наверное, догадалась я, что стыдно мне будет. Кто же знает, как у них тут в почти средневековье положено. Может женщины краснеть должны только слово белье услышав... это же не наши времена, когда по телевизору реклама прокладок. У меня подруга жаловалась, как ни сядем, говорила, всей семьей фильм посмотреть, а у нее муж и три сына, так по телевизору то про прокладки, то про молочницу рассказывают.

– Пойдем, Малла, – вздохнул дедушка, – выберешь себе одежду. А то больно наряд у тебя приметный. Сразу видно из Хадоа.

Вторая дверь из сеней вела на склад. Здесь тоже стоял большой деревянный стол, но уже без ящичков, по стенам висели открытые полки, на которых стопками лежали постельные принадлежности, стояли мешки, короба, висела одежда. Все четко, ровно, как по струночке, еще раз подтверждая военную выправку хозяина.

А он, сев на единственный табурет, открыл очередную толстенную книгу, записал что-то, и, постоянно сверяясь с записями начал выдавать мне то, что государство посчитало нужным. Я уже сообразила, что первая категория означает,

что вдова явилась нищая и обеспечить ее нужно максимально возможно. Ведь, если Его Светлость придумал мне такую легенду, значит она вполне правдоподобно. И являются сюда во вдовье поселение женщины, вывезенные из других стран в том, в чем были. Без имущества.

А полагалось довольно много всего. Я даже немного удивилась. Вряд ли в нашем государстве Российском так заботятся о вдовах своих шпионов.

Матрас, или скорее тюфяк, набитый мягким сеном. И такую же подушку. Дедушка помял их, пробурчав что-то под нос, и сказал, что сено надо бы поменять.

Два одеяла. Одно толстое, плотное и тяжелое, похожее на войлочное, а второе – мягкое и легкое, сшитое из нескольких слоев плотной шерстяной ткани.

Постельное белье. Или скорее несколько отрезков небеленного льна, которые должны были заменять и простыни, и пододеяльники, и наволочки и даже полотенца. Поэтому этих кусков ткани мне полагалось целых шесть.

Потом господин Гририх перелистнул страницу, на которой он ставил галочки, отмечая выданное. Несколько столбцов так и остались не отмеченными, и я решила, что это и есть то, что госпожа Гририх выдаст сама лично.

А между тем дедушка Гририх поставил на стол большой глиняный горшок и пару поменьше. Мне стало страшно. Неужели мне придется готовить на этом? Кошмар меня подери! Да я же не умею!

Две деревянные тарелки, пара деревянных же ложек, глиняная кружка, кувшин.. Я в ужасе смотрела на свою посуду. И как этим пользоваться?! Хочу свою любимую антипригарную сковороду, и мультиварку, и блендер... и стиралку, вздохнула я, потому что на стол легла деревянная же стиральная доска.

У меня из глаз хлынули слезы. Я не могу жить в этом мире! Я хочу домой. К телевизору, телефонам и всем прочим благам цивилизации.

– Богато? – с довольной улыбкой спросил Господин Гририх, – наш король умеет быть благодарным.

Благодарным? Благодарным?! Этот козлина притащил меня в свой убогий мир! Сволочь!

– Я Малла Вильдо из Хадоа... А-а-а! – Ненавижу этого козла!

Допотопное барахло все прибывало и прибывало. И я с одной стороны понимала, что любая местная женщина была бы счастлива от такого «снабжения». А с другой, меня все бесило. Вонючее грязное мыло в глиняном горшочке, деревянный гребень, нижние юбки и рубашка вместо привычного белья, толстое шерстяное платье, в котором полагалось ходить в прохладную погоду, надевая поверх еще и фартук, а на улице теплый плащ, похожий на накидку, толстые колючие шерстяные чулки, деревянные башмаки... Это все мне выдала госпожа Гририх, пока ее муж таскал мое новое имущество в телегу.

Хорошо хоть, подумала я, что корсеты здесь не носили даже благородные. По крайней мере, пышная как пирожки из печи, которые достались мне в качестве угощения, жена Господина Гририха – Вилина, себя не утягивала. И это радовало. И голову разными там чепцами ушастыми не покрывали. Вообще, ничем не покрывали.

– Вот и все, – расплылась она в улыбке, – приложи колечко, Малла.

Я мрачно склонилась на книгой и прижала печатку к тому месту, куда мне было указано. Улыбаться не хотелось. Хотелось сдохнуть. Еще больше, чем когда либо. Его Сиятельство надо мной совершенно точно поиздевался. Я же видела как одевался он, и как сейчас одели меня. Негодяй.

Глава 5

– Малла, – счастливая, довольная и дородная госпожа Гририх взяла меня за руку и, заглядывая в глаза, серьезно произнесла, – не буду говорить, что будет легко. Знаю, что тяжело терять того, кого любила и с кем провела самые счастливые годы. Сама такая была. Но жизнь продолжается, девочка. Все будет хорошо. Со временем ты привыкнешь, смиришься. А мы здесь все тебе поможем. И если тебе нужна помощь, обращайся. Договорились?

Я кивнула. А что мне оставалось делать? Я ведь понимаю, что у меня сейчас, как у лягушки, два пути: сложить лапки и утонуть, или побарахтаться.

И пусть я еще не решила, что буду делать, потому что утонуть легко и быстро, а взбивать из молока масло это трудно и долго, и еще не факт, что получится. Но я хотя бы знаю, что у меня есть выбор.

Добра получилась почти полная телега. Я даже удивилась. Все же по меркам этого мира король, действительно, не обижает вдов. Пусть даже первой категории. Вся беда в том, что я не из этого мира. И не представляю, как буду выживать в таких условиях.

Господин Гририх усадил меня на телегу, и мы поехали. Никогда не ездила на телеге. Я лошадей-то вблизи до сегодняшнего дня не видела. А сейчас смотрела на кобылью зад-

ницу и думала, что эта картина лучше всего олицетворяет мою нынешнюю жизнь.

Ехали мы недолго, но жизнь в виде кобылей задницы успела еще и нагадить. Для полноты ощущений.

Остановились мы на самой окраине вдовьего поселения рядом с небольшим аккуратным домиком. Здесь все было совсем маленькое. И палисадничек перед домом, и чистый дворик, и хозяйственные постройки неизвестного мне назначения, обозначенные плетеной из прутьев изгородью. А вот огород там, скотным двором, оказался огромным. Соток двадцать не меньше. У меня даже спина заболела, как представила, сколько придется горбатиться на этом участке. У нас фазенда-то вместе с дачкой раза в три меньше была.

– Нравится? – Господин Гририх с гордостью посмотрел на меня, – далековато от центра, зато участок здесь самый большой. Раз уж ты травница, то и земли тебе побольше.

Мысленно я схватила за голову и простонала от ужаса. Кошмар меня подери! Из-за этой проклятой рассады, которая вовсе и не моя, меня теперь считают травницей. А я библиотекарь. Но попробуй Расскажи об этом, если только я открываю рот, как получается «Я Малла Вильдо из Хадоа..» Ненавижу Его Светлость!

– Спасибо, господин Гририх, – старательно улыбнулась, мне хорошие отношения с этим дедушкой еще пригодятся. Надеюсь, хоть женщины, с которыми я буду жить, мне помогут.

– Да что я-то, – расплылся в улыбке дедушка, – это все Его Величество Гвенарий 169! И муж твой. Первая категория она не всяким вдовам дается-то. Только за особые заслуги супруга. Так что гордись, дочка, мужем. Значит он твою безбедную жизнь сполна отработал. Ну пойдем. Еще разгрузиться надо. А тебе уборкой заняться. Домик этот уже года три пустует... вот так-то...

Кошмар меня подери! Я что здесь одна жить буду?! Это все только мне?! Сама себе хозяйка?! И тут меня прям такая благодарность к Его Светлости захлестнула. Нет, ну правда. Мог же ведь за конюха замуж выдать. Мог просто из дворца выгнать и забыть. Да мог сюда в поселение привезти и оставить никем. А он... смахнула я слезу, всхлипнула, носом шмыгнула под одобрительным взглядом господина Гририха... а потом решила, что все равно сволочи они оба. И Его Светлость, и любовничек его – король. Нечего было меня волочь сюда. Мог бы и там меня оставить в своем мире. Тогда бы и на половину телеги добра не пришлось раскошелиться бы, ни на домик этот.

Пока господин Гририх перетаскивал богатство из телеги на крыльцо, я зашла в дом. Посмотреть, что за хоромы мне достались. Крылечко оказалось самым чистым местом во всем доме. Дождик, наверное, недавно был... да и ветер мусор сдувает.

Крошечные сени с небольшой лавкой, на которой стояли два старых рассохшихся ведра, с крючками возле двери. Еще

более маленький прохладный чуланчик с полками по стенам и деревянными коробами с крышками на полу. Кухня-прихожая-гостиная с небольшой печью, столом и неизменными полками и лавкой вдоль стены. Комнатка с кроватью и деревянным коробом для одежды. Еще ода странная комнатка, в которой стоял большой стол и лавка возле окна. Все было покрыто толстым-толстым слоем пыли.

Я мысленно взвыла. Отмывать эту пыль придется не один день. Но народная мудрость гласит, дареному коню в зубы не смотрят. Хотя странно... ну, как это не посмотреть в зубы коню, если интересно? А вдруг это кляча какая-нибудь...

Поэтому я с важным видом заглянула во все углы. Полы не скрипят, нигде не сквозит, в окнах стекло, конечно, такое, что плакать хочется. Толстое с пузырьками. Через такое не то, что не видно ничего, через такое и свет толком не попадает. На кухне оказался подпол. Маленький такой погребок... плохо. Я в деревне-то была, там подполы огромные, чтоб урожай хранить. А тут? Мешок картошки не влезет.

Кровать тоже не имела видимых изъянов. Хотя была, как и все вокруг деревянной. И очевидно жесткой. На тюфяке, набитом травой, будет совсем невесело. Все бока отлежу до синяков.

Деревянный короб для одежды, или скорее сундук, с тяжелой дверцей тоже такая себе замена шкафу. Внутри нет полок. Просто ящик. И как сюда вещи складывать? Это каждый раз туда-сюда все вытаскивать придется? А ведь я

видела шкафы. Пусть они для документов, но зато полки есть. Надо будет выкинуть этот громоздкий сундук и поставить шкаф, и повесить деревянные дверцы. Найдется же здесь, наверное, кто-то, кто сможет мне сделать дверцы для шкафа? Не может же все быть настолько убого в этом вдвоем поселении?

Бедные мы бедные, несчастные попаданки! Никто не пишет, что это средневековые жуть жуткая... я в домике ни ванны не нашла, ни туалета. Значит, как летом на даче, мыться в тазу, а в туалет ходить во двор... И это кошмар и ужас. Ненавижу!

А еще печка... я вышла на кухню и с ненавистью посмотрела на серую, давно не беленую печь. Не такую огромную, как русская печка у бабушки в деревне, но все равно, занимающую почти половину кухни. Вот как, спрашивается, готовить? Где крутить, чтобы убавить и прибавить огонь? И как, вообще, ее топить? И чем? И, главное, спичек я во всем полученном богатстве не было. А вдруг здесь огниво какое-нибудь используют? Ненавижу короля! Зачем он меня сюда притащил?! Хочу домой, в цивилизацию!

– Малла, – в дом вошел господин Гририх, – я бабам крикнул, сейчас придут, помогут тебе обустроиться. Помыть здесь все... а то вечереет уже.

– Спасибо, – я вытерла слезы и повернулась к коменданту, незачем ему видеть, как я реву. – Скажите, а дрова мне где взять? Или чем тут печку топить надо? И воду... набрать бы.

Для уборки.

Господин Гририх показал мне, где во дворе дровяник с небольшим запасом дров, где колодец... и если с дровами я худо-бедно справилась, в смысле с доставкой их до дома, то с колодцем вышел полный провал.

Колодец был прямо у меня в огороде, чтобы значит далеко не таскать воду для полива. Добротный такой, каменный и очень глубокий. А вода плескалась где-то далеко-далеко внизу. Доставать ее надо было ведром, привязанным к толстой веревке.

Я-то была уверена, что это просто. Сто раз же по телевизору видела, как воду из колодца достают. Кинули ведро вниз, и достали с водой. Эка невидаль.

Здесь, правда, не было ни журавля, ну палки такой, высокой, ни бревна с ручкой-крутилкой, как по телевизору. Но не думаю, что от этого задача достать ведро воды становится труднее. Сейчас наберу воды, умоюсь хоть. А то что-то кожу стягивало от грязи.

Но проклятое ведро никак не хотело набирать воду. Оно же деревянное! И нагло и бессовестно плавало в колодце и не тонуло. Я уже и веревку крутила, и туда-сюда ее таскала, и бросала ведро с небольшой и уже с большой высоты... нет... это поганая деревяшка никак не хотела тонуть.

От таких упражнений мне стало жарко. Я сняла пуховичок, накинула его на заборчик, и осталась в джинсах и кофточке. Сделала я это как-то машинально, не подумав. А вот

господин Гририх, который хотел проверить какую-то тягу и сам разжигал огонь в печи, вышел на крыльцо, закашлялся и... бегом прибежал ко мне. Я даже не поняла в чем дело, а он уже накидывал на меня пуховик.

– Малла, – возмущенно шипел он, багровый от смущения, – не знаю, какие у вас в Хадоа порядки, но здесь у нас неприлично ходить в исподнем без верхнего платья! Даже во дворе!

А я не нашлась что ответить. Молча натянула пуховик и, вымещая злость на все, что происходит в моей жизни, изо всех сил швырнула проклятое ведро вниз. И оно, наконец-то, утонуло. Вместе с веревкой, которую я забыла закрепить.

Ненавижу новый мир! Ненавижу-у-у!

– Здравствуйте, господин Гририх, – в калитку вошла совсем молодая девчушка. Светленькая, стройненькая, красивая... чем-то на Кристину Асмус похожа... Если ее нарядить в убогое местное платье.

Нет, ну где справедливость? Вон король и герцог прилично одеты. У господина Гририха, несмотря на явную простоту ткани, тоже нормальные брюки, рубашка и камзол, ну, без рукавка. Да, даже младший конюх, мой муженек несостоявшийся, в почти привычной одежде.

А у женщин просто ужасные платья-балахоны. Как мешки с дыркой. Поэтому-то они фартук обязательно повязывают, догадалась я, он хотя бы талию обозначает. Если она, конечно, еще прощупывается. В таком платье пышкам, вроде

госпожи Гририх хорошо, а на Асмус оно как штора на палке смотрится.

– Здравствуй, Салина. – ответил дедушка, – вот познакомься, это Малла Вильдо. Она теперь с нами жить будет. Ее его светлость лично привез. Ты уж пригляди за ней. У нее тоже муж, как и твой, по ведомству его светлости проходил.

– Привет, Малла, – тут же среагировала Асмус, тьфу... Салина... как бы не забыть-то... – Мы с тобой соседи, и я с радостью помогу тебе обустроиться...

– Ну вот и славно, – с облегчением выдохнул господин Гририх, – печь я проверил, все нормально с тягой. Так что я пойду. Вы уж тут теперь сами... Я Витку и Сайку крикнул. Придут, помогут отмыть.

– Спасибо, господин Гририх, – улыбнулась дедушке Салина, – мы справимся, не беспокойтесь. До свидания.

Я молча кивнула, прощаясь. Это они тут весело щебетали, а у меня на сердце камень так и лежал. Огромный и тяжелый. Так домой хотелось, хоть волком вой. Не до разговоров. И даже мысли вон какие-то вялые. Тоскливые.

Глава 6

Господин Грихир ушел, а Салина на меня посмотрела и прыснула от смеха.

– Малла, а ты где так в грязи-то вымазалась? Пока бежали, да? Я тоже как чушка приехала сюда. Давай воду достанем, да умоешься...

– Не могу, – выдавила я, боясь, сказать лишнего. А то опять включится это «Я Малла Вильдо из Хадоа...», – я ведро утопила...

– Ничего, сейчас багор принесу, мигом достанем.

И, правда, через минуту Салина легко достала из колодца ведро полное студеной и невероятно свежей воды. И поставила на каменный бортик.

Ох, как же хорошо! Как в детстве. У бабушки в деревне. Наклонила я ведро и напилась вволю. Зубы от холода ломит, но так вкусно, что не оторваться. Пока в животе не забулькало, так и пила. Что и говорить, наревелась ведь. Да и голодная. С обеда маковой росинки во рту не было. А обед был еще в дома, в своем мире.

А потом решила переставить ведро на землю. Схватила, и чуть вместе с ведром и не упала. Салина-то его так легко поднимала. Я думала, оно легкое. А в нем пудов сорок! Не поднять вообще! Я снова попыталась. Теперь уже более медленно, с усилием. А не так, как первый раз с наскока.

И кряхтя от ужасно тяжести, держась за деревянную же дужку двумя руками, спустила треклятое ведро на землю. У меня даже живот заболел. Нехорошо так... как бы не надорваться... а то грыжа какая-нибудь вылезет. А здесь вам не там... медицина, наверное, на уровне кровопускания и клизм. Мамочки! Кошмар меня подери! Куда я попала?! Хочу домой!

В свою поликлинику с обшарпанными стенами, с окнами, из которых страшно дует, с протекающей крышей, с записью на анализы за две недели и на УЗИ за три месяца.

– Малла, – Салина пристально смотрела на меня, – ты что из благородных?

Я растерялась... а что сказать? У нас-то в средние века за нагло присвоенный титул и казнить могли. И, ну правда же, на крестьянку местную я похожа, как арабский скакун не самых чистой кровей на тяжеловоза. В общем, кивнула я. А сама голову в плечи вжала. Показалось, что прямо сейчас меня казнить будут. Небеса разверзнуться и грозный Его Величество с любовничком своим как заорут хором громогласно: «Так ты, лукавая, презлым заплатила за предобрейшее!»

Но ничего не случилось, только Салина кинулась обнимать.

– Малла! Как же тебе тяжело будет-то! Ты же к такой жизни-то совсем непривычна... но я тебе помогу. Сама почти так же попала. – Я даже вздрогнула. А вдруг Салина, правда, тоже попаданка. Но та поняла мою реакцию по своему, – ну

да... я не из благородных, но дочь купца не из последних. Мне тоже не приходилось по хозяйству ничего делать... тяжело было. Да, научили меня девочки всему. А я тебя научу.

Поплакали мы с Салиной. Вдвоем. Она по своей семье, которую потеряла двенадцать лет назад. Я о своей беде. Правда, опять это «Малла из Хадоа» вылетело. Но это только убедило Салину, что она права. И я чуть ли не принцесса Хадоа в изгнании. Я, конечно, отнекивалась. Жить-то мне еще хочется. Но, мне кажется, она не поверила.

Тут Витка с Сайкой пришли. Дородные, почти как гририхова Рапунцель, щекастые. И косы такие же. Длинющие, толстющие... у меня-то волосы до плеч, да совсем не такие густые. Я даже позавидовала немного... ну, сильно позавидовала... хотя может и у меня такие отрастут. Это вам не город в нашем мире. А деревня. Причем самая супер-экологически чистая.

Может поэтому и живут здесь дольше. Салина, например, меня на десяток лет старше, а выглядит на десяток моложе. Подружкам-хохотушкам, в уже почти привычных ужасных платьях-мешках, на фартуках неизменных, под восемьдесят. А господину Гририху в прошлом году сто исполнилось. И он еще полон сил...

Я тоже хочу жить так долго. Но не с моим везением надеяться на чудо. И не с местной медициной...

А башмаки деревянные так смешно стучат по полу в доме... тук-тук... все время кажется, кто-то в дверь стучится.

Девчонки, которым хорошо так за семьдесят, оказались веселые и смешливые. Рот у них, вообще, не закрывался. Пока убирались, я столько всего узнала про обитателей вдовьего поселения... например, что госпожа Гририх мужа своего в ежовых рукавицах держит. Следит за ним, аки коршун. А на него бабоньки-то заглядываются. И помладше самой госпожи Гририх, которая ему в дочери-то годиться. Да что и говорить, мужчин во вдовьем поселении раз-два и обчелся. Одни бабы.

Только приезжают с ярмаркой купцы из городка, возле которого поселение наше. И купцов-то этих вдовушки местные чуть не в драку по домам разбирают. Для ночки веселой. Да только купчишки самые завалыщие, ленивые, да нищие. Это мне Салина сказала. Путевых, да успешных сюда жены не пускают. Поэтому и везут всякий хлам втридорога.

И надежды себе мужа достойного найти никакой. Хороших мужиков еще в колыбели разбирают. Это Витка со мной местной народной мудростью поделилась.

Я не поняла, конечно, пошутила она или нет... ну, мало ли здесь какие порядки. Может на самом деле о свадьбе у колыбели договариваются. А вот Илью Муромца, мной неосмотрительно отвергнутого, вспомнила... эх... надо было соглашаться на младшего конюха. Пусть дурак, зато красивый.

А порядок мне девочки быстро навели. Я по мере сил помогала, конечно. Мне тряпку вручили, велели полки на кухне протереть. А сами, втроем, пока я полки оттирала весь

дом отмыли. Часа три не больше у них это заняло, очень уж ловко и споро девочки работали.

А потом так же дружно, вчетвером, перетащили вещи выданные, да по местам разложили.

Я рассадой занялась. Аккуратно из пакетов вытащила, водички подлила, да на полу, куда свет тусклый из окна падал расставила.

Девочки следили за мной, затаив дыхание. У них тут оказывается, совсем нет привычных нам овощей... ни помидоров, ни баклажанов, ни перцев... и капуста только листовая. Вместо салата. Так что девочки с любопытством смотрели на незнакомые травки.

– Малла, – Салина, которая уже давно предупредила Витку и Сайку, что я в силу происхождения, полная неумеха, – а ты за травками-то умело смотришь. Неужто сама все делала?

– Сама, – ответила я, – мама у меня любительница была, и меня заставляла. Зато вышивать, – вспомнила я важную деталь из истории, – шить и все прочее, почти не умею. Немного только.

– Оно и понятно, – согласились девчонки, – когда в огороде работаешь, не до вышивки. А за такими диковинными травками, наверное, и пригляд особый нужен.

– Нужен, – согласилась я, думая, что ни теплиц здесь нет, ни торфяных горшочков для рассады, ни удобрений. И, вообще, неизвестно, что у меня вырастет из иномирных овощей. Вдруг здесь какая-то местная особенность? И будут мои

помидоры фиолетовые? Если не сдохнут еще без укрытия. И опозорюсь я по полной программе, – не знаю, получится ли здесь вырастить.

Вздыхнула... Кошмар меня подери... зачем я только подножку бугаю поставила. Сейчас бы уже давно дома была, а не в избушке этой, на курьих ножках. Сытая, а не голодная. Валялась бы, телевизор смотрела. Орlando бы отмыла и приголубила... Эх. А теперь вся жизнь моя разрушена до основания. И впереди неизвестность.

Когда закончили с уборкой уже вечерело. И девочки разбежались по домам, сказали – встречать стадо. Я даже не поняла сначала, что за стадо они собрались встречать. У нас бабушка-то жила в деревне, и даже корова у нее была, и овцы, но они просто паслись за забором на веревке. И я думала, во всех деревнях так делают. Ну, если одна корова. А если много, то они, вообще, как на ферме по телевизору, круглый год в помещении стоят.

И так интересно мне стало. Неужели, коров на поводке, как собачек водят... я даже представила как пастух коров пытается удержать, которые с поводков рвутся. Как такое пропустить? Да ни за что!

– Салина, а можно я с тобой пойду? Хочу посмотреть на... стадо.

– Идем, – улыбнулась Салина, – а потом, если хочешь, можешь с дойкой помочь. Попробуешь заодно. Это не сложно. Моя Пеструшка добрая очень...

Пеструшка... у моей бабушки тоже так корову звали. У меня даже нос от слез непрошенных зачесался.

Оказывается коровы умные. Это только у бабушки моей, видать, дура была. Я помню, как-то весной она из сарая убежала. Задрав хвост и подпрыгивая на всех четырех копытах одновременно. Мы всей семьей ее целый день по лесам искали. Пока не нашли в овраге за пять километров от деревни.

А местные коровки умные. Никто из за веревки не тащил. И на всех всего один пастух и был. Вернее, пастушка. Тоже вдовушка из местных.

Коровы важно, чинно сами шли, и каждая в свой двор сворачивали. И хозяйки их с хлебом и солью встречали... не на рушниках, конечно, но горбушечку, каменной солью посыпанную, каждая получала.

Я когда Пеструшке Салининой хлебушек протянула, боялась немного, что укусит. А она мягко так, губами корочку схватила. Да руку мне обдала дыханием теплым, травой, молоком, и детством деревенским пахнущим. Неспешно прожевала угощение, а потом лбом осторожно в плечо ткнулась, мол, погладить надо ее.

И страх у меня пропал совсем. Гладила я Пеструшку, как бабушкину корову когда-то давно, и показалось мне на секундочку, что не случилось ничего. Никуда я не попадала. Что все так же дома, у бабушки в гостях. И коровка такой роднулечкой-красотулечкой мне показалось. И вроде даже все пятнышки белые на кирпично-красной шкуре знакомые.

– Нравится? – улыбнулась Салина.

– Очень. – искренне ответила я, – как в детстве, у бабушки. У нее тоже Пеструшка была.

Сказала, и только потом поняла, что не заткнуло-то мне рот ненавистным «Я Малла Вильдо из Хадоа...» Это что же получается, перестало работать? Ага. Как бы не так. Стоило попытаться рассказать, где бабушка-то моя жила... так сразу сработало проклятие негодяя-герцога.

Интересно девки пляшут. А как узнать, что можно говорить, а что нет?

А потом мы Пеструшку доили. Я тоже попробовала. Вымя-то оказывается у коровки мягкое, нежное. Салина его перед дойкой теплой водой обмыла, да маслом смазала, чтоб кожа тонкая не высохла и не травмировалась, когда соски сжимать, да тянуть будем.

Доить забавно. Только долго и трудно. Руки устают быстро. Я даже кружку не надоила. А Салина раз-два и почти ведро. Сколько же силы в этой женщине. А я ведь на фитнес ходила. Считала, что в хорошей форме... а тут ни ведро воды поднять, ни корову подоить.

А молоко такое вкусное! Сладкое, густое, сливками пахнет. Не чета магазинному. Я кружку-то в момент выхлебала.

И уже совсем было решила, что мне корова тоже нужна, как Пеструшка хвост подняла, да такую струю выдала, что я еле увернуться успела. А потом еще кучку наложила. И пошла себе в сарай спать, довольная. А кто теперь все это уби-

рать будет? Я?! Ну, уж нет. Не надо мне роднулечку-красотулечку... обойдусь как-нибудь. Литр молока у Салины куплю. Мне хватит.

Глава 7

Пока Салина с молоком дома управлялась, я к себе вернулась. Досталось мне все же от коровки-то... Недостаточно быстра я была. И в Индии не жила, к таким орошениям непривычна. Так что пошла домой мыться, да в балахоны местные переодеваться. Благо девочки воды мне натаскали. И в горшке еще теплая оставалась.

Кое-как обмылась, той же тряпкой, что пыль вытирала. Прополоскала только хорошенько. Нечем больше. Нищая я, несмотря на все добро подаренное.

А потом начала в новое обряжаться. Мне Салина-то подсказала, что выдали мне два комплекта нижних юбок и рубах. Так что я все тряпки на две кучи разделила. Получилось в каждой по две рубахи и три юбки.

Одна рубаха потоньше первым слоем надевается, вторая – потолще, сверху. Эту вторую принято украшать вышивкой, и ее слегка видно из-под мешка, который по ошибке назвали платьем. И юбки тоже так же. Одна тонкая и две потолще, чтобы значит объем создать.

Надела я на себя все барахло, фартук повязала... Кошмар меня подери. Да мне в пуховике легче было, чем в этом. И самые нижние одежды совсем не из такой мягкой ткани, как хотелось бы. А верхние нижние рубахи и юбки, вообще, больше похожи на мешковину. Чутьочку потоньше только. И

у меня ощущение было, будто меня в дерюгу-то закрутили и перевязали. Ни рукой шевельнуть, ни ногой.

Плюнула я, да верхние нижние рубашку, да юбки сняла. Авось не заметят. Сразу легче стало. Кинула я одежду свою в корыто, которым мне тоже Его Величество одарил, и к Салине снова пошла. Ужинать. Позвала она меня, сказала, что отметить надо мою новую жизнь во вдовьем поселении. Витка и Сайка должны были еще подойти. Веселые бабки. Обещали наливочку принести.

А мне надо. Очень. Чтобы хоть немного расслабиться, и о прошлой жизни своей забыть. Хотя бы на вечерок.

Да, домик-то у Салины не чета моему. Хотя планировка точно такая же. Типовая, так сказать застройка, во вдовьем поселении. Чистенько, аккуратненько все, а еще половички самотканые на полу, занавески вышитые на окнах, одеяла лоскутные на лавках... все это создавало уют и особенную теплую деревенскую атмосферу. У меня так никогда не получится. Это же сколько труда надо вложить и сколько вечеров с ниткой и иглой просидеть? Нет, я на такие подвиги не способна.

Салима как раз на стол накрывала. И вот ту меня ждала засада, о которой я и догадаться не могла. Нет, я-то уже знала, что помидорами, баклажанами и даже капустой меня здесь угощать не будут. И даже догадывалась, что картошки и макарон здесь тоже нет. И как-то даже готова была кашей какой-нибудь отужинать. Но вот то, что каша будет синяя, из

мелких соцветий... нет... этого я никак не ожидала. А все оказалось так просто, но в то же время странно. В этом мире не было злаков и, соответственно, круп в нашем понимании. Вообще.

Местные, как эльфы какие-то, собирали соцветия растений, сушили, а потом молоком заливали и ели вместо каши. И даже хлеб пекли из молотых соцветий.

Кошмар меня подери! Куда я попала? Что за эльфячье царство? Это что же теперь, ни хлеба нормального, ни каши? Как жить-то?

Хотя цветы на вкус мне понравились. И сытно самое главное. И хлеб тоже вкусный. Непривычный, конечно, как будто бы сеном пахнет, но есть можно. Это, конечно, не ржаной хлебешек и не сдобная булка, но когда почти сутки голодная, очень даже ничего.

Поели мы, и тут стук-постук по крылечку деревянными башмаками, бабки-молодушки наши пришли. Да не одни, а с компанией. Кроме Витки и Сайки, еще Глая и Рыся. Все одинаковые, пухленькие, щекастенькие, пузатенькие, белобрысые и с косами. Как близнецы похожи.

А наливочка вкусная. Хотя, конечно, наливочка громко сказано. Скорее что-то на вино похожее. Ягоды давили и бродить оставляли. А потом заливали сверху сока растения какого-то. И по кувшинчикам. Потому и наливочка называлась. Все же интересно переводчик встроенный работает. Наливка-то у нас другая.

Но и эта оказалась отличной. Я опьянела с первого стаканчика. В глазах двоиться начало... и кажется я там, прямо за столом и заснула. Сразу. Девчонки-то еще болтали, у них-то ни в одном глазу. А я отключилась.

Теплый лучик солнца щекотно скользил по лицу. Мне же снился Орландо. Как будто бы лежу я в его объятиях в нашей грязной и вонючей комнате, куда нам пришлось по его милости перебраться. Прижимается он ко мне со спины, обнимает. Непривычно ласково так... Как никогда в жизни не делал. И так хорошо мне, что душа от счастья замирает. А он мне на ушко скабрзности любезные нашептывает. У меня сердечко то стучит быстро-быстро, то замедляется от томления. И все жарче и жарче нам обоим становится, еще немного, и вспыхнет страсть между нами неистовая... и тут, чувствую по щеке таракан ползет.. лапками мерзкими перебирает.

Заорала я, подскочила... ничего понять не могу. Где Орландо? Где конура наша загаженная? Где ласки обещанные?

Вокруг незнакомое все...

И тут вспомнила. Я же в своем новом доме первую ночь-то провела. Вчера, смутно помню, бабы меня волоком притащили, да спать уложили.

Только что за таракан по щеке ползал? Неужели у меня твари эти водятся? Кошмар меня подери! Он же сейчас на мне может быть!

Запрыгала я, чтобы таракана стряхнуть. Захлопала себя по рубашке и юбке нижней. Завизжала, что есть мочи. От

такого крика все тараканы бы на месте сдохли.

Потом вижу, травинка из подушки торчит. Это она, него-
дьяка, меня чуть до смерти от ужаса не довела.

А ведь я получается, первую ночь на новом месте спала. И
вчера вроде бы даже шептала наговор известный. Привычка
у меня такая. Всегда на новом месте перед сном проговари-
ваю. То самое: «На новом месте, приснись жених невесте».

Это что же получается, Орландо мне приснился? Или нет.
Я глаза закрыла, сон свой вспоминая... лицо-то не видела.
Просто решила, что это мой зайка-алкоголик. А по ощу-
щениям не он... Как интересно. Значит есть у меня шанс му-
жа-то найти. Хотя гадание это скорее для забавы.

Есть хотелось ужасно. Вчера мне Салима молока нали-
ла крынку. Да госпожа Гририх пирожками угостила. И все
это отлично в подполе на кухне переночевало. Он здесь вме-
сто холодильника работает. Подозрительно, конечно. Вдруг
скисло?

Достала я из «холодильника» молоко, понюхала. Нет, нор-
мальное. Только сверху желтоватое что-то. Пальцем ткнула,
а это сливочки отстоялись. Много. В палец толщиной.

А пирожки с мясом оказались. Рубленным. И травки ка-
кие-то добавлены для аромата. Вкуснотища!

Так что завтрак у меня удался. Или обед. Судя по солнцу
знатно я продрыхла. Вчера устала сильно, вымоталась. Боль-
ше суток же получилось на ногах. Это же в моем мире вечер
уже был, а потом здесь весь день как карусель.

После завтрака воды в лицо плеснула, оделась, да на крыльцо вышла. Хорошо... воздух свежий, весной пахнет так, что голова кружится, травка в палисадничке пробивается, мухи первые жужжат... навозом слегка попахивает... романтика. Кошмар меня подери!

– Малла, – Салина мне со своего крыльца замахала, – добрый день! Выспалась? Не стала я тебя будить, решила, что отдохнуть тебе надо.

Я сначала опешила. Ну это где, вообще, видано, чтоб соседки, даже допустим подруги, решали, когда мне вставать? Как выплюсь, так и встану. Меня здесь на работе не ждут в конце-концов. А потом дошло. В деревне-то всегда рано встают. И работы здесь столько, что и в восьмичасовой рабочий день не уложишься. И у меня вон огородище какой огромный. И чтобы с голодухи не сдохнуть впахивать придется, как папе Карло. Хотя... мне же Его Светлость мешок денег оставил! А я вчера в таких расстройках была, что забыла совсем про него.

Сбегала я в кустики, да домой. Деньги считать. Ох, и люблю я это дело!

Мешочки с монетами, так в пуховике и оставались. Вот растяпа. Да разве же можно так с денежками? Они же, роднулечки мои, такое отношение не любят. Я недавно видосик смотрела на ю-тубе, там потомственная ведьма советы давала, как сделать так, чтобы деньги не переводились.

И говорила она, что денежки любить надо. Каждую купю-

ру, что в руки тебе попала ласково поглаживать и слова нежные говорить. Чтобы, значит, ей хотелось в руки к тебе вернуться. Жаль, я у себя эту систему попробовать не успела. Начала только. Сразу же с карточки все сняла и каждую тыщу расцеловала. Ну, чтоб точно им меня понравилось. Теперь лежат мои купюрочки в тайничке, где я их от Орландо спрятала. И уж точно в ближайшее время не покинут порог нашей комнатушки. Не найдет их муженек ни за что на свете. Не догадается, финансы на дне банки с мукой искать. Значит, есть что-то в советах тетки этой.

Так что я мешочки достала, и принялась монетки любить. Сначала из мешочка, что мне господин Гририх выдал. Там всего десять монет было. Больших, толстых, тяжелых. Из бронзы что ли какой-то... или нет. Но точно не из золота или серебра. Уж в этом-то я разбираюсь. Приходилось в ювелирном работать. Насмотрелась, нащупалась там золотишка и всего остального. И это точно какой-то другой металл.

И сами монеты интересные очень. Необычные. С одной стороны вместо орла загогулина какая-то. Тоже из метала, но слегка будто бы зеленью отливает. Будто бы светится изнутри. А на второй стороне еще одна загогулина. Но уже другая, и обычная. Без света. Как их там господин Гририх назвал? Гроты... да, точно гроты. Десять грот подъемных.

Разложила я монетки. Каждую тряпочкой протерла и чмокнула для верности. А потом за мешок Его Светлости взялась... и оказалось там целых сто грот. Точно таких же.

Это получается, у меня теперь сто десять грот есть. Только я пока не знаю, что на них купить можно. И радоваться рано еще.

Пока все сто монет перецеловала, устала даже. Потом аккуратно в мешочек убрала и на дно сундука положила. Под одежду.

Потом решила разобраться, что мне там тетя Клава из семян в рюкзак сунула. Времени-то много свободного. Все равно что-то делать нужно.

А там было столько! Я бы дома половину повыбрасывала. К примеру, куча пакетиков травы разной. Кошачьей, газонной, сидератов каких-то... Зачем они мне нужны, я не знала, но на всякий случай в сторонку убрала. А вдруг пригодиться? Здесь магазинов-то нет. Выбросишь, потом не купишь.

Всего остального тоже вдоволь было. И капусты, и моркови, и лука, и репы... и всякой другой гадости-радости, что не в каждом огороде растет. Ужас какой-то. Вот тетя Клава любительница.

У нее даже семена земляники были. И картошки...

Картошки?! У меня даже руки тряслись, пока пакетик открывала. Точно. Лежат. Картофель сорт Императрица. Никогда картошку из семян не растила. Но если получится... я зажмурилась. Люблю картошку. Жареную, да со смальцем. Надо срочно попробовать семена замочить. Где там моя тряпка универсальная?

Весь день после этого ходила счастливая. Да я если кар-

тошечку вырастить смогу, хоть еда нормальная будет. А не каши эти цветочные.

И даже стирка в корыте и с вонючим мылом настроение мое прекрасное не испортила.

– Малла, – ко мне Витка заглянула, – мы в соседнюю деревню едем. У Сайкиной сестры ребенок родился. Гулять будем. Ты с нами?

– Еду, конечно, же. – обрадовалась я. А чего дома-то сидеть. Я теперь женщина свободная. Так что плащ накинула и пошла знакомиться с бытом местным.

Не знаю, как быт, а застолие в этом мире такое же как у нас веселое. Сначала мы сестру Сайкину – Вирру – поздравляли. Наливочкой. А потом песни запели. Я ничего не понимала, оказывается с песнями мой переводчик не работает. Но выла что-то. А потом мне так захотелось любимую свою спеть... и затянула я, как дома: «Галя, моя Галя...» Мама всегда ее пела на посиделках. И так разрыдалась я, маму вспомнив, что бабы вместе со мной рыдали. Хорошие здесь люди. Душевные.

Глава 8

А утром опять проснулась дома. В своей постели. Меня Салина разбудила.

– Малла, идем, – трясла она меня, – сегодня ярмарка. Нельзя спать, иначе все самое лучшее разберут, останется одна ерунда не нужная.

Я вставать не хотела, но понимала – надо. Надо мне на ярмарку. Купить много всего нужно. Нет ведь у меня ничего. Даже еды нормальной. Продукты мне, конечно, выдали немного, но там только синяя каша и была. Не хочу. Она мне за два дня надоела. Слишком вкус специфичный. Как будто бы духи капнули.

Так что встала и с закрытыми глазами одеваться начала. Салина, сочувствуя и хихикая одновременно, помогала. Как удачно она «догадалась» про мое «благородное происхождение». Теперь все свои старые привычки, которые здесь выглядят дикими и несуразными, вроде сна до обеда, можно на него списывать. Я даже перекусила, чем Бог послал, или вернее Салина, открыв один глаз. И на крыльцо вышла зажмурившись.

И задохнулась от восторга. Солнце еще только-только вставало, окрашивая линию горизонта желто-красными сполохами. И этот огонь освещал небосвод, доставая все дальше и дальше. Другая сторона горизонта все еще была темной,

там царила ночь, и даже мерцали звезды, тускнея прямо на глазах, когда светло-серая кромка начинающегося дня, осторожно касалась их.

День начинался. И даже воздух светился, наполненный волшебной золотистой пылью. Свежий, тяжелый, напоенный влагой, он терпко пах ночными цветами. И вливался в тело, как живая вода, прогоняя сон и усталость. И тело звенело от энергии, а душа пела от счастья.

– Салина, – выдохнула я, – как же красиво! Я еще никогда не видела ничего подобного.

– Я знала, что тебе понравится, Малла, – улыбнулась подруга, – знала.

– Ты тоже? Так же? – удивилась я. Сейчас мне все казалось кристально ясным, понятным.

– Да, я тоже никогда раньше этого не видела. А сейчас каждое утро встаю, чтобы снова... Пойдем на ярмарку? Купцы вчера вечером уже приехали, сейчас раскладываться начнут.

Я думала, мы придем на площадь перед домом коменданта самые первые. Но не тут-то было. Все уже были здесь. Я впервые увидела в этом мире толпу народа. Вдовы, в своих ужасных платьях-мешках, жались у края площади, дожидаясь, когда купцы, суетящиеся возле своих телег, разложат товар. Все же женщины во всех мирах одинаковые. Любовь к шоппину у нас в крови.

Купцы, одетые не лучше младшего королевского конюха,

со смехом переговариваясь между собой и мельком, но очень внимательно, оглядывая женщин, разматывали тюки, выкладывая на бортики телег ткани, одежду, расставляли глиняную и деревянную утварь, с хеканьем сгружали на подстеленные холстины мешки с чем-то. Будь это в моем мире, я бы сказала, что с мукой и сахаром. Но здесь это, наверное, сушеные цветы. Некоторые мешки были маленькие, и их купцы оставляли на телегах, бережно накрывая тряпками.

Не знаю, почему Салина сетовала, что негодные купчишки. На внешность очень даже ничего. Ни одного несимпатичного не было. Не все богатыри, конечно, как Его Величество с его Сиятельством и Илья Муромец – муж мой несостоявшийся, но и совсем хилых и худых, вроде зайки-алкоголика моего, тоже не наблюдалось.

Наконец, купцы закончили приготовления, собрались в кучку и к господину Гририху всей толпой направились. А он достал какую-то штуку, и купцы по очереди стали кольцами своими прикладываться.

– Салина, – дернула я подругу за рукав, не отрывая взгляда от странного действия, – а чего это они делают, а?

– Договор Оракулом заверенный подписывают, – ответила Салина, притоптывая на месте от нетерпения, – чтоб без обмана все.

– Как это? – удивилась я, – и кто такой этот Оракул?

– Малла, – Салина кусала губы, сверкая глазами. Мне кажется, у нее даже руки тряслись, – потом все. Смотри, ви-

дишь телегу с красной полосой в центре площади? Как господин Гририх рукой махнет, сразу туда беги. Изо всех сил, что есть мочи. Поняла?

– А зачем?

– Там розки... чувствуешь запах? Кто-то привез розки. И мне кажется, они там, где красная полоса.

Я приняхалась. Но вроде бы пахло как обычно. Ну, как на ярмарках таких уличных. У нас же они тоже бывали. Дымком пахло, мясом жареным, булками сдобными... стоп! Булками?!

– Салина, а розки эти...

– Для пирогов... Их из Хадоа и везут. Дорогушие. Но мы с тобой мешочек розки возьмем и на двоих поделим. По полгрома на каждую выйдет. Лишь бы не ошибиться. И успеть.

Мука?! Эти розки – мука? Да я ради такого по головам пойду. Но заполучу себе розки эти. Булок напеку... хлеба... я тоже начала подпрыгивать на месте от нетерпения.

Хочу-хочу-хочу... стучало в висках. А во рту появился вкус хлеба и булок сладких. Как же я соскучилась за эти дни по нормальной еде. Эта синяя цветочная каша уже поперек горла.

Наконец, все купцы коснулись штуки в руках господина Гририха, неспешно, подшучивая и перемигиваясь со вдовушками, разошлись по местам.

Я уже хотела плюнуть на отмашку коменданта и пойти к заветной телеге, не дожидаясь остальных, но... кто-то меня

не пускал. Кто-то невидимый. Словно я в пузырь упираюсь. Прозрачный. Полиэтиленовый. Ну, такой, как в парке на аттракционах. Я даже руки раскинула и края искала. Но не нашла. А отходить побоялась. С нашего места до этой телеги ближе всего было.

Господин Гририх поднял руку... точь-точь, как физрук на старте. Вдовушки заволновались, напряглись. Я себя прямо на соревнованиях почувствовала. Сейчас как грянет выстрел и бежать надо. Раз-два-три! Комендант резко бросил руку вниз, и вдовушки не хуже спринтеров рванули к телегам. И я вместе с ними.

За мукой я бежала как никогда в жизни не бегала. И к телеге заветной первая примчалась

– Розки? – спросил довольный купец, сияя, как сапоги дедовы. А я только кивнуть смогла. Горло от скорости перехватило. Задохнулась.

А купец достал из телеги мешочек, не больше килограмма, и мне протягивает.

– Один грот с вас.

У меня сразу голос прорезался. Вот негодяй! Обмануть пытается! Я хоть и не понимаю ничего в местных деньгах, но не может же килограмм муки целый грот стоить? Это что за грабеж такой.

– Грот?! Да за грот ты мне вот такой мешок муки, – я ткнула пальцем в привычный мне мешок с синей «крупой», – с доставкой до двери привезти должен!

Купец так удивился, что рот открыл. Стоит лупит глазками и молчит, только ртом как рыба, беззвучно шевелит. А за моей спиной уже толпа баб стоит, напирает.

– Вот грот, господин, – Салина ужом проскользнула между бабками, монету купцу в руку сунула, и мешочек с мукой забрала. Тот отмер сразу. Заулыбался.

А я чувствую злиться начинаю. На купца этого. На Салину. Ну что мне полкило муки? Один раз блины испечь?

– Еще два давай, – рычу на негодя и два грота наощупь из-за пазухи вытаскиваю. Кошмар меня подери, такую дорогую муку я еще не покупала!

А купец сбледнул аж... затрясся... и заикаться стал:

– У м-меня т-тольк-ко од-дин-н ос-ст-тал-лся...

И тут же бабы позади меня заверещали сотнями голосов:

– Нахалка! Совсем бесстыжая! Все себе заграбастать хочет! Да зачем ей столько! Нам оставь, новенькая! Богачка! И откуда у нее деньги! Насосала!

Ну, про «насосала» я, конечно приврала. Но я прямо слышала как это слово в воздухе повисло.

– С ума сошла? – выпучила глаза Салина, – простите, господин, не в себе она. Новенькая, не понимает еще ничего. Идем, Малла, – в мой рукав вцепилось и с силой от телеги вытянула. Мне кажется бабки ей еще помогали и в спину меня подталкивали.

– Салина, – я от возмущения даже слов не могла найти, – да мало же это! А я хлеба хочу, блинов, булок, пельмени в

конце-концов! Да мне эти полмешка на один зуб!

Салина рассмеялась:

– Да, нам с тобой этих розок теперь на год хватит! Их же мало в муку кладут. Для запаха только. И не переживай, будут тебе и хлеб, и булки, и эти... как их... блины и пенеи твои... а ты меня научишь? Рецепты из Хадоа всегда такие необычные... Очень хочу попробовать.

– Для запаха? – я становилась и схватила мешок, – покажи мне розки эти.

Цветы! Кошмар меня подери! Розки – это цветы с ароматом сдобных булок! Ненавижу этот мир!

Настроение у меня испортилось. Плакать захотелось. Убрала я свои гроты на место и решила, что домой пойду. Ничего мне не нужно.

А Салина сердито шикнула, меня за руку взяла и снова куда-то потащила. Но мне уже было все равно. У меня впервые в жизни депрессия случилась. И чувствовала я себя среди толпы ярмарочной совсем одинокой. Как будто бы я одна в кинозале кино смотрю. И вроде жизнь кипит, но ты-то знаешь, что вокруг никого. И никому ты не нужна. И даже зайка-алкоголик не пришел и бросил тебя. И фильм еще такой нудный и скучный, что сил никаких нет на экран пялится.

Это я про то, что товар на прилавках откровенно убогий был. Все такое же, что мне комендант по милости Его Величества выдал. И даже платья-мешки точно такие же.

Мне и так плохо было, а тут с каждой минутой все хуже

становилось. А Салина довольная. Глазки у нее раскраснелись. То там, то тут торгуется, покупает что-то. И себе, и мне. И в руки мне сует, чтоб несла.

А там даже бусы из мутного стекла зеленоватого, как в окнах. Тоска. Все равно что гальку речную на себя нацепить. Ни яркости, ни блеска.

Когда у меня уже руки от тяжести отнимались, а два грога оказались потрачены до единой гравки, это монеты размером чуть меньше грога, Салина успокоилась.

– Все, Малла, – сияла подруга, как котелок медный... никогда не видела, но не зря же так говорят. – Мы все самое нужное купили. Сейчас домой отнесем и придем снова. По дальним рядам погуляем.

– Салина, – взвыла я, чувствуя, что от тяжести такой у меня руки ниже колен оттянутся, – может не надо? Я же устала.

– Ты что?! – рассмеялась она, – там же редкости. Иногда такое встречается... о-о-о! Пару лет назад даже рулон ткани привозили. Из Хадоа. Мягкая, она такая была, нежная... вроде как на платье твоём. Бабы на белье в миг разобрали...

Это меня заинтересовало. Хотя, конечно, плащевка для белья мало подходит... но если купить нормальной ткани, то можно же сшить нормальное платье! Пусть вручную. Пусть я его два месяца шить буду, но ходить в этом мешке невозможно!

У меня прям настроение появилось. И поклажа даже легче стала. Теперь уже я уговаривала Салину идти быстрее... а

вдруг бабы все мое будущее платье снова на белье разберут?!

Глава 9

Дальние ряды мне понравились. Никаких тебе сушеных цветов, горшков глиняных и платьев мешочных. Правда и телег всего две было. И купцы наглые. Цены на свои товары такие заломили, что у меня зубы заболели.

Вообще, так себе прогулочка. Но зато я с удовольствием в них покопалась. Хоть что-то интересное.

В первой травки были. Незнакомые. Вроде специй местных. Продавались щепотками, ложками и горстями. Мы с Салиной набрали себе целую кучу кулечков разных. Оказывается, для каши тут только один вид цветов и есть, а вкус разный как раз вот от таких специй и зависит. Хотя специи все же не подходящее слово. Наши специи добавляют вкус, а эти меняют полностью. А еще здесь были соль и сода. Их тоже купила, хотя местные соль почти не едят.

А на второй телеге продавали более качественные товары, чем на остальном рынке. Гребни здесь, например, были не деревянные, как везде, а костяные. И украшены резьбой. Красивые. Но больше всего меня порадовали ткани. Вот они мне понравились. Не наши, конечно, современные, но явно качеством получше тех дерюжек, что вдовушки носили. Дорогие, правда... безбожно. И цвета... эх, далеко еще этому миру до цветной печати и принтов на ткани. Теперь понятно, почему раньше так вышивка в моде была. Хоть какое-то

разнообразиие.

Да только я не поскупилась и купила два отреза. Один более плотный, для верхнего платья, красный, яркий, красивый... как увидела, обмерла. Тут-то все в коричнево-сером ходят. А второй – белоснежный, легкий, на бязь нашу похож.

Взяла по шесть рук каждого. Рука – это примерно наш метр. И отдала я за это добро три грота. Салина ахала и охала. Очень уж ткань дорогая по местным меркам. А я не жалела. Я бы еще взяла, да больше не было. Мне даже остатки в ладонь купец просто так отдал. Никому он их уже не продаст, а я упиралась, что мне только три метра, те есть руки, надо, что не хочу даже за ладонь лишнюю переплачивать.

От покупки этой и настроение у меня поднялось. Стала в уме фасоны разные перебирать. Ух! Как сошью себе платье новое! Как выйду! Как ахнут все от красоты моей неземной! И пойду я по улице, а мужики штабелями позади укладываться будут! Да в таком платье среди серой массы я, как бриллиант, сверкать в обновках буду!

Дальше мне уже по ярмарки ходить не интересно было. Я в мечтах своих уже Его Сиятельство в своем красном сарафане очаровывала. И Его Величество. Кокетничала, глазками стреляла, а они вокруг меня вились и требовали, чтобы я кого-то одного выбрала. А я никак не могла решить, кто из них мне больше по душе. Ну, да... знаю, что они друг с другом, но помечтать ведь можно?

– Салина! Малла! – к нам подбежала взъерошенная Витка

и, хватая ртом воздух, взвыла, – вы новость-то слышали?!

– Какую?! – вскинулась подруга.

– Король-то наш портал в Мидгард открыл, и перенес оттуда девушку красоты неземной и крови древней. Вот третьего дня, это, говорят было. Аккурат, когда Малла к нам приехала.

– И что?! – Салина ахнула, – Оракул ее признал?!

– Признал? – рассмеялась Витка. – да, говорят, сиял в ее руках, как солнце! Силы у королевы будущей столько, что нам теперь никакие Хадоа не страшны! Вот, смотри!

Она сунула нам в руки листок, на котором довольно коряво, но узнаваемо, был нарисован его Величество и... девица та проклятая, из-за которой я здесь оказалось.

Я не сразу даже поняла, а как сообразила... о-о-о! Это что же получается?! Меня во вдовье поселение, а сам на курице этой женился?! Это она, значит, королевой будет, как я всегда мечтала, а мне убогий домик? И я еще за эту дрянь вступилась! Из рук злодея ее вызволить хотела! А вместо благодарности...

И такая меня злость взяла! Я тут ткани паршивой радуюсь, а эта белобрысая во дворце наряды примеряет? Я гребень себе костяной купить не могу, а эта гадина каменья драгоценные на себя вешает?! И где справедливость спрашивается?

Да только рот я открыла, чтобы возмутиться, как снова из меня «Малла из Хадоа» полезли.

– Малла, – Салина вдруг обняла меня и заплакала, – все кончилось... слышишь... теперь мы все под защитой Оракула... не будет больше вдов солдатских, Малла...

И Витка тоже всхлипнула... и бабы, что вокруг нас собрались...

А мне даже стыдно немного стало... Бог с ними, с камнями, да нарядами. А если, и правда, вдов не будет больше, то пусть эта коза белобрысая королевой во дворце живет.

Только выяснить надо, что это за оракул такой... в чем сила его...

Больше всего я, конечно, хотела сразу своими нарядами заняться. Но вот незадача, у меня в тряпице семена картофельные проросли... да и, вообще, погода хорошая, солнечная установилась. Днем уже без плаща шерстяного тепло было. Пора за огород приниматься.

Не хотелось, конечно, но всю жизнь кашу цветочную есть не хотелось еще больше. Так что пришлось мне лопату, деревянную, между прочим, и только по краю оббитую железом, в зубы и вперед грядки копать.

А в огороде красота... солнышко греет, птички поют, трава за поселением зеленеет... я же с краю, за моим домом поля уже начинались, где цветы синие росли. Это, кстати, плюс их был. Многолетние они. Один раз посеял, а потом только собираешь и собираешь.

Хорошо в деревне летом. И весной поздней. И в поселении мне тоже нравилось. Дороги аккуратные, травой зарос-

шие. Колеи, тракторами развороченной, нет. И грязи из-за этого нет почти. Только кое-где, в ямках, трава до земли стоптана.

Лес здесь, правда, далековато, на горизонте. И в самом поселении деревьев нет. Но никто же мне не мешает из леса черемуху какую-нибудь принести и посадить. Или сирень. Если они, конечно, здесь есть.

А вот двадцать соток моих, сорняками, да бурьяном заросшие, всю картину идиллическую портили. Сначала я думала, в жизни мне не осилить работы такой. Хотела покопать немного, сколько смогу, а остальное на потом оставить. Мне теперь в этом поселении как минимум год жить. Это если Его Светлость не забудет про свое обещание мужа мне найти. А если забудет, то придется здесь всю жизнь куковать.

Но как ни странно, копалось очень легко. Лопата сама в землю входила, и земля легкая, как пух была. Я до вечера половину огорода вскопала. Незаметно. И не устала вроде. Сама обалдела. А Салина, когда я ей рассказала про подвиги свои трудовые, рассмеялась:

– Малла, ты так удивляешься, как будто бы и не знала в чем Дар твой... ты же и раньше этим занималась.

– Дар?! Что за дар?

– Малла-а, – выдохнула Салина, – значит правду говорят, что в Хадоа людям Дар блокируют? – Я только рот открыла, чтобы сказать, что ничего не знаю, как она на меня рукой замахала, – молчи-молчи, я поняла уже. Ты не знаешь ниче-

го... Я сейчас с хозяйством управлюсь, и расскажу.

Салина пошла стадо встречать, да корову доить, а я ужин готовила. Договорились мы так еще в самом начале. Все мои припасы к ней отнесли и стала подружка меня учить и воду из колодца доставать, и печь разжигать, и готовить на печи. Оно, конечно, дело нехитрое, но с подсказками все же легче.

Сейчас у меня уже получалось более-менее. По крайней мере молоко не убежало, а цветочная каша не сгорела. Хлеб я еще сама не пекла, его, оказывается, не каждый день пекут, только вчера помогала Салине. На подхвате была. Приноси-подай, отойди-не мешай.

А сегодня мне вдруг так блинов захотелось... Ну и пусть мука травяная... Но молоко обычное, яйца тоже. Мало растительное... не подсолнечное, конечно, но сковороду смазать пойдет. И розки эти треклятые есть. Для аромата.

Сказано, сделано. Тесто быстренько намешала, глиняную сковороду смазала маслом, первый блин, который комом всегда, налила и на печь поставила.

Первый блин не подвел... оказывается, когда на печи печешь блины, зевать, вообще, нельзя. А потом дело как по маслу пошло. И вкус почти родной получился. Я несколько так со сковороды и слопала. Не могла удержаться.

Зато как Салина удивилась, когда пришла. И блины ей понравились. Особенно с молоком парным... ммм... Пока не доели, так из-за стола и не встали. А кашу травяную убрали в подпол холодный. На утро.

А потом Салина за рукоделие взялась, я за семена... решила перебрать те, что в мешочках с травой были. Прочитала, что там в составе рожь, овес, да ячмень есть... вдруг получится у меня хлебушек вырастить. Я, правда, о них, вообще, ничего не знаю, и растить не умею...

Пока перебирала, Золушку вспомнила. Как она птиц, да крыс к этому делу приспособила... я бы тоже не отказалась от таких помощников. Все же, без нормального света, при лучинке-то, тяжелая это работа, а за окном стемнело уже. И начала Салина мне про мир новый рассказывать.

– Давным-давно жили в нашем мире Ведающие. Очень сильными магами были. Порталы. Которыми сейчас все пользуются – их работа. Сейчас даже королю и герцогу Энндорскому такое не под силу. А они самые сильные Ведающие в Гвенаре.

– А кто такой этот, – не могла не встрять я, – герцог который? Энндорский?

– Герцог Энндорский, Малла, – поправила меня Салины, стуча деревянными спицами друг об друга, – смотри не забудь. А то назовешь где-нибудь Его Светлость неправильно, некрасиво получится.

– Слушай, – снова перебила я Салину, очень уж любопытно было мне узнать подробности. Аж нос зачесался, – а они что того, да?

– Что того? – не поняла Салина, и оттянув нить, посмотрела на меня удивленно.

– Ну... того, – изобразила я рукой финтифлюшку в воздухе, – нетрадиционной ориентации... ну, друг с другом... того... любовники...

– Ты что? – Салина запнулась а потом расхохоталась так, что с трудом успокоилась, – нет, конечно! Они братья. Названные. Ну, ты слушай дальше.

Я кивнула... жаль... тогда бы мне не так обидно было. А то я такая несчастная попаданка получилась: ни короля не смогла у этой белобрысой вертихвостки отбить, ни герцога захомутать... эх... и теперь не позлорадствуешь, что белобрысая третьей в их постели будет...

Подумала, а сама книжку одну вспомнила... мжм-ную. Ох, и горячую! Я ее только под одеялом читала, так стыдно было.

– Малла, ты меня слушаешь? – Я кивнула. Хотя не слушала, конечно. Мысли-то у меня интереснее истории скучной. – Так вот, тысячу лет назад смогли наши предки Оракула пробудить, ну, артефакт Древних, и часть Гвенара от правления Хадоа освободить. Им это не понравилось, и они теперь нам спокойно жить не дают. У его Величества шестнадцать жен извели, чтоб связь с оракулом ослабить.

– Шестнадцать?! – я открыла рот, – а что он не берег-то?! Что-то мне резко расхотелось замуж за короля... ну его, это королевство... и герцога тоже. На всякий случай. Я лучше во вдовьем поселении поживу. Ключевое слово – поживу. Найду еще себе мужика, если герцог через год обо мне

не вспомнит. Или я кого-нибудь себе не отхвачу... а что? Я женщина видная. Все при мне. Кроме денег, дома, родни и молодости еще...

– Берёг, – вздохнула Салина, – это все происки Хадоа. Не хотят они, чтобы Оракул Гвенар защищал.

– Кто такой, вообще, этот Оракул? И как он защищает? И, вообще, зачем сегодня купцы договор подписывали?

– Оракул – это артефакт Древних. Ты же сама его сегодня почувствовала утром, когда солнце восходило.

– Ничего я не почувствовала, – открестилась я непонятно от чего.

– Почувствовала. Его все чувствуют, в ком хоть капля Дара есть. Радость от восхода солнца отчего случается? От того, что Оракул вместе с солнцем над миром восходит.

– Не было никакой радости, – буркнула я. Ну да, обидно мне стало. Я ненавижу в огороде работать, а у меня Дар какой-то огородный прорезался. Вот не мог он каким-нибудь другим быть? Например, чтоб мужчины на меня больше внимания обращали. А то короля профукала, герцога упустила, да даже младший конюх совсем мне в мужья не напрашивался. Мог же ведь упасть на колени, и умолять его Светлость, отдать ему такую деву прекрасную? А он что? Взял и ушел?! Все мужики козлы! И не зависит это ни от мира, ни от статуса.

Да, что там говорить! Я даже на ярмарке сегодня никого не зацепила. Хотя не пыталась, слишком из-за розок этих

треклятых расстроена была. Но ведь могли бы купцы эти бес-совестные и подмигнуть, и цветочек мне какой-нибудь подарить. Да даже у нас на рынке больше улыбаются, чем эти...

А Салина смеется Подруга тоже мне называется.

– Оракул, Малла, все ясным делает. Вот например, сейчас показывает, что не искренна ты...

– Чего? – тут я растерялась даже... – это как?

– Да, – кивнула Салина, – дымка над тобой зеленая. Едва заметная, но показывает, что ты не совсем правду говоришь. Это не все видят, конечно, тут Дар особый нужен.

– А у тебя, значит, есть?

– Есть. Я же из купеческих. Если кто-то врет осознанно, Дар мне об этом сигнализирует. Мне, конечно, для этого усилия прикладывать нужно. Да и на большее его не хватает. Но, говорят, его величество и его светлость, даже мысли других людей, как на ладони видят.

Я невольно за амулетик схватилась, который у меня на шее висел.

Глава 10

Вот такое вот чудо-чудное этот Оракул. И купцы, под договором Оракулом заверенным, ни обвесить, ни обсчитать, никак в заблуждение покупателя ввести не могут. Есть, правда, хитрости какие-то. Мне Салина сказала. Да и верно, где это видано, чтоб купцы без обмана смогли прожить? Да никогда не поверю.

А еще, оказывается, благодаря Оракулу воровства нет в Гвенаре. У вора сразу над головой такой свет зеленый сильный, что все, у кого хоть капля Дара есть, видят – он украл. Не зря говорят, на воре шапка горит. А я-то раньше не понимала, откуда такая поговорка взялась. А оно вон что, оказывается...

Зато стало понятно, почему на дверях замков нет, и почему люди такие добрые вокруг. А чего им злыми-то быть, если человек человеку не враг.

У человека в Гвенаре только один враг – хадоа... я у Салины, конечно же, сразу спросила, а кто же тогда хадоа эти... не люди что ли... Оказывается, нет. Не люди. Но доподлинно никто уже не помнит, как они выглядят. Только в легендах и сказках о них говорят, как об огромных шестируких монстрах, способных за один присест съесть целую корову. Ужас.

На следующий день я закончила с огородом. Вскопала и

засадила все двадцать соток. Очуметь можно. Шикарный у меня Дар, оказывается, и довольно редкий в Гвенаре. Что же... это хорошо. Хоть в чем-то мне повезло.

А, вообще, с такими способностями мне даже огородничать понравилось. А что? Никаких тебе утомительных рядков и посева по одному семечку. Сначала я так и начала делать, да чувство было, будто бы я в противогазе дышать пытаюсь. Мешает что-то... в общем, глаза я закрыла, зачерпнула семена в горсть, да как раскинула их по всей грядке сразу... и легли они сами как нужно. Не рядками, конечно, вразной, но равномерно.

Мне сразу картинка вспомнилась из учебника истории, как по полю ходил старик и рассыпал зерна, взмахом руки. Раньше я как-то скептически относилась к такому, а теперь думаю, может и у них тоже такой или подобный Дар был, и семена сами равномерно ложились?

Пару соток я себе оставила на школку, был у мамы такой участок, на котором она пикировала сеянцы, черенки разные укореняла, растюхи доращивала. А я там посадила картошку свою, землянику, и еще посеяла овес и ячмень, которые из сидератов выбрала. Мне по крайней мере кажется, что это они. Я сама не знаю, как у меня получилось их отличить, но может это Дар мой так работает. Вырастут, посмотрим. Еще были у меня рожь и пшеница, но только озимые. Я их оставила на осень. Немного только посадила... буквально по несколько зернышек. Интересно же...

Закончила я вечером посадки, а у самой душа не на месте... вроде как забыла я что-то важное. И понять не могу, что забыла. Вроде бы все нормально. А нет... нет мне покоя. Вышла на крыльцо, на небо смотрю, словно ответ там должен быть... и в теле какое-то томление зреет... кажется прорвется что-то... прямо сейчас...

И будто бы в ответ на мое состояние тучки стали собираться над нами. Темные, дождевые. И ветер откуда-то появился... а потом дождик ливанул. Хороший такой. И сразу отпустило меня.

И радостно так стало, как вовремя я посадила все, сейчас мои грядки дождик польет, без урожая не останусь.

А Салина за ужином невеселая какая-то была... И кашу не ела совсем. Сидела будто бы в воду опущенная.

– Салина, – не выдержала я. Мне же хорошо, значит и все должны радоваться, – ты что такая грустная. Случилось что?

– Нет, Малла, не случилось... вернее не сегодня... просто... знаешь, я ведь Дар свой не использую давно. А сегодня, как тебя посмотрела, так тошно мне стало. Я ведь купчиха, а уже больше десяти лет во вдовьем поселении... коровы эти... огород... а я лавку хочу. Как у моего мужа была. Мне так нравилось там работать. И Дар всегда помогал. А сейчас, – она вытерла слезинку, – да что там говорить...

– А почему ты лавку не откроешь? Открой, да работай...

– Не все так просто, – шмыгнула носом подруга, – у меня и денег нет, чтобы лавку купить. И торговать нечем, все по-

делено уже. И никто с бабой долей своей не поделится...

– Так может тебе замуж выйти. Ты же красавица. Не поверю, что за все эти годы не сватался никто.

– Малла, – невесело рассмеялась Салина, – да кто же вдову-то замуж возьмет? Да тем более из вдовьего поселения.

– А что не так с нами? – насторожилась я... что еще за выкрутасы судьбы моей горькой?

– Все так, – вздохнула Салина, – да только поверье есть, что вдову в жены брать – беду накликать. Вроде как тьма за нашей спиной стоит, жертву ждет.

– Но... господин Гририх, – пролепетала я. Я, честно говоря, просто опешила... это что получается, теперь мне, вообще, замуж не светит?! И зачем я только вдовой назвалась? А тут еще угрозы свои припомнила, что, мол, и этого изведу... и другого... теперь понятно, чего Илья Муромец так радостно из кабинета свалил... мамочки! Это что же я натворила-то?!

– Это скорее исключение, Малла... вот так... и любая из нас мечтает на месте Вилины оказаться...

От таких откровений, и у меня аппетит пропал. Одна надежда на Его Светлость. Лишь бы не забыл про меня и вернулся через год. Я теперь и за младшего конюха пойду... только бы дожить до возвращения Его Светлости. А огород можно в любом другом месте разбить.

– Салина, – вдруг осенило меня, – а я же знаю, как тебе помочь! Вот смотри, к осени у меня овощи будут новые, ка-

ких у вас нет совсем. Ты можешь ими торговать. Немного, конечно, все же на моем маленьком участке много не вырастить.

– Спасибо, Малла, – улыбнулась подруга.

И лежала я вечером, уснуть не могла. Думала. О судьбе своей горькой, о доле вдовьей, о Салине, которая столько лет делом любимым заняться не может, о других женщинах, которые здесь во вдовьем поселении живут. А ведь у них тоже Дары есть. Пусть не у всех, Салина говорила, что редкость это, но ведь есть. И не факт, что они их используют сейчас. А ведь могли бы пользу приносить. Вот бы объединить всех, чтобы мы, вдовы, все друг другу помогали, чем можем. Глядишь, тогда мы бы таких успехов достигли! Ого-го!

И снилась мне бабушка моя. Гладила она меня по голове и говорила:

– Аллочка, доченька моя, хорошее дело ты задумала. С коллективом дружить – оно всегда хорошо. И любая работа быстрее делается. Вон у нас какой колхоз был раньше. Миллионник. А все потому, что вместе работали, друг за друга горой стояли. А сейчас каждый сам по себе... э-эх...

Проснулась я утром, и к Салине. Темно еще было, солнце даже из-за горизонта не показалось. Но разве же можно ждать, когда озарило меня?

– Салина, Салина, проснись, – трясла я подругу. – придумала я. Слышишь, придумала я, как всем вдовам помочь. Колхоз надо организовать. Слышишь? Колхоз!

Идея колхоза Салине понравилась. И Витке с Сайкой. И Глае с Рысей. И всем остальным вдовушкам тоже. До вечера меня по домам таскали, да заставляли снова и снова про колхоз рассказывать. Сначала я с удовольствием повторяла свою идею, расписывая девочкам прелести колхозной жизни. Когда все у всех общее. И коровы, и поля, и вообще все. И когда один работает, все плодами его трудов пользуются.

– Вот у Сайки с Виткой Дар уборкой занимаются, так пусть они чистоту поддерживают, Салина – торгует, а овощи растить буду. Для всех. . Ну раз Дары у нас такие такие. Каждый будет заниматься только тем, что нравится.

И так картина эта бабам нравилась, что заставляли меня по сто раз повторять. Пока уже язык заплетался и с трудом шевелился. Никогда еще столько говорить мне не приходилось.

И глаза у вдов загорались после моих речей. Вспыхивали и такой надеждой сияли, что и у меня непонятно откуда силы брались, снова и снова повторять про то, что такое колхоз и как оно все работает. Только приходилось все время помнить, что не в моем прошлом мире это было, а здесь. В Хадоа. Тогда не затыкало мне рот проклятье его светлости.

Домой мы с Салиной вернулись, когда уже стемнело. Устала я так, словно сутки в своем мире в огороде на карачках проползала. Даже ела с закрытыми глазами. И заснула прямо у подруги на лавке.

А проснулась чуть свет, и снова мысли у меня в голове

закружились. А не поторопилась ли я? А не будет ли хуже, чем есть. Это же, если историю нашу вспоминать, как тяжело крестьяне в колхоз-то объединялись. Много обид было. У кого корова упитанная, у кого земли на пядь больше... а если здесь такие ссоры у нас в поселении случатся? А как потом кто-то лениться будет, на печи валяться, а долю дохода захочет такую же, как у остальных... Трудодни вводить? И как их учитывать? Кто-то коров пас, весь день на солнышке лежал, кто-то сарай чистил, весь день вилами махал... как это все считать-то?

Когда Салина проснулась, хотела я ей про сомнения свои рассказать, на не успела. От господина Гририха девчонка прибежала. Велела, после стада к нему бежать. И мне, и Салине. Ох, и беспокойно стало мне. Что я опять натворила? Надо было сначала подумать хорошенько, а потом уже говорить. Вот голова моя садовая. И что теперь я коменданту скажу? А? Отругает он меня. И прав будет. Нечего смуту среди вдов наводить.

– Малла-Малла, – сокрушенно покачал головой господин Гририх. Он ждал нас в своем кабинете, сидя за столом.

И мне так стыдно стало. Покраснела я, так, что у меня уши запылали, голову опустила. И глазам так горячо стало от понимания позора своего, что слезы закапали.

– Что же ты вчера устроила? – продолжал стыдить меня комендант, – как я теперь вдов успокаивать буду? Взбудоражила все поселение. Да разве же так дела делаются? Коли

идея к тебе пришла, надо было сначала ко мне прийти. Рассказать. Так, мол, и так, господин Гририх, вот так у нас в Хадоа хозяйство ведут. Коллективное, – вернул он явно новое для него слово, – неужто я бы не помог тебе разобраться? Посоветовать... А теперь что будет?

– Что? – прошептала я тихо-тихо. Никогда в жизни мне еще так стыдно не было. Даже, когда в школе один раз к директору вызывали, за то, что я в юбке выше колен на уроки пришла. Уж так меня тогда директорша наша просклоняла... а я не дрогнула даже. Наверное, потому что тогда не виновата была, а сейчас вину свою чувствую. Ведь, правда, надо было со знающим человеком сначала посоветоваться.

– А теперь, – вздохнул господин Гририх, – бабы мне покоя не дадут. И вчера, и сегодня ни свет ни заря прибегали уже. Колхоз, говорят, хотим...

– Простите, – повинулась я.

– Ладно, – взмахнул рукой он, – давай рассказывай подробно. Что за коллективно хозяйство такое. Раз уж зачинщицы вы с Салиной, значит втроем и будем думать, как теперь это дело оформить.

Глава 11

– Правда?! – я даже подскочила с лавки. И на господина Гририха впервые глаза подняла.

А он сидит, улыбается, довольный, головой согласно машет.

– Правда. Хорошая идея. Странная, конечно, немного. Непонятная. Но чувствую есть в ней что-то... так что до ума доводить все вместе будем.

Салина даже в ладоши захлопала и запрыгала как девчонка. И я тоже. Глупо, да... но так радостно мне было. Впервые в жизни я на что-то толковое сгодилась. А то всегда меня бесполезной, да безрукой все считали. А тут все изменилось. И Дар у меня появился чудесный, из-за которого я теперь знатная огородница. И ведь чувствую, что урожай у меня богатый будет. На зависть всем, кто в том мире остался. Жаль, мама не увидит.

Нет! Нельзя думать о маме. О прошлом думать нельзя. Только вперед, Аллочка, только вперед! Эту установку я себе в самый первый день попадания дала. Когда полки на кухне отмывала. Поняла, что если буду о прошлом думать, не выживу, засохну от тоски по родителям. Так что запретила я себе их вспоминать. На сто замков сердце закрыла, а ключики выбросила.

А сейчас вон идея моя самому господину Гририху при-

глянула. Ну, не совсем моя, но все же...

Работали мы над документами долго. Несколько дней приходили в контору и до темна сидели. Оказывается, так много нюансов во всем этом... например, подсчет тех же трудодней... денег-то у поселения нет почти. Оракул-то все проверит, чтоб честно было. И потом следить поможет, чтоб все по справедливости было, но сначала же основы надо самим прописать. Что понимать, где эту самую справедливость искать.

Хорошо, что у господина Гририха Дар подходящий. Управления. Не зря его комендантом во вдовье поселение назначили.

Самая большая проблема была в том, чтобы определить, чем же наш колхоз заниматься будет... нет, на следующий-то год, понятно, я семена выращу из овощей своих, будем овощи растить на продажу.

А сейчас решили мы овец выращивать. Пасти есть где, землицы-то к поселению много относится, плодятся они хорошо, да шерсть, основной «урожай» два раза в год с каждой овцы снимать можно. И что важно, убивать ее при этом не нужно.

Я, честно говоря, в этом настолько мало понимаю, что не вникала даже. Вот с огородом, да. Там я за свои грядки грудью стояла. Решили, что выделяют мне земли, чтобы я все семена свои высадила. У меня же их много осталось, двадцать соток все же не такой уж большой огород. Да, что там... от-

кровенно маленький. Хотя, я туда и не заглядывала все эти дни. Знала, что все хорошо, чувствовала.

И помощниц дадут. Тех, что без Дара совсем. Да и то, сорняки дергать много ума не нужно. И таланта тоже. Так что определили меня в бригадиры овощеводов.

А всех остальных руководящих работников, решили выборно назначать. Это с Оракулом тоже довольно просто. Если не понимаешь ничего в деле, которым руководить собираешься, не позволит тебе Оракул людей в заблуждение вводить речами сладкими.

Так за хлопотами неделя пролетела. Настал Первый день, а значит ярмарка приехала. И я тогда только вспомнила, что отрезы для сарафана у меня так и остались лежать в сундуке. Вот растяпа! А ведь могла бы скроить как-нибудь и шить вечерами. Вдруг уже закончила бы?

Я готова была никуда не идти, за шитье сесть, но Салина снова потащила меня на площадь. А там та же ярмарка, что и в прошлый раз. Скукотища. Тем более проклятыми розками меня уже в гонку не заманишь. Да и не нужны они нам. Кстати, в этот раз не было розок, не пахло булками над площадью.

После нужных закупок пошли мы, как и в прошлый раз, по дальним рядам. А сегодня там кроме двух телег с тканями и травами, еще одна стояла. Салина как увидела ее, меня за руку цап и чуть не волоком потащила.

А там оказались экзотические травки и продукты. Для ме-

ня ничего интересного там не было, кроме... я глазам своим не поверила – сыр. Самый обычный сыр. Правда, высохший весь, несмотря на то, что воском облитый. Это же сколько он в телеге этой бултыхался. А Салина, как увидела этот кусочек убогий, глаза-то у нее загорелись. Уж она его щупала-перещупала, нюхала-перенюхала... и цена у него такая была, что я ахнула: пол грота за треть мешочка... это примерно грамм триста.

Вижу Салина монету достает из кармана. Последнюю, между прочим. А у самой корова дома столько молока дает, что продает его Салина по соседям.

– Салина, – я ее за руку схватила, – ты с ума сошла? Зачем тебе сыр?!

А она глазищи на меня выпучила, будто бы впервые увидела, покраснела и шепчет заговорщицки:

– Я тебе потом расскажу.

Купила она сыра кусок... не иначе золото в нем найти надеется. А купец довольный, улыбается... ну еще бы, негодяй, обманул доверчивую девушку. Продал сыр по цене розок этих проклятых.

А Салина кусок в котомку спрятала, да домой рванула так, что я едва за ней успевала.

– Салина, – кричала, – стой! Да что с тобой: Ты куда летишь-то, кошмар тебя подери!

– Малла, – зашептала она мне на ухо, – я сыр хочу сделать. Попробовать. Вдруг получится. Тогда можно сразу лавку от-

крывать, от покупателей отбоя не будет.

– Сыр, это хорошо. – кивнула я, – а этот кусок тебе зачем? Тем более, прости, он уже старый совсем высохший. Там, наверное, все бактерии сдохли давно.

– Кто?

– Ну... бактерии, – неуверенно повторила я. А вдруг здесь еще слова такого нет... – это микроорганизмы... ну... существа такие маленькие, которые молоко в сыр перерабатывают...

– Малла, – Салина руками всплеснула и ко мне обниматься кинулась, – Маллочка, миленькая, расскажи мне, что ты про бактерии эти клятые знаешь. Я сколько здесь живу, пытаюсь сыр сделать. А Рыска, вообще, всю жизнь только о нем и думает. Она меня и заразила. И Пеструшка у меня от нее. Расскажи, а?

– Да я мало знаю, – смутилась я, – бабушка моя любила это дело, а я не особо вникала.

– Маллочка, – умоляюще смотрела на меня подруга, – хоть, что знаешь расскажи.

А я что, я и правда, не знаю ничего. Рассказала что помнила. Мол, бабушка молоко подогревала, а потом туда наливала закваску, оставляла отстаиваться, а потом сгусток снимала и в форму. И потом в форме еще сколько-то выдерживала. А что в этой закваске было, убей не помню.

С этого дня мне, вообще, стало не до сарафана. Еле успевала платье-мешок натянуть, как меня уже на части рвали.

С самого утра раннего, как заведенная носилась.

Сначала, пока Салина с Рыской с коровами возятся, я в огород бежала. Там все просто перло. Как на дрожжах. Семена всходили дружно, ростки были крепенькие, сильные, загляденье. Рассаду я тоже высадила. Спасибо Дару, знала, что можно уже. Заморозков не будет. Здесь, вообще, климат немного теплее, чем у нас. У нас-то только в теплицы сажают, а я здесь в открытый грунт высадила.

И еще мне поливать не приходилось. Почти каждую ночь дождик шел. Это благодать просто. Сорняков тоже, на удивление мало было, так что пары часов утренних хватало мне за огородом-то присматривать.

А потом мы шли к Рыске утрешнее молоко переводить. Не получалось же ничего. И сил уже никаких не было, и может быть бросили бы мы это дело, как вспомнила я про то, как мама домашний сыр варила с помощью кислоты лимонной.

И начали мы экспериментировать. Лимонов здесь не было, но лимонку же можно уксусом заменить. Яблочным. Когда первая головка получилась, девки разревелись от счастья. Меня обнимали, слезами заливали...

Но хотелось нам не просто творожный сыр, а настоящий. Твердый. Так что эксперименты продолжались. Я вспомнила, что ферменты еще какие-то есть... пектин, или пепсин... какой-то... и вроде в яблоках зеленых что-то такое есть. Только, раз из сырых кислота получается, может проварить их надо?

Яблоки здесь росли только дички. В лесу. Мы ближайшую к поселению ободрали всю. Научились делать желе. А сыр нам никак не давался.

Потом бежали мы с Салиной к господину Гририху. Устав нашего колхоза уже почти закончен был. И отдохнуть хотелось, да нас бы правда, бабы на части порвали бы. Каждый день, то одна приходила, то другая. Чтоб удостоверится, что дело движется. И первое собрание назначено было уже на после ярмарки на следующей неделе на Второй день.

Я сначала не понимала, почему бабам так по вкусу эта идея пришла. А как стали посетительницы про дары свои рассказывать – поняла. Вот, например, та же Рыска. У нее Дар с коровами ладить. Ни у кого корова столько молока не дает, сколько у подруги моей новой. Но во всем поселении коров с десятков. И пусть Рыска ко всем заходит, и помогает с уходом, но мало ей. Дар больше просит. Это как у меня. Сначала я думала, что двадцать соток огорода – это умереть можно. А сейчас уже свой весь засадила, у Салины все свободные грядки заняла, да с таким нетерпением ждала, когда уже выделят мне поле для овощеводства. Я тыкву посажу. Тыквы у тети Клавы всякой разной много было. И кабачков. А еще в сидератах у меня горчица была. И даже гречиха. Мало, с горсточку всего, но через несколько лет можно будет кашу гречневую есть. А не цветочную.

И что мне больше всего нравилось, от чего я вечером без ног от усталости валилась счастливая, как никогда в жизни.

Уважать меня стали во вдовьем поселении. Я впервые была не дурочкой-Аллочкой, над которой за глаза хихикали, а за глаза с усмешкой учили истинам прописным. Я впервые была человеком, к которому шли за советом. И вдруг оказалось, что я очень много всего знаю. И не просто ерунды какой-то, а чего-то важного. Нужного. И за помощь люди благодарны мне были.

И получается, что всего за две недели здесь, во вдовьем поселении я добилась больше, чем за всю прошлую жизнь. Причем такая, как есть, в дурацком платье-мешке, без бриллиантов на шее, без мужа-короля или герцога, без больших денег, без покровителей, без чьей либо помощи. И это так круто, что куда там красному сарафану.

Но я его все равно сошью... позже. Как полегче со временем станет.

Глава 12

К первому колхозному собранию готовились мы, как к ЕГЭ.

Я у господина Гририха бумагу выпросила. Здесь она не то, чтобы в дефиците, но требует бережного к себе отношения. Не принято тут просто так бумагой раскидываться. И речь написала. На русском, конечно.

На местном-то я так ни читать, ни писать не умею.

Пробовала научиться, но такая ерунда получается. Вот, к примеру, когда Салина мне говорит «баран», я слышу и понимаю – «баран». А говорит первую букву в слове «баран», я слышу «К»... я сначала ничего понять не могла. Думала у меня глюки какие-то. А потом догадалась. Все же просто. У меня же переводчик встроенный, как у всех книжных попаданок. И работает скорее всего на ассоциациях. То есть, когда Салина говорит «баран» и имеет в виду животное, я его и вижу. И слышу это слово правильно. А когда она говорит букву, я слышу ту букву, на которую это слово в местном языке начинается. Вот такая петрушка.

Хотя в последнее время стала ловить себя, что много слов не по-русски сама говорю. Так что решила я подождать, когда совсем на местный язык перейду. Тогда и научусь и читать, и писать. Чай не дура.

А еще мы с Салиной и Рыской наготовили сыры наши

творожные, которые у нас адыгейский называют, а мы здесь решили назвать Яблочным. Решили дегустацию провести. Чтобы, значит, женщины еще большим доверием прониклись, чтобы поверили, что сможем всем колхозом заработать столько, чтоб безбедно жить. Тем более, у нас теперь помимо овощеводства, и овцеводство, сыроварение намечалось. А сыры здесь, в Гвенаре, делать не умели. И втридорога из Хадоа везли.

Накануне нас всех так потряхивало, что мы даже есть не могли. Даже господин Гририх нервничал. Вилина с ног сбилась успокаивать его. Все ему не то, да не так было. Прибегала вечером жаловаться.

Мне кажется, ночью я, вообще, не спала, так сильно нервничала. Только вроде глаза закрыла, а тут меня Салина трясет.

– Малла, вставай. Я уже корову в стадо отправила. Сейчас все собираться начнут! Уже пора.

– Как пора?! – вскочила я, – я еще не готова. Я...

– Все будет хорошо, – Салина обняла меня. И добавила, – знаешь, я так рада, что его светлость привез тебя в наше поселение. Ты моя лучшая подруга, Малла. И я верю в тебя. И господин Гририх верит в тебя. И Рыска. И Вилина. И все остальные. Не нужно бояться. Я уверена, сегодня у нас все получится.

– Спасибо, Салина, – я обняла подругу. Мне на самом деле стало легче.

Собрание проводили на площади. Выставили столы, на которых разложили наши Яблочные сыры. Мы их уже научились варить разными, так что представили несколько вариантов: без ничего, соленый, с травами, и с розками. Как ни странно, вкус сдобных булок в сыре превратился в сладковатый сливочно-ванильный привкус. И Салина утверждала, что это будущий хит продаж.

А еще я забежала в огород, у меня уже хорошо вырос кресс-салат, листовая горчица и укроп. Все это я тоже решила представить на суд будущих колхозников. Все же для Гвенара это были экзотические травы. Вдруг понравятся...

Мы еще не успели разложиться и порезать сыры, как стали женщины собираться. И все сразу к столу. Ничем люди здесь от наших не отличаются.

Угощались сырами. Охали, ахали, хвалили. Салина с Рыской улыбались так, что говорить не могли. И пришлось мне все рассказывать. С чем сыры у нас, что делаются из свежего молока, что можем сделать сколько угодно много... рецептом только не делились. Решили, что нам эксклюзив нужен. Не обязательно всем знать, как сыр делается. Если хотят поесть, то пусть покупают по нашей цене. Ну, или в колхоз вступают. Потому что для своих цена будет существенно ниже.

Мои травы тоже понравились, сказали, что никогда подобной не пробовали. Очень интересный вкус. Но по второй веточке никто взять не спешил... это меня немного обеску-

ражило. И расстроило.

Подогретые дегустацией деликатесных продуктов, которые оказывается можно делать дома, а не везти из Хадоа втридорога, вдовы, к приходу господина Гририа, выстроились в очередь, желая вступить в колхоз.

За две недели, пока мы его так активно обсуждали, все уже оказались в курсе новой идеи. А сегодня увидев, что мы реально готовы вывести на рынок новый продукт, с ними или без них, решили, что колхозе им будет лучше, чем в одиночку.

Господин Гририх долго зачитывал Устав. Каждый параграф после прочтения заверялся Оракулом. Оказывается, это просто. Брал господин Гририх в руки круг этот с загогулинами, и Даром к нему прикасался. И если вспыхивал Оракул зеленью, значит все хорошо.

Больше всего я переживала за главу, где мы о правилах вступления в колхоз говорили. Я-то сначала все рассказала так, как оно в нашем мире было, мол, все складывают в общий котел у кого, что есть, и потом общее хозяйство ведут.

Но господин Гририх этот момент забраковал. Не одобрит, говорит, Оракул такое. Слишком много споров и ссор будет из-за того, кто больше, а кто меньше вложил. И решили мы сделать вступительный взнос – десять грот. Деньги большие, но не такие уж недоступные. А у кого нет денег, тот может имуществом вложиться. Если оно колхозу нашему нужно будет.

Озвучил господин Гририх это положение, вижу, у баб-то желания поубавилось. Да и что говорить, не зря же мы так решили. Деревня же. Доходили слухи о том, кто что планировал в общий котел отдать. Оно-то может людьми от чисто-го сердца делалось, но зачем нашему колхозу, например, бу-сы из стекла зеленого? Или шкуры бараньи старые? Незачем.

Читал господин Гририх дальше, а я смотрю бабы-то из очереди в колхоз потихоньку убывают. Такими темпами, глядишь, и не останется никого. И будем в колхозе только мы троим... а этого никак допустить нельзя...

– Салина, – дернула я подругу за рукав, – мне домой надо сбегать. Я сейчас, быстро. Потяни время, если не успею.

– Малла, ты что? Если ты уйдешь, мы, вообще, никого в колхоз никого не уговорим.

– Я быстро, – шепнула я и, выбравшись из толпы, помчалась домой. Кажется, я придумала что должна сделать.

По поводу моего участия в колхозе специальное условие было. Должна я была семенами своими вложиться. Экзотика же. Мы рынок-то на клочки порвем, так Салина сказала, а я ей верю. Причем, она сказала, что неважно даже вкусными будут овощи или нет. Главное, что редкими. А если еще и понравятся народу, в чем уже я не сомневалась, то можно на самый высокий уровень идти и любые деньги требовать.

Вернуться я успела до того, как господин Гририх закончил Устав заверять. Толпа баб значительно поредела. Кто-то и вовсе с площади ушел. Салина с Рыской чуть не плака-

ли. А вот господин Гририх почему-то совсем не переживал. Словно догадывался, что я сделать собираюсь. Меня увидел, улыбнулся и подмигнул, мол, все правильно.

И вот пришла моя очередь речь перед бабами держать. Еще пятнадцать долей, минут то есть, назад я тряслась от страха, представляя, что нужно выступать перед всеми, а сейчас... сейчас с нетерпением ждала этого момента. Потому что поняла. Всех этих людей я хорошо знаю. Я с ними со всеми уже про колхоз говорила, только это было в тот самый первый день.

И вот вышла я перед толпой, набрала побольше воздуха и начала:

– Я Малла Вильдо из Хадоа. И приехала в ваше поселение совсем недавно, но вы все уже знаете меня, потому что несколько дней назад приглашали меня к себе, чтобы я рассказала вам про колхоз. Не буду врать, идея это не моя, там, где я жила раньше, когда-то были такие хозяйства. И работали они весьма успешно, строили колхозникам новые дома, клубы, дороги... но теперь их нет...

– А что ж теперь нет-то? – ехидно протянула соседка через три дома Варла.

– А потому и нет, что не очень-то правильно дело начали. Сложили все свое имущество в кучу, не глядя, и думали, что так всем хорошо будет. Но, скажите мне уважаемые, если одна вдова корову приведет, а другая горшок каши цветочной, будет ли честным и равным их вклад?

– Нет, конечно! – Сайка взмахнула руками, – корова и горшок каши неправильно равнять!

– А если у вдовы, кроме этого горшка каши и нет ничего? Если она последнее отдает? А у той, что корову привела, еще одна такая же в сарайке стоит?

Вижу задумались бабы. Все же небогатое у нас поселение, и у многих кроме горшка каши, действительно, ничего не было.

– Это с какой стороны посмотреть тогда, – протянула Варла, – вроде горшок каши и корова не равны, но если у одной ничего нет больше, а у другой еще одна корова в сарае стоит... тут думать надо. У Оракула спросить.

– И что вы, бабоньки, у Оракула спросите? Справедливо ли, что одна последнее в общий котел принесла, а вторая только половину того, что имеет?

Зашумели бабы... заволновались...

– Вот на моей родине такую же ошибку совершили. Посчитали, что справедливо будет, если каждый все, что есть, отдаст. Одна горшок каши, а вторая двух коров. Или пять овец, как у тебя Варла.

– Но неправильно же это! – взвизгнула Варла. – кто-то кашу принесет, а с меня всех овец?! Несправедливо это! Не одобрит Оракул такое!

Я у господина Гририха Оракул выхватила... вроде колеса он. Из такого же металла, что и монеты.

– Справедливо ли, если каждая вдова принесет в общее

хозяйство все, что имеет?

И Даром попыталась коснуться... И вспыхнул оракул в моих руках, как солнце зеленое. Бабы ахнули. Заозирались недоуменно.

А я Оракула коменданту сунула и снова к бабам.

– Вот и у нас так же было. И вроде правильно все, но не правильно же! Не справедливо. Поэтому решили мы, что каждая вдова, которая в колхоз войти хочет, десять грот с собой несет. Или имущество, на эту сумму. Тогда все будет честно и по справедливости. А если нет ничего, кроме горшка каши, то последнее мы забирать не будем. Своим трудом вклад внесете. Как отработаете десять грот, так и станете настоящими колхозниками. И долю с дохода колхозного получать будете.

– Так неизвестно еще, будет доход или нет, – опять Варла. Надо ей спасибо сказать, очень помогла она мне репликами своими. И бабы вокруг тоже загудели, соглашаясь. И правда. Мол, еще не сделали ничего, одни слова. А все туда же...

– Вы все сегодня попробовали сыры, которые мы с Салиной и Рыской сварили? Будет ли толк от такого продукта, который никто кроме нас во всем Гвенаре делать не умеет?

Бабы снова загудели одобрительно, а Варла, сама того не ведая, снова помогла мне:

– Так на для этого коровы нужны. А у нас во всем поселении всего десяток. Когда еще с них телят дождешься, да до взрослых выкормишь. Денег-то ни у кого нет. Большинству

придется либо имуществом, либо трудом вкладываться.

И снова закивали бабы с Варлой соглашаясь. Да что и говорить, обе мы правы.

– Рыска, – обратилась я к расстроенной подруге, – сколько корова стоит дойная?

– За десять грот неплохую купить можно, если постараться...

– Значит придется тебе постараться, Рыска. – улыбнулась я, достала из-за пазухи мешок, который мне герцог подарил, и потрянула, громко звякнув монетами, – десять дойных коров от меня в дар колхозу нашему.

Вздых... единый, словно не сотня людей вздохнула, а один организм, и тишина повисла над площадью.

– Только просьба у меня к вам будет маленькая. Давайте колхоз «Светлый Путь» назовем... в память о бабушке моей...

Глава 13

Вот так в Гвенаре появился колхоз «Светлый путь» в составе пятнадцати человек.

Из сотни с лишним, что во вдовьем поселении живут.

Я расстроилась, Салина чуть не плакала, а господин Гририх нас утешал.

– Малла, Салина, уж не думали ли вы, что люди речам вашим сладким поверят? Бабы у нас в поселении жизнью битые. Вы им делом докажите правоту свою. Тогда и остальные подтянутся.

– Но вы же поверили, – возразила я.

– Эх, Малла, – дедушка погладил меня по голове, – у меня Дар, не забывай. Чувствую я потенциал большой в этом деле. А сбудется или нет – уже от нас самих зависит. Будем стараться – получится. Нет – нет.

Потом все новоиспеченные колхозники заверили своими кольцами-печатами участие в нашем предприятии. И пошли в кабинет к господину Гририху, чтобы там, конфиденциально, так сказать, обсудить наши будущие планы.

Председателем единогласно господина Гририха выбрали. Дар у него подходящий, да и знает он больше всех нас обо всей бумажной волоките.

Я, как и думали, стала бригадиром овощеводов. Рыска – животноводов. С животными у нас, правда, не густо было.

Три коровы: Салины, Рыски и госпожи Гририх, пять овец, Варла привела, два поросенка от Сайки с Виткой, и два десятка кур-несушек от Глаи. Она, оказывается птицевод с крошечным Даром. Так что птицы пока у нее и остались. Да и все животные по домам остались. Не было же у нас коровника общего

– Рыска, – всполошилась я, – а где же мы коров-то держать будем? Сейчас-то пока все по домам, а дальше?

– Не переживай, Малла, – сияла от счастья Рыска, – летом пастись будут. Соорудим им навес от дождей, на первое время хватит. А осенью по домам разберем.

– Нет, Рыска, неправильно это. Если у нас в конце лета так и будет десять коров, то можно крест на нашем колхозе ставить. Нам развиваться надо.

Оглянулась я, бабы-то на меня недоуменно смотрят, а Салина и господин Гририх улыбаются и кивают.

– Салина, скажи, сколько сыров Яблочных мы в городе каждый день продавать сможем?

– Много, – ответила Салина и уточнила, – головок десять это как минимум. Максимум не знаю.

– Это же каждый день надо в город мотаться, – протянула недовольно госпожа Гририх.

– Нет, – возразила Салина, – купцы к нам сами приезжать будут. Некогда нам столько времени на дорогу тратить.

Задумались бабы. А господин Гририх хитро улыбнулся:

– А если на весь Гвенар сыры варить? Никто же кроме нас

в Гвенаре это делать не умеет.

Салина побледнела, бабы ахнули...

– Видишь, Рыска, сколько коров нам надо? – у меня у самой от перспектив сердце замирало, – никаких сараев не хватит. Ферму надо строить.

– Ферму? – со странным акцентом спросил господин Гририх.

Кошмар меня подери! Это что же получается, я это слово на русском сказала?!

– Ферму, – осторожно, чтобы проклятье не сработало прошептала. Получилось, – ферму надо строить. Это сарай такой специальный. Для коров.

Но решили, что зря я так далеко замахнулась. И вопрос с фермой отложили на будущее. А пока коровы и навесами обойдутся.

За коровами решили ехать через три дня. Как раз столько времени нужно, чтобы на десять головок сыра молока набрать. Заодно теорию Салины проверим. Сможет ли она весь сыр продать за один день.

Потом про мои дела овощные заговорили. Рассказала я колхозникам про картошку, про злаки, про помидоры, огурцы и капусту.

Про то, что заготавливать можно на всю зиму, солить, мариновать, квасить...и про каши, и про муку...

Слушали меня, конечно, как будто бы я сказку рассказывала. Не верили. Тем более укроп и редиска не особо понра-

вились

Решили, что посадим все, надо же проверить, что растет в Гвенаре, а что нет. А потом на следующий год определимся, чего сажать больше, а чего меньше.

Выделили мне поле для огорода колхозного. Пришлось нам, правда, аренду у поселения на него оформить. Заодно и пастбища сразу арендовали. С отсрочкой платежа. Воспользовались, так сказать, служебным положением нашего председателя.

Если повезет, то сумму аренды мы даже не заметим. Земля здесь дешевая.

К поездке мы варили сыры. И если раньше это были опытные образцы, то сейчас все делали строго по проверенным рецептам, потому что это уже были товарные головки. Работы было много. Так что к нам в помощь пришла Витка.

И тогда-то это случилось.

– Бабоньки, – ахнула она, увидев, сколько осталось сыворотки, после сыра, – это вы что все выливать собрались?! Совести же у вас нет! Это же надо свинкам моим! У меня молока у свины нет, поросятки маленькие без молока страдают! Жалко же их. Отдайте, а? А то до слез жалко резать их. Маленькие же еще. Молочные...

Я как представила поросенок маленьких, которые худенькие, бедненькие, без молока мамкиного, голодные ходят... аж слезы навернулись. Жалко же, когда такие крохи умирают. И вдруг я так ясно вспомнила, как у нас в деревне теле-

нок молочный погиб, на вилы напоролся.

– Салина! Рыска, – заорала я, – вспомнила! В яблоках пектин, а пепсин – это в желудке телят молочных! Для сыра нам пепсин нужен!

– Малла... ты уверена?

– Да! Абсолютно! Мне папа про сычуг рассказывал, что из него ферм... закваску для сыра получают.

– Сычуг? – удивилась Рыска, а потом хлопнула себя по лбу, – точно! Там же молоко сгустками!

О! Если бы в нашем поселении сегодня был молочный теленок, мы бы прямо сегодня попробовали бы сварить твердый сыр. Но телят подходящего возраста не было. К счастью. Как-то не готова я оказалась к способу, которым этот пепсин добывают...

День закончился далеко за полночь. Устала я так, что еле голову до подушки донесла. И хорошо. Иначе сгрызла бы себя за то, что все деньги отдала, и сама ни с чем осталась. Хотя могла на эти деньги прожить без забот и хлопот весь год до приезда его светлости.

Да только папа всегда говорил: легко пришло, легко ушло. Не были богатыми, так и нечего начинать.

А утром ни свет ни заря, отправили мы наших ходоков в город. Не пешком, конечно, на телеге господина Гририха.

Сам господин Гририх поехал документы оформлять на наше хозяйство коллективное, Салина поехала сыры продавать. А Рыска за коровами.

А мы всей дружной колхозной гурьбой пошли в поле работать. И что интересно, те бабы, которые в колхоз не вступили, наших в город провожать тоже пришли. И с нами в поле потащились. Поглазеть.

А там интересно же! Семена незнакомые, да еще Дар мой во всей красе. Земля как пух, лопаты только в воздухе мелькают, все смеются... весело так работать-то, когда все легко и просто получается.

Участок, который вдовушки местные грядой назвали, в мы в двадцать четыре руки к вечеру вскопали и засеяли.

Когда семена вытащила, все вокруг сгрудились и шушукались, и вопросы задавали, и смотрела на картинки да на сами семена. Но, что примечательно, никто даже не подумал, что стащить можно хоть одно семечко. Такое в толпе-то не заметишь. Но Оракул бдит. И это приятно. Хотя хотели бабы семена. Есть среди них огородницы заядлые. Без Дара, но разве это когда-нибудь мешало маме моей, к примеру, урожаи шикарные получать? Просили, семенами поделиться, конечно, но я сказала, что колхозное это все. Все колхозом и решать будем давать или нет семена.

Но еще подумала я, что не дело это колхозные поля лопатами копать. Мотоблок надо. Или плуг какой-нибудь к лошади прицепить, как древние времена. А то так мы даже с Даром моим умрем лопатами поля для пшеницы вскапывать. Это сейчас ее у меня мало. А потом как начнем сеять... ого-го сколько копать придется.

Уже стемнело, а наша делегация из города все не возвращалась. Мы уже со всеми делами управились, коров подоили, молоко процедили, в подпол убрали, скотину покормили, а их все не было.

Сели мы у дома господина Гририха на лавочку, что из кабинета вытащили... сидим ждем. И бабы все на меня поглядывают, типа, ты что-то решаешь давай, Малла. Даже госпожа Гририх на меня смотрит, а у самой слезы уже на глазах.

– Малла, что они не едут-то? Неужто случилось что?

– Все хорошо, Вилина, – отвечаю уверенно, хотя у самой от страха колени трясутся. Мало ли что случиться-то могло. Вдруг ограбили их. Все же сумма большая. Или арестовали. За что-нибудь. Или не получилось у них что-то...

Видать не сильно уверено я ответила. Начала Вилина всхлипывать. А потом подвывать тихонечко. А за ней остальные бабы завывали... я думала такое только в детском садике бывает, когда дети один за другим плач подхватывают. Ан нет.

Сидят бабы, воют. Уже причитать начали: «На кого вы нас покинули!»

Если бы собаки были, вообще, не пойми что было бы... хорошо здесь из животных, кроме мелочи всякой, только коровы, лошади, овцы, свиньи и куры. Мне Салина рассказывала, что всю флору и фауну во время войны с Хадоа истребили. Остались только домашние животные, которых в тот мир забрали: лошади, коровы, овцы, свиньи и куры.

А бабы все воют и воют... ощущение, будто бы я на похоронах уже сижу. Даже сердце заболело. Сама уже, чувствую, подвывать начала...

И вдруг топот услышали. Как будто бы толпа огромная идет.

И точно толпа. Вернулись наши ходоки. И сами живы-здоровы, и коров пригнали целую отару... или так про коров не говорят?

Пока мы коров по сараям устраивали, не выгонять же их ночью в поле, совсем стемнело. А потом пошли в контору... ну... да, каюсь. Это снова я, словечко новое ввела в обиход. И вот любопытно, сама-то я это слово в жизни своей прошлой не использовала. Как-то привыкли мы офис говорить. Даже если офис грязная комната в вагончике. А тут всплыло. Потом вспомнила, что бабушка так говорила. И, вообще, как-то словечки бабушкины у меня стали проскальзывать. Не понимаю, то ли язык здесь такой... на русский похожий, то ли сама обстановка деревенская навевает.

В конторе расселись на лавках, с улицы, правда, опять пришлось назад затаскивать, и ждем, когда делегаты наши ответ держать будут.

Первым слово взял председатель наш. Господин Гририх. Усталый наш дедушка за столом сидел. Но довольный. Улыбался и за правую мочку себя теребил. Давно видать. Она у него покраснела уже и распухла даже. Вилина, госпожа Гририх, мужа по руке хлопала, чтобы он ухо в покое оставил.

– Итак, бабоньки, все отлично. Зарегистрировал я наше коллективное хозяйство Колхоз «Светлый Путь». Бумаги получил. Теперь ты, Рыска, рассказывай.

Мы в\одобнительно загудели... но вот в воздухе висело что-то такое, всем ясно было, чего-то не договаривает председатель наш.

– Да что рассказывать, – Рыска тоже сияла как-то подозрительно, – коров купила, пригнала. В дороге подоили. Видели все. Завтра утром сыры будем делать. Еще сычуг привезла от теленка суточного. Так что завтра можно будет заняться твердыми сырами.

Мы загудели сильнее. И на Салину посмотрели. А у той, снова руки тряслись, как будто бы за розками она бежать готовилась. Ох, ну не спроста же это!

– Сыры продала. Сразу все забрали. И договорились, что каждую ночь приезжать к нам будут за сырами. Чтобы утром он уже на завтрак был...

Салина замолчала, явно не договорив конец фразы. Мы молчали и ждали.

– Да говори уже, – господин Гририх вцепился в ухо, пользуясь тем, что жена, как и все мы, не отрывала глаз от Салины.

– У его величества, – прохрипела подруга и обхватила пылающие щеки ладонями, – по десять головок каждый день надо к столу его величества поставлять...

Глава 14

Бабы молчали. Онемели. Все, кроме меня. Я просто закипела от возмущения. Сыр! Этому негодяю?! И его курице белобрысой?! Да еще по десять кг? Она что с ним делать собралась?!

– А платить-то он нам будет?! Или это спонсорская помощь бедному королю?

– Будет, – улыбнулась Салина, – по пол грота за головку сыра.

Мне сразу легче стало. Пусть хоть платит тогда, раз будет наш сыр в три горла жрать. Ну зачем ему десять головок?!

– А зачем ему столько много? – не выдержала Варла. Уф... я думала, что я одна ничего не понимаю. Аж от сердца отлегло.

Хотела я высказаться, конечно, но вовремя вспомнила, что нельзя. Это вам не наша свобода слова, здесь про короля, как про покойника, можно говорить: либо хорошо, либо ничего.

– На завтраке у его величества народу каждый день много. Для нас с вами, – заговорил господин Гририх, – это удача невероятная. Теперь все аристократы про наш сыр узнают. И тоже захотят у себя на столе его видеть. Это нам его светлость посоветовал в столицу во дворец на кухню все отнести. Поэтому и задержались мы, пришлось в столицу порталом

отправится. А Салина умница, смогла договориться, чтобы доставку дворцовая кухня на себя взяла. А то бы по два грота приходилось бы за портал платить.

Только тогда я поверила, что все это правда. Десять головок сыра в день, это полторы сотни грот в месяц. Мы даже сейчас, с теми коровами, что у нас есть, сможем обеспечить колхозу такой доход. И это невероятно круто.

И не только я так быстро прибыль нашу подсчитала. Все остальные вдовушки тоже сумели сообразить, что повезло нам невероятно. И ждет наш колхоз богатое будущее. И это только начало.

И все мы радовались. Смеялись. И только у меня где-то в глубине души точил сердце маленький червячок обиды. На его светлость. Хотя непонятно, чего мне обижаться-то? Благодарить надо. Если бы не отправил он меня в это вдовье поселение, не было бы никакого колхоза «Светлый Путь». А мне от названия легче становилось, будто бы дома я. В деревне своей.

Но червячок упорно работал челюстями, не давая мне насладиться триумфом в полной мере. А потом мы еще полночи варили сыр. Потому что уже давно опытным путем установили, переночевавшее молоко для сыра не годиться. Он получается какой-то другой. Больше похоже на прессованный творог.

И следующий день прошел в трудах и заботах. Во-первых, подоить надо было не три коровы, а тринадцать. И это уже

сильно увеличило время утренней дойки. Во-вторых, пастушка ожидаемо отказалась пасти колхозных коров и пришлось срочно снаряжать Варлу на пастбище. Рыска сама хотела, но нам сегодня нужно было заняться сыроварением. Ждать было нельзя, мы боялись, что сычуг испортится.

Сначала доварили недостающие Яблочные сыры. А оставшееся молоко пустили на опыты. И у нас получилось!

Сгусток получился плотный, как у настоящего сыра. Мы, когда завернули его в холстину и под пресс положили, никак не могли перестать улыбаться, несмотря на усталость. Вчера и сегодня были самыми суматошными днями

– Девочки, а еще сыров может быть много разных. Есть выдержанные сыры... Это те, которые долго зреют. И даже с плесенью. Не с любой, конечно, а с какой-то особенной, с синей..

От таких откровений, бабоньки, вообще, в осадок выпали. Сидели на скамьях с обалдевшим видом и каждый о своем думали. У Салины в глазах цифры мелькали. Здесь они другие, я просто по привычке русскими считаю, но Салина совершенно точно барыши подсчитывала.

У Рыски тоже глаза загорелись, но совсем по другому поводу. Это сколько же коров можно завести! И в глазах у Рыски стада несметные по лугам бродили.

У Сайки наряды в глазах замелькали, которые она купить на деньжищи заработанные в колхозе сможет. Вот жила бы Сайка в нашем мире, быть бы ей шополголиком. Она и сей-

час-то шмотье убогое закупает на все, что заработает. А уж у нас... Из торгового центра ее бы точно вытащить не смогли.

А я... я думала о том, что, возможно, если постараться, то на те деньги, что заработаю, смогу устроить себе комфортную жизнь, максимально близкую к той, что у меня в прошлом была: туалет с канализацией, душ, одежда удобная, обувь... в деревянных чеботах совсем невесело ходить, подошва не гнется.

Первые две недели колхозной жизни пролетели, как один миг.

На общем собрании мы подвели итоги. Оказалось, что из пятнадцати колхозников делом заняты все.

В моей бригаде овощеводов работали всего три человека, вместе со мной. Больше было не нужно, слишком еще маленькие площади.

Сайка варила сыры, ей помогала бабка Ланка, наша самая старая и почтенная вдова, выполнявшая мелкие поручения, потому что мы не смогли придумать ей другого дела. А бездельничать бабка отказывалась наотрез. Мы ее несколько раз с огорода выгоняли, потому что боялись, что плохо станет.

Варла стала нашей пастушкой. Пасла и коров, и овец. Стадо пока все еще было небольшое, так что она успевала все сама.

Рыска с двумя помощницами обихаживали коров. Доили, убирали, поили, кормили.

Салина с господином Гририхом занимались администра-

тивной работой и торговлей. Именно их донимали докучливые купцы, валом повалившие к нам в колхоз, как только прознали, кто это в Гвенаре секрет сыроваров из Хадоа прознал. И, положив руку на сердце, никто из нас не хотел бы столько времени проводить за болтовней с этими наглыми торговцами.

Глая и Витка «присматривала» за колхозными курами и свиньями, которые так и жили в их сараях и помогали там, где рабочие руки были нужнее всего.

Вилина, госпожа Гририх, не гнушалась никакой работы, несмотря на дворянский титул, но всем, кроме меня, было неловко видеть, как она работает. И поэтому как-то незаметно, стала у нас госпожа Гририх кем-то вроде учетчика. Касса колхозная у нее была, трудодни она считала, вела записи по тем колхозникам, которые своим трудом вложились...

И последняя Нана, молоденькая девчонка, овдовевшая буквально сразу после свадьбы, была у нас на посылках. Целый день бегала туда-сюда, помогая нам чувствовать себя единым трудовым коллективом.

И за две недели работы нашего колхоза, мы сделали очень много.

Построили навес для коров наших на пастбище рядом с ручьем. Ручей отгородили, чтобы коровы его не затоптали. Оборудовали лежанки для тринадцати буренок, поставили колоды для воды, чтобы коровки могли пить столько сколько нужно. Еще несколько старых корыт для стирки белья при-

способили для каменной соли и подкормки. Из глины слепили очаг, чтобы греть воду мытья вымени. Стол из бревен смастерили. Получилось довольно мило и уютно. Рыска просила даже шалаш ей там построить, чтобы ночевать можно было. Но мы сочли, что это лишнее. Хищников в Гвенаре нет, воров тоже. От кого коров-то караулить?

Производство Яблочного сыра на поток поставили, дело же нехитрое. Сайка теперь одна с ним справлялась. И стала нашим главным сыроваром. А еще они с Рыской и Салиной твердые сыры варили, рецепты обкатывали. Мы давно решили, что все четко должно быть, чтобы каждый раз одинаковый вкус получался, чтобы покупатели наши знали, если продукт из колхоза «Светлый Путь», значит гарантированно качественный.

Все что в «лаборатории» готовилось, мы на всех колхозников делили. Пусть по небольшому кусочку, но деликатес, которого еще на королевском столе не было, все попробовали.

С сырами мы все еще экспериментировали, но это уже перестало быть каким-то уникальным делом, слова фермент, пепсин и бактерии влились в местный язык, и звучали из наших уст уже совсем привычно. Даже бабка Ланка легко оперировала этими словами. Процесс сыроварения стал обыденностью.

С огородом тоже все было хорошо. Укроп отлично подошел к синей каше, делая ее вкус каким-то снежно-свежим. В

общем, продавать мы пока не пробовали, но Салина клялась, что такую приправу ждет успех. В общем, оставила на семена половину грядки, на следующий год попробуем посадить побольше. На продажу. Остальные овощи тоже росли отлично. Редиску мои подруги распробовали, с солью им понравилось. Всевозможные салаты, тоже зашли. Но тут неожиданностей и не должно было быть. Все же за неимением круп и овощей, траву здесь ели всякую разную.

А еще Салина рассказала мне, как же так получилось, что здесь такой откровенной убогий ассортимент растений. Даже диких.

Я потом несколько дней спать не могла. У меня душу на части рвало, когда представляла, что пришлось пережить этому миру, чтобы возродиться.

Оказывается, Хадоа – это не государство соседнее, как я думала. А другой мир. И оттуда пришли на Гвенар захватчики и людей в рабство угнали. Коров, свиней, овец и кур тоже забрали, хадоанцы оказались чистыми мясоедами. А потом выжгли Гвенар дотла. И ни одной своей травки, ни одного дерева в этом мире не осталось. Через тысячи лет, когда гвенарцы вернулись в свой мир, он так и был черной пустыней. И все, что здесь растет, и все животные, которые есть, все принесено с Хадоа. И цветы эти синие, оттуда. Людям же надо было что-то есть.

Третья неделя нашего хозяйствования началась как-то спокойно. И даже как-то скучновато. Работы много, конечно

было, но все равно... как-то однообразно.

Я даже время нашла сарафаном своим заняться. Солнце-то все позже и позже садилось. Вечера светлые были. Чего уж было тянуть кота за хвост?

Три дня кроила. А все потому, что ни лекал под рукой, ни метра даже. Пришлось куском веревочки все измерять и на листке бумаги, что у господина Гририха для речи выпросила, рисовать схемку. И вспоминать расчеты для построения выкройки. А потом кроить прямо на дорогушей ткани, не будучи уверенной, что все правильно.

Можно было бы, конечно, простенький сарафан слепить, но очень уж мне хотелось так поразить воображение вдовушек чтобы они сняли свои платья-мешки. Так что заморочилась я декольте и вытачками, чтобы грудь подчеркнуть. На рубашке нижней, которая по местным правилам приличия должна и сверху и снизу выглядывать, решила рукава фонариком сделать, чтобы хоть как-то наряд украсить. Лишь бы успеть до конца лета сшить.

– Малла, не спишь? – ко мне заглянула Салина, которая каждый вечер сама сыры купцам отгружала. – не могу я больше. Малла, они же меня на клочки рвут. И обижаются еще. Мол, мало ты мне сегодня оставила. Я просил десять головок, а ты три дала... больше сыров надо... больше коров... Ты что же это делаешь? – ахнула она, увидев мои выкройки, – нельзя же нам такое!

– Как это нельзя? – удивилась я, а у самой сердце дрог-

нуло. Ну, не могу я больше в мешках этих ходить. Не могу! Выше моих сил это.

– Мы же вдовы. Скорбеть должны. О своих мужьях умерших помнить, а не других завлекать... поэтому и платья у нас такие особенные...

– Что?! – у меня кровь от лица отхлынула. Мне дурно стало. Я задыхаться стала. Я-то, дура, других баб и не видела. Думала, все в таких мешках ходят, – но подожди! Вилина же... она же замужем, а в таком же мешке ходит. Или замужние тоже...

– Вилина тоже вдова. И о первом своем супруге помнить должна. И одежда наша неудобством своим нам напоминает о грехе нашем. Раз мужа потеряла, теперь всю жизнь вдовий наряд носить обязана.

– Как это всю жизнь? – я с трудом шевелила губами. Я настолько не знала, что дальше делать. Не дура же. Понимаю, что против традиций нельзя идти. Это только в книжках о попаданках моду по щелчку пальцев меняют и от кринолинов сразу экстремальному мини переходят... я уже убедилась, что не все так просто. По крайней мере у меня. Вон кому-то везет гораздо больше. Курице этой белобрысой, например. Вот у нее все, как в сказке: и королю в постель попала, и замуж за него вышла, и кровь у нее древняя оказалась, и силы огромные с неба свалились. Никаких тебе печалей и терзаний. Как сыр в масле катается.

– Вот так, – пожала плечами Салина, – так что зря ты та-

кую ткань хорошую испортила.

Глава 15

Ну, вот кто бы мог подумать, что последней каплей эти дурацкие платья станут? На следующее утро я, впервые в жизни, не пошла на работу. Никогда я еще себе такого не позволяла. Ни там, ни тем более здесь. А сейчас так все равно стало. Зачем стараться, пытаться чего-то добиться, если все равно ничего не изменить. Ни домой мне никогда не вернуться, ни родителей увидеть, ни Орландо, ни даже платье-мешок из дерюжки колючей не снять...

А еще подружки про меня забыли. Я уже полдня на кровати лежу, а ко мне даже не заглянул никто. Не спросил, что, мол, Малла с тобой случилось? Как ты себя, подруженька наша, чувствуешь? Ни Салине я не нужна, ни Рыске, ни своей бригаде овощеводов. Они-то небось, на огород пошли. Работают там... поливают, сорняки пропалывают. Хотя дождик каждую ночь лил и сорняки не так уж сильно донимали, но все же в большом колхозном огороде для пары человек всегда работа была.

А я не нужна никому. Ну и пусть, буду лежать пока не умру. Только вот тюфяк сегодня какой-то совсем неудобный. Сено совсем слежалось. Да и что говорить трава не перо. Вот была бы у меня перина... Кстати... а чего-то я здесь перин не видела? И подушек...

Я даже села. Как это так, в деревне подушки не перье-

вые? Всю жизнь у бабушки пера этого было завались. Каждый год подушки шила, по родне раздаривала. Вот бы у Глаи спросить, у птичницы нашей. Вдруг неспроста это. Вдруг какая-нибудь беда, как с этими платьями-мешками.

Я уже подскочила и бежать хотела, да вспомнила, что страдаю сегодня. И обратно в постель легла. А самой-то так перинку хочется под попу, подушку под голову... плюнула я на страдания и к Глае рванула. Огородами, чтоб никто не видел, что я из дома вышла. Вот проверим, насколько нужна я подружкам... так называемым...

К Глае я как шпион пробиралась. Чтобы не увидел никто. Спрошу у нее только про перину, а потом тихонько домой вернусь. Так же, огородами. А то обидно как-то, я бы, например, забеспокоилась, если бы Салина с утра из дома не вышла. Или если бы Рыску возле коров утром не увидела. А подружкам моим все равно значит, раз они за столько времени так и не удосужились проверить, что со мной случилось.

– Привет, Малла, – Глая мне обрадовалась. Единственная за весь день. Она кормила в своем типовом дворе кур, которые бегали под ногами и стучали клювами по деревянному корытцу, подбирая цветки синей каши, – а ты чего так рано-то? Случилось что?

– Ничего не случилось, – обиделась я. Ну а что? Разве я могу прийти в гости только когда что-то произошло. – И не рано уже вовсе... солнце почти в зените, – махнула я рукой в небо. Приврала, конечно, для красного словца. Солнце со-

всем не в зените было... и, вообще, даже совсем недавно рассвет был... Не знаю, почему мне так показалось, пока дома лежала. Наверное, от обиды.

– Глая, скажи, а почему здесь тюфяки травой набивают, а не пером куриным?

– Не только травой, – пожалала она плечами, – и пером набивают. И шерстью овечьей. Только дорого это. И шерстью дорого. А уж пером так, вообще... такая перина, наверное, только у его величества, да самых приближенных имеется..

– А почему? – удивилась я. Ну, мне всегда казалось, что перо дешевый материал.

– Ты представляешь, сколько кур надо на перину, – рассмеялась Глая, – это сколько же лет собирать надо. Всех наших кур даже на одну подушку не хватит. Так что дорогое это удовольствие.

– Все равно не понимаю, – я даже головой потрясла на всякий случай. Вдруг там извилина какая на место встанет, – пера, конечно, много надо, но ведь и кур можно не двадцать завести, а двести.

– Малла, – Глая расхохоталась до слез, – а ты хоть знаешь, как кур разводят?

– Из яиц? – я немного растерялась. Все же другой мир... вдруг у них куры живородящие. А яйца так, побочный эффект...

– Из яиц, – кивнула подруга, а я выдохнула. А то уже с опаской начала поглядывать на живородящих монстров, ко-

торые вокруг нас крутились, – но чтобы яйцо стало курицей, надо чтобы другая курица высидела цыпленка. И три недели ей нужно на гнезде провести, не вставая. А они не любят на одном месте сидеть, так и норовят сбежать. Поэтому и выводят мало очень...

– Значит надо инкубатор строить! – заорала я, но изо рта снова зазвучало, – я Малла Вильдо из Хадоа! Кошмар меня подери!

Это что за издевательство?! Почему я про колхоз, про ферму для коров и про сыры могу говорить, а про инкубатор нет?! Что за пакость!

– Малла, – а вот Глая уже вцепилась в меня, мгновенно почуяв, что я что-то знаю, – что?! Что ты хотела сказать?! Малла! Пожалуйста!

– Подожди-ка...

Какая-то мысль мелькнула в моей голове. Не зря говорят, догадка озарила. Вот и я словно искорку увидела, которая вспыхнула и пропала, снова оставляя меня во тьме. Надо подумать. Еще раз. О чем я думала? О том, что про колхоз, про ферму, про сыры могу говорить, а про инкубатор, про трактор, да, пыталась, про другой мир – нет...

А в чем их разница?

– Глая, – начала я медленно, – вот смотри, яйца лежат под курицей в определенных условиях: тепло, влажность, может быть еще что-то. Ты это лучше знаешь. А если мы положим яйца в ящик и создадим в нем такие же условия, как под

курицей?

Ух, ты! У меня получилось! Я, кажется, поняла принцип! Главное не говорить ни о чем, что невозможно сделать здесь и сейчас в этом мире.

– Малла, – Глая ответила мне шепотом, – у вас так делают? – Я кивнула. – И цыплята выводятся? – Еще кивок. – Кошмар меня подери! Малла! Это же здорово! А как это сделать?

– Не знаю, – засмеялась я, – а что знаю, я тебе уже рассказала.

Ящик мы с Глаей нашли у господина Гририха. Положили туда травы из тюфяка, два десятка яиц на пробу и в одеяло войлочное укутали. И стали думать как в печи температуру поддерживать, чтоб цыплята наши в яйцах не сварились и не замерзли.

Так, бегающих из угла в угол с ящиком с яйцами, нас и нашли подруги. А я даже забыла высказать им претензии, потому что вопрос как греть будущих цыплят, стал важнее. Наконец-то, благодаря Дару Глаи, решение пришло – нужно просто постоянно топить печку, помаленьку, чуть ли не по щепочке, поддерживая температуру, а для влажности, прямо в коробку поставить кружку воды, накрытую деревянным кружочком. Надо больше, приоткрыл, надо меньше, прикрыл. А еще каждый час нужно было поворачивать и ящик, и яйца, чтобы они грелись равномерно со всех сторон.

И если с влажностью было проще, один раз выставил, и

потом можно не трогать долго, то переворачивание яиц и особенно топка печки крошечными порциями, но регулярно и часто, требовали постоянного присутствия. И мы установили дежурство, чтобы бы контролировать наш инкубатор круглосуточно.

В общем, следующие три недели мы жили у Глаи. Вся наша банда: я, Салина и Рыска.

Всю остальную работу тоже никто не отменял, поэтому как-то не до обид было. Моя недоделанная выкройка сарафана так и осталась лежать на полу в пустой комнате.

Ох, и тяжелая это работа, скажу я вам работать курицей-наседкой.

Первый месяц нашей колхозной жизни пролетел как один миг. И мы собрались подвести итоги.

Как не похоже было это итоговое собрание на то самое первое. Мы крепко сдружились, мы знали друг друга как самых родных и близких людей, мы смогли стать командой. И сейчас сидели в кабинете господина Гририха, пододвинув лавки ближе к столу.

– Итак, бабоньки, – начал наш председатель, – первым делом хочу сообщить две радостные новости. Первая, все члены колхоза, которые внесли вклад своим трудом отработали долг и теперь являются полноценными колхозниками. И вторая, – не дал он нам завизжать от восторга и кинуться в объятия друг друга с поздравлениями, – за месяц мы с вами продали сыра на двести двадцать два грота.

Вот тут мы уже не сдерживались. Вдовы, жившие на три-пять грот в месяц, просто взвыли от озвученной суммы. Это была просто немыслимые деньги.

Когда закончилось всеобщее ликование, а мы все наобнимались и даже наплакались, господин Гририх, который терпеливо ждал, когда все успокоится, продолжил:

– Итак, бабоньки. Нам нужно решить, что делать дальше. Если мы отложим эти деньги, то уже можно нанимать бригаду строить ферму и сыроварню. Если мы решим выплатить каждой то, что вы заработали, то строителей можно будет приглашать на коровник. А если мы направим все эти деньги на покупку коров, то через месяц мы сможем заработать примерно шестьсот грот...

Вот тут все онемели. Столько деньжищ даже я не могла себе представить. Хотя сто грот в руках держала.

– А мы сможем продать столько сыра, – я первая пришла в себя, потому что для меня это пока еще были просто цифры.

– Сможем, – прошептала Салина, – это примерно по сорок килограмм сыра в день... да... сможем... даже больше сможем... только, – она обвела нас всех взглядом, – мы столько не вытянем. Нам рук не хватает...

– Еще три вдовы хотят вступить в колхоз, – господин Гририх довольно улыбался, – а когда они увидят наше будущее стадо... Думаю, от желающих не будет отбоя...

– А потом еще овощи, – вмешалась я, свято верившая в успех картошки, капусты и огурцов с помидорами, – через

пару недель дойдет первый урожай репы, кабачков и капуста ранней. Их заготавливать на зиму нельзя, но капусту можно мариновать, добавлять в супы и есть сырой. Как и репу с кабачками. Салина, мне нужны бочонки.

– Малла, – подруга стала серьезной. После фиаско с зеленью у местных появились сомнения в травах из Хадоа, – пару бочонков мы тебе выделим, но, знаешь, если то, что ты положишь в них не будет интересно купцам... – она замолчала, но всем стало ясно, что в таком случае мой огород так и останется только на моем участке для моего личного удовольствия.

– Хорошо, – согласилась я, – а еще у нас скоро будут цыплята. А если получится их выводить без курицы, то очень много цыплят.

– Да кому они нужны, – одна из женщин-овощеводов махнула рукой. В последнее время их энтузиазм спал, и хотя работали они старательно, но как-то без огонька. А вот Рыскины животноводы чувствовали себя героями, – куда нам столько яиц-то?

– Никуда – согласилась я. Я уже знала, благодаря Салине, что рынок сельскохозяйственной продукции поделен жестко, чуть ли не указом его величества. Втиснуться туда с яйцами просто нереально. – А вот мяса и пуха-пера можно много продать. А лучше не просто мясо и перо продавать, а мясо коптить, а из пуха-пера перины, подушки и одеяла шить.

– Да кому... – возразила вторая моя помощница, но гос-

подин Гририх перебил, начавшийся спор.

– Про цыплят будем думать потом, когда они вылупятся. А сейчас надо решить с коровами. Что делаем? Закупаем еще коров или делим прибыль сейчас?

За увеличение коровьего стада проголосовали единогласно. И за новых колхозников тоже.

Глава 16

Я шла домой одна. Даже не стала дожидаться Салину, которая о чем-то шепталась с госпожой Гририх. Мне было немного обидно. Да что там... мне было страшно обидно, от такого пренебрежения к моим овощам и к моим инкубаторам. И думалось, что как-то быстро все забыли, именно я придумала, как варить сыр... и, вообще. Десять коров было куплено на мои деньги. На те, что дал мне его сиятельство.

– Малла, – Салина догнала меня очень быстро и схватила за руку, – что с тобой?

– Ничего, – буркнула я, вырываясь, – могла бы поддержать меня. Ты все же моя подруга.

– Обиделась? – удивилась соседка, – но, Малла, я же права. Как мы можем сейчас закупать бочонки, если еще неизвестно, что там у тебя растет? Нужны ли твои овощи купцам или нет? Но в остальном мы же тебя поддерживаем. Поле тебе выделили, и с яйцами этими носимся, ночами не спим. Хотя где это видано, чтобы цыплят без курицы высиживать. Кроме Глаи в это никто не верит. Прости, если я тебя обидела.

– Мои овощи намного вкуснее вашей гадкой цветочной каши, – вспылила я, – и цыплят у нас только так и выводят. Моя бабушка их по сто штук покупала, мы их растили, а осенью всех на мясо. И потом всю зиму ели. И подушки у нас

нормальные были, и матрасы, и одеяла, и, вообще, – я уже не сдерживалась, – у вас здесь все убогое! Ненавижу вас всех! И Гвенар ваш ненавижу! Я домой хочу!

Я уже орала. Как никогда в жизни я хотела домой. К маме и папе, к Орландо, к своей любимой и такой легкой работе... да я даже по даче вдруг заскучала, по неспешному копошению на грядках, скорее для удовольствия, а не для того, чтобы выжить.

– Малла, – Салина стиснула меня так, что я не могла дышать, – Малла, прости. Прости. Ты так быстро ко всем привыкла... ну, нам так казалось, что мы совсем забыли, как тебе трудно. Малла, прости...

– Ничего ты не знаешь, – вырвалась я и проорала со слезами – вы все про меня ничего не знаете. И, вообще, как быстро все забыли, что за все, что сейчас есть вы меня должны благодарить! Меня! А ты меня даже не поддержала! Вы даже не хотите понять, насколько больше я видела и знаю! И как я могу помочь всем жить лучше. Вы даже не представляете, как я жила до того. Как попала сюда! И как здесь все убого!

Я упала прямо на траву возле чьего-то забора и разрыдалась, и никак не могла успокоиться. Салина пыталась меня утешить, но становилось только хуже. К нам подходили другие, собралась уже целая толпа, но мне было все равно. Я не могла остановиться.

– Тише, деточка, тише, – сквозь толпу протиснулась старая, почти как бабка Ланка, вдова, – тише, не нужно так пла-

кать.

Она гладила меня по голове и причитала тихим голосом полным сочувствия и участия. От ее причитаний, мне становилось легче. Боль в душе теряла свою остроту, а слезы высыхали сами собой.

– Тише, деточка, – шептала она, а потом сунула мне в руки глиняную кружку, – на-ка, выпей, и тебя отпустит. Давай...

Я все еще всхлипывая послушно взяла кружку и глотнула. Горечь отвара обожгла язык, но тут же пропала, оставляя после себя сладкое послевкусие.

– Пей, деточка, пей. Что же ты так-то? Нельзя же себя до такого доводить, – незнакомка присела рядом, и продолжала гладить меня по спине, – нельзя тебе нервничать. Тебе сейчас покой нужен, деточка.

– Что? – переспросила я, – что вы сказали?

– Тише, успокойся, – бабка сжала мне руку, – знаю я про планы твои. Слышала. И огород твой смотрела. Хорошие у тебя травки, полезные. Много нового и интересного я там увидела, много такого, чего не должно быть в нашем мире. И что ты не из Хадоа знаю... не спрашивай откуда, все равно не скажу. И про тебя никому ничего не скажу. Только ты и сама молчи. Незачем пока людям знать... незачем...

Резко оборвав причитания непонятной и явно неоконченной фразой, она вырвала из моих рук пустую кружку, и неожиданно бодро вскочив, снова протиснулась сквозь толпу и мгновенно исчезла, словно и не было ее. А рядом со

мною на корточках присела Салина:

– Малла, ты как? Тебе лучше?

– Салина, кто это?

– Это аррова ведьма... Она тебе что-то сказала? Не слушай ее, Малла. Заговорит она тебя, запутает. Сама в себе сомневаться начнешь, забудь все, что она говорила. Нельзя словам ведьмы верить. Поняла?

– Поняла, – ответила я, думая о том, как смогла эта женщина догадаться о том, что я не из Хадоа... И зачем она просила молчать? Как будто бы не знает, что я при всем желании ничего сказать не смогу? Или она о чем-то другом? Вопросы сыпались в мою голову как горошины в корзину. Стукались об стенку и бегали, катались по кругу, без ответа.

– Малла, – Салина встряхнула меня за плечи, – Малла, посмотрит на меня, слышишь?

Я подняла взгляд на подругу, она испуганно всмотрелась в мое лицо, в глаза:

– Малла, перестань думать о том, что она сказала. Малла, это аррова ведьма. Ей нельзя верить. Ее нельзя слушать, а то пропадешь! Забудь все, что она говорила, они всегда запутывают людей. Нельзя их слушать, а то с ума сойдешь. Будешь метаться и мучиться. Слышишь?

– Д-да, – я встряхнула головой, вытряхивая горошины из корзинки на землю. Вот уж правда, аррова ведьма. Я встала, оглянулась. Бабы все так же окружали нас плотным кружком, зубоскала и переговариваясь полусшепотом.

– Все, бабоньки, – через силу улыбнулась я, – расходитесь. Зрелищ не будет, я с ума сходить не собираюсь! Кошмар меня подери!

– Малла, – моя верная подруга стояла рядом, – прости меня. Я была не права. Просто все так... быстро... прости, а?

– Хорошо, – на душе было легко и спокойно. Интересной водичкой напоила меня бабка. И как она так вовремя здесь появилась? Да еще с кружкой отвара? И как она узнала, что я не из Хадоа?.. Кошмар меня подери! Я снова тряхнула головой. Вот аррова ведьма!

– Тебе надо поспать. Наваждение обычно спадает после сна. Пойдем ко мне, я тебе чай заварю. Успокоительный. Уснешь и забудешь слова ведьмы...

– Пойдем, – я зевнула. Кажется, чай Салины не понадобится, меня клонило в сон со страшной силой.

До своей кровати я добралась с закрытыми глазами и чуть ли не на четвереньках. И мгновенно заснула, едва коснувшись головой подушки. И снилась мне аррова ведьма. Она что-то шептала надо мной, ворожила и от ее рук тянулись толстые солнечные нити, окутывающие меня в сверкающий кокон. А потом появилась вторая. Уставшая, вся в пыли, словно она только что проехала много километров. И они уже вдвоем кружили вокруг меня, заматывая меня в ворох золотистых нитей так тщательно, словно хотели от кого-то спрятать. И невнятно что-то шептали, отчего я проваливалась в глубокий и черный омут сна.

Утром я проснулась необычайно свежая и отдохнувшая. Вчерашние обиды казались мелкими и незначительными. Конечно, мне не верят, они же просто еще не знают, какие у меня овощи растут на грядках. Да если вспомнить себя там, дома, то и салаты я ела неохотно, и редиска мне не особо нравилась. Если только в окрошке... окрошке... квас... Кошмар меня подери! Как же много можно сделать в этом мире!

Здесь был напиток вроде кваса из забродивших трав. И Салина им меня угощала, но мне не понравилось. Не вкусно. Сладости не хватает... вообще, отсутствие здесь сахара напрягало даже меня, хотя я никогда не любила сладкое, предпочитаю бутерброд с колбасой. Интересно, а колбасу здесь делают? Это же тоже ого-го какой объем продаж можно поднять. И еще делать колбасу можно из курицы...

И, вообще, я по своему миру помню, что курица – самое дешевое мясо. Здесь кур на мясо не растили, слишком расточительно. Поэтому в суп курица попадала только незадолго до естественной смерти. И есть это мясо было невозможно. Так что ниша окорочков была абсолютно свободна. Жаль морозильников нет. Но если мы построим огромную коптильню и будем кур и колбасу сразу же коптить, то их можно будет по всему Гвенару продавать. Доставка здесь благодаря порталам быстрая.

Да, пока мои мечты поддерживает только Глая, но ведь и Салина с Рыской много лет тайком от всех остальных варили сыр. Варили и верили, что у них все получится. А нам с Глаей

нужно всего лишь потерпеть еще неделю, пока не вылупятся цыплята.

Тогда нам поверят и остальные. А сейчас хорошо, что они помогают нам, пусть даже и сомневаясь в результате. Так что зря я вчера на Салину обиделась. Она, конечно, не права, но и я тоже не бедная овечка. Надо было просто сказать, что подождите неделю, а потом решение принимать будете.

– Малла, – Салина махала мне со своего крыльца. Вот ведь... легка на помине, – ты как себя чувствуешь? Все хорошо? Ты так быстро уснула вчера... не иначе ведьме тебе подмешала то-то...

И тут я вспомнила. Как-то совсем вылетело у меня из головы кто и как вчера меня успокоил. И свой странный сон вспомнила.

– Все хорошо, Салина, – помахала я подруге в ответ, – может быть и подмешала, спала я как младенец!

Про ведьм, укутывающих меня в кокон из солнечных нитей, я решила умолчать. Зачем говорить, если я сама не уверена было это на самом деле, или все же это был сон. Необычайно яркий, правдоподобный, но все же сон.

– Это хорошо, – зевнула подруга, прикрывая рот ладошкой, – я за тебя эту ночь у Глаи отдежурила. Так что следующая – твоя.

Через три недели после начала инкубации из двух десятков яиц у нас вылупилось одиннадцать цыплят. Это был прорыв. Инкубатор перестал быть сказкой, а стал еще одной зо-

лотой жилой.

На очередном собрании колхозники единогласно приняли решение, что цыплятам быть. Да, с ними будет гораздо сложнее, чем с коровами, ведь сразу купить пару сотен хороших кур нереально, и родительское стадо придется формировать самим, но зато через год-два мы весь Гвенар завалим дешевой курятиной.

Глава 17

С этого дня у нас в колхозе не стало яиц. Каждые три дня мы собирали все снесенные яйца в ящик и отправляли в инкубатор – дом Глаи. Слово инкубатор мне так и не далось, поэтому с моей легкой руки прижилось название избушка на курьих ножках.

А потому что не надо, лопаясь от счастья, говорить, что у тебя дом теперь как большая курица, которая сидит на гнезде. Так что Глая сама виновата. И, вообще, пусть спасибо скажет, что я ее бабой Ягой не стала называть. Хотя так и просилось на язык это имя. Но тогда бы пришлось сказки рассказывать. А я кроме колобка вот так сходу ничего вспомнить не могла.

Людей катастрофически не хватало. Трех новеньких мы отправили к животноводам. Все же коровье стадо у нас увеличилось почти в три раза.

Но сейчас, чтобы караулить температуру в избушке на курьих ножках, одна моя помощница и двое из подчиненных Рыски ушли к Глае, она у нас стала главной в птицеводстве. И если мы могли справиться меньшим количеством рук, то у Глаи при высиживании цыплят нужен был круглосуточный и ежеминутный контроль. Хорошо, что ее крошечного Дара хватало, чтобы создать лучшие условия для наших будущих цыплят.

Нану отрядили в помощь мне, а бабка Ланка пошла к Рыске. Но это не помогло. Работы стало невпроворот. Мы ухахивались так, что валились с ног от усталости. Нам срочно нужны были люди. Но вдовушки, видя, как мы работаем, но все еще ничего не зарабатываем для себя не торопились вступить в колхоз. Даже несмотря на огромное даже для целой деревни стадо из тридцати пяти коров.

Коровник мы решили строить сразу на сто голов. Потому что твердые сыры на сычужном ферменте у нас получились отличные. И их мы только-только начали продавать по полтора грота за голову, которая весила два мешочка, то есть около двух килограмм. Но для этих сыров нужна была сыроварня с котлами. Готовить дома в горшках, как Яблочный его было неудобно. Сайке помогаи все животноводы, но это было мало.

Предугадать наши доходы больше чем на месяц не брался никто. Но было ясно, что маленькими они не будут. Но за июнь, то есть Четвертый месяц, мы планировали продать сыров не меньше чем на шесть сотен грот. Здесь месяца, как и дни недели по номерам назывались. Только год начинался первого марта, а не первого января.

А еще через три недели у нас начнут вылупляться цыплята. Каждые три дня. В немыслимых для этого мира количествах. И их нужно будет держать пару дней в помещении, а потом выпускать на улицу в какой-нибудь загончик. В этом мире не было хищников, поэтому можно было не бояться,

что цыпляют кто-то перетаскает. Но чтобы они не разбежались, нужна хоть какая-нибудь загородка.

Кроме того, через недельку, с середины четвертого месяца нужно было думать о сборе урожая в моем огороде. Салаты уже отошли, но они не вызвали особо ажиотажа, потому что несмотря на необычный вкус, были вполне привычной едой. И сейчас грядки кустились переросшим салатом на семена.

Но уже наливалась под землей репа, хрустели огромные, но рыхлые кочаны июньской капусты, уже были готовы завалить нас плодами ранние сорта кабачков. Урожай у меня получился небывалый. Скорее всего это тоже проявление Дара, потому что я не помню, чтобы июньская капуста была такой неподъемной даже на вид. Кабачки, вообще пугали своими размерами. Пока только листьев и цветов. Но я немного опасалась за то, что получится.

Все растения под покровом моего Дара росли необычно крепкими, сильными и огромными. И мне было страшновато от того, что ждет нас в ближайшем будущем, когда все начнет созревать.

Здесь в Гвенаре кроме сушки других способов консервации не существовало. Нечего им по-другому консервировать. Потому цветы их равно на один раз готовятся, потом они превращаются в кисель. Мы с Салиной однажды кашу оставили на утро... ну, я настояла, очень уж жалко выкидывать было. Так на утро такая гадость получилась. Все сви-

ням скормили.

Так что я немного волновалась. Все же мариновать капусту придется без привычных специй, с цветами. Но я уже подобрала замену и перцу, и лавровому листу, закупила соль и пару горшков, чтобы было куда положить опытные образцы.

В этом году капусты немного, но если пойдет, то на следующий год можно будет мариновать в бочонках на пять горшков... ну, то есть литров на пятьдесят.

Весь день я работала, ночами думала о будущих заготовках, и для личной жизни совсем не было место в моей голове.

И вот в одно прекрасное утро я шла по дорожке в своем огороде и услышала кряхтение. Подумала было, что это бабка Ланка притащилась ко мне и сорняки полет. Мы ее уже не один раз ловили на таком. Очень уж деятельная бабушка, в каждой бочке затычка, несмотря на старость. Она еще взяла на себя миссию доносить до всех остальных вдовушек какие у нас успехи в хозяйстве. Что-то вроде агитбригады. Ходила вечером по домам и рассказывала, как хорошо в нашем колхозе жить.

Так вот... шла я себе по дорожке, слышу кряхтит кто-то. Ну, думаю, бабка, сейчас я тебя поймаю и господину Гририху сдам. Это же она мимо трудодней работает. А мы решили, что так у нас не принято будет, чтобы обид потом не было.

Крадусь я на цыпочках к капусте, с этой грядки звуки доносились, а там нет никого. А кряхтит, оказывается, капуста. Обалдеть можно. Я и не знала, что она так умеет.

Мне страшно даже стало... вдруг это другой мир повлиял, и теперь с этой капустой что-то не то?

– Салина, – крикнула я подругу, – иди сюда. Быстрее! Слышишь?

– Что слышу? – Салина присела на корточки рядом со мной...

– Кряхтит кто-то, – прошептала я.

– Кто? – тоже шепотом спросила подруга и схватила меня за руку, – пойдём ещё баб позовем... а то вдруг чужой...

– Нет, не надо никого звать, – занервничала я. Ещё не хватало, чтобы потом надо мной все соседки поетшались, – это капуста кряхтит. Вот прямо из нее, изнутри звук идет.

– Малла! – расхохоталась Салина, – я ничего не слышу. А это, наверное, твой Дар проявляется. Ты же говорила, что они, капусты твои, вот-вот поспеть должны? Вот, наверное, поспели...

Кошмар меня подери! Я же об этом не подумала даже... а может и правда. Вот эта кряхтит, аж постанывает, та едва слышно временами скрипит... О! Я вспомнила! Мне же мама говорила, что если июньскую капусту вовремя не убрать или поливать лишку, то кочан разорвать может.

Сбегала я за ножом и мы вдвоем с Салиной капусту эту говорливую срезали. Аккуратно, осторожно, чтоб кочерыжку с корешком не повредить. Мне же теперь надо семена вырастить...

Кочан огромный получился, я такие размеры раньше

только у поздней капусты видела. Июньская-то обычно мельче намного. Еле дотащили вдвоем до дома. Оставила я его, да в поле помчалась. Сейчас скажу бабам что делать, а сама вернусь. Не терпелось мне замариновать капусту-то. Это же мой реальный шанс доказать всем, что стоит мой огород трудов, которые мы в него вкладываем.

Результат превзошел ожидания. Маринованная капуста получилась невероятно вкусная. Цветочные специи добавили какую-то особую нотку в привычный вкус, превращая даже для меня обычный салат в бомбическое лакомство.

Первый горшок мы съели прямо на собрании. А это на минуточку примерно ведро. И всем стало понятно. Огород уже не просто так. Даже если не пойдет ничего, кроме капусты, все затраты труда уже оправданы.

Мои овощи, наконец-то, признали золотой жилой наравне с сыром и цыплятами. Мои огородницы воспряли духом, я так, вообще, светилась как солнце.

А у меня еще репа была на подходе... ммм... как за нами купцы бегать будут... они и сейчас покоя Салине не дают. С утра до ночи возле дома караулят... мне подруга даже призналась, что один из купцов предложение ей сделал. Да только отказала она. Не хочу, говорит, замуж за того, кому от меня только сыры нужны.

Я потом целый вечер думала, и поняла, что если бы ко мне мужчина посватался только, чтобы на овощи мои лапу наложить, я бы ему тоже от ворот поворот дала. Я со своими

овощами и сама справлюсь. А муж мне нужен такой, чтобы и меня любил-уважал, и сам из себя хоть что-то представлял. За кого попало я больше не пойду. Пусть его светлость даже не надеется.

Всю раннюю капусту мы замариновали. Было ее немного совсем, двадцать семь корней. Поспевала она неравномерно, но это было и на руку, возница, который у нас сыры на королевский стол забирал, мгновенно лапу на весь урожай наложил. И, вообще, взял с Салины обещание, что все новинки мы сначала ему показывать будем.

Репа тоже вся в королевский дворец ушла. Мы только себе немного оставили, да на семена пару десятков. Как и кабачки. Они тоже пришлись по вкусу, особенно когда я шепнула вознице рецепт закусок и оладий.

Остальные купцы, на долю которых овощей не осталось вовсе, готовы были на что угодно, чтобы заполучить себе долю будущего урожая. Хотя цена на овощи, по меркам моего мира была огромной. Капусту мы продали по пять грот за горшок. Это примерно ведро капусты за половину коровы. А репу и кабачки по три грота за короб равный десяти килограммам.

Всего за Четвертый месяц на овощах мы заработали больше двухсот грот. Плюс шестьсот с хвостиком на сыре. Когда господин Гририх на очередном собрании озвучил, что выручка нашего колхоза составила за месяц почти восемьсот грот, мы не радовались, как в прошлый раз. Мы молчали.

Слишком невероятной была эта сумма. Даже для меня.

– Что с такими деньжищами будем делать, а, бабоньки? – наш председатель довольно улыбался, теребя правую мочку. Он всегда так делал, когда волновался.

– Ферму строить, – вскинулась Рыска.

– Сыроварню надо, – подхватила Сайка.

– Птичник, – зевнула Глая, – через неделю цыплята пойдут. Нужны загончики и люди, чтоб смотреть за ними.

– И овощехранилище, – добавила я, – зимой надо где-то хранить овощи.

– А я думаю, – выступила вперед госпожа Гририх, – эти два месяца мы очень хорошо поработали. И надо нам отдохнуть бабоньки. Нас немного, всех колхозников всего-то двадцать пять человек. И я предлагаю устроить всем вместе выезд в город. На людей посмотреть, себя показать. Нам-то теперь нечего стыдиться. Мы с вами, бабоньки, теперь не просто вдовый колхоз «Светлый Путь», мы с вами продукты его величеству поставляем. К нам купцы со всего Гвенара мечтают попасть.

От такого предложения бабы взвыли. Я-то в город тоже хотела. Интересно же. И то, правда, сижу в этом поселении уже два с половиной месяца. И работаю так, как никогда в жизни не работала. Я даже на местные ярмарки не ходила. Ничего там интересного все равно нет. А так можно будет на нормальную ярмарку сходить. По лавочкам прогуляться... прикупить чего-нибудь... не такого убогого, как здесь.

Только вот, кое-что смущало меня в послании нашей Рапунцель...

– Салина, – дернула я за рукав платья-мешка подругу, восторженно вопящую вместе со всеми, – а почему нам должно было быть стыдно?

– Что?! А? Малла, – Салина сияла, как новогодняя елка, – давай, я тебе потом объясню? А? Пожалуйста! Не до этого сейчас.

– Хорошо, – согласилась я. Радости как-то поубавилось. Вот чувствую, судьба очередную подлость мне приготовила... как с платьем-мешком этим идиотским.

Ехать в город без денег не имело никакого смысла, поэтому предложение господина Гририха, выдать каждой колхознице по три грота на покупки, приняли единогласно. Три грота по местным меркам были хорошей суммой, ведь именно столько и составляло королевское пособие для вдов.

Глава 18

Поездку в город наметили на Четвертый день, то есть на послезавтра. Как раз время будет подготовиться. И решить, кто едет, а кто остается. Всем-то не получится. Надо же за избушкой нашей приглядывать, и за коровками, и сыры варить кому-то остаться.

Пришлось кидать жребий, потому что добровольно никому не хотелось на хозяйстве оставаться. «Повезло» Салине, Рыске и... мне... расстроилась я так, что чуть прямо там, на собрании не расплакалась. Это же не справедливо! А еще Оракул называется! За справедливостью он следит... три раза! Уж мы-то трое точно заслужили эту поездку. А вместо этого придется мне с яйцами весь день нянчиться. Хотя это, конечно, легче, чем сыры варить, как Салине, и уж тем более коров пасти, как Рыске.

А подружки мои вроде и не огорчились вовсе. Хотя радовались вместе со всеми, что в город поедут. Ох, и не спраста же это? Так что как после собрания вышли, я их первым делом об этом и спросила. Тем более мне Салина объяснить все грозила.

– Малла, – рассмеялась Салина. Уже стемнело. и мы неспешно шли по дорожке домой. – Конечно же, я в город хотела. Кто же не хочет в город да еще с деньгами. Там знаешь, какая ярмарка! Как три наших! Там такое можно уви-

деть...

– Да, – согласилась Рыска, и добавила, – а с другой... знаешь, неприятно, когда на тебя пальцем показывают, словами разными называют, а ты ответить не можешь...

– Как это? Но почему?!

– Мы вдовы, Малла, – Салина грустно улыбнулась и ответила таким тоном, как будто бы это все объясняет. Только мне совсем ничего не было понятно.

– Ну, и что?

– Я же рассказывала уже тебе. Считается, что за нами тьма стоит, раз наши мужья раньше нас умерли. Поэтому и в жены нас не берут. Поэтому и платья эти ужасные носить мы обязаны, чтобы мы не забывали о муже погубленном, а все остальные видели, какой грех на нас лежит. Поэтому и называют нас прямо в глаза словами нелестными.

– Не понимаю... – я даже остановилась, – А как же король? Ты говорила, он шестнадцать раз вдовец!

– Вдовец – это не вдова, – Рыска вздохнула, – если жена раньше мужа умерла, значит хорошая жена. От мужа смерть отвела.

– Что?! – слов у меня не было. Это что за домострой махровый? А где, кошмар меня подери, равенство и братство? Как же Оракул их хваленый допускает такое?!

– Так и есть, – Салина взяла меня за руку и потянула за собой, – пойдем быстрее, Малла. Есть хочется ужасно.

– Но почему?! Почему так несправедливо?! Если вдова –

значит грех на тебе, а если вдовец – то жена молодец, а муж будто бы всегда ни при чем?!

Я была так возмущена, что просто не могла сдержать эмоции.

– Малла, ты когда замуж выходила какие клятвы давала, помнишь?

– Конечно, помню! Клянусь любить в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас...

– Очень похоже. У нас мужчины тоже клянутся «беречь пока смерть не разлучит нас», – улыбнулась Салина, – а женщины говорят «беречь до самой смерти».

– Но почему Оракул допускает такое? – я никак не могла успокоиться... королю, значит, можно шестнадцать жен похоронить, и он молодец. А Салина одного похоронила, который еще и ради Гвенара голову сложил, и все? Прокаженная?

– Раз допускает, значит правильно это, – пожали плечами Рыска и Салина, – и мы ничего не можем сделать...

Но я категорически была с этим не согласна. Категорически.

Весь следующий день разговоры в поселении были про поездку. Несколько вдовушек даже пожелали срочно записаться в колхоз, чтобы получить возможность поехать в город. Даже без трех грот.

Но не зря у нас председатель господин Гририх со своим Даром. Он дамочкам быстренько объяснил политику партии.

Мол, сначала работаете, а потом в город. Пытались было вдовушки покивать на колхозниц, которые на прошлое неделе только к нам пришли, но председатель наш тоже не лыком шит. Столько лет комендантом во вдовьем поселении это вам не фунт изюма. Так что ушли нахалки не солоно хлебавши.

И тогда я поняла, что правильно это. Не надо всех без разбора в колхоз брать. А то вот такие вот хитропопые на чужом горбу в рай выезжать гораздые понабегут... Это нам повезло пока... Хотя... вот я растяпа! До меня же только-только дошло, что председатель наш с самого начала не всех в колхоз брал!

А ведь мне Салина говорила, что у нас в колхозе самые работающие вдовушки собрались. И правда, зачем нам сотня колхозниц, если работать человек семьдесят будут, а остальные баклуши бить? Так что зря я расстраивалась из-за того, что не все вдовы из поселения в наш колхоз вступили. Радоваться надо было. Это же правильно. Кто хочет работать, тот работает, кто не хочет – тот пусть на печи лежит, да на три грота в месяц живет.

А я же помню, как бабушка моя все на соседку сетовала, мол, ни одного дня не проработала, а пенсию такую же получает, как бабушка моя, которая почти полвека дояркой отработала. С войны еще... Она тогда молоденькая, шестнадцати не было, на ферму пошла коров доить.

Может еще и поэтому колхозы развалились-то... все же

много несправедливого было в наших колхозах. Хорошо, что здесь за этим Оракул следит.

Хотя странно следит, конечно... как он может позволять так относиться к женщинам потерявшим супруга? Это же как-то не правильно. Совсем не правильно. Одно дело, если бы жена мужа в могилу свела, а другое, когда он погиб на границе от рук хадоа.

Все же не верю я, что Оракул будет против, если я платье-мешок сниму. И Салина, и Рыска, и все остальные. Я своего зайку-алкоголика совсем не из-за платья помню. А потому что он, сволочь, жизнь мою испортил. Вышла бы я замуж за нормального мужика, сейчас бы дети были, глядишь не тащилась бы в самый неподходящий момент с рассадой мимо его величество и курицы белобрысой.

И Салина своего мужа погибшего не из-за платья вспоминает. Любила она его. И сейчас даже, говорит, скучает по вечерам их совместным. Так что, скорее всего, у каждой есть повод помнить бывшего. Хороший или плохой. А платье здесь вовсе не при чем.

И решила я сарафан свой дошить. Не хочу больше в ужасном платье ходить. Не могу. Сил моих нет на такое убожество.

Весь день у меня прошел за раздумьями. То так я крутила думы свои, то эдак. И все больше мне решение мое нравилось. Сошью сарафан. Надену. А там, глядишь, все как-нибудь наладиться. Обойдется. Авось пронесет, и гром не гря-

нет, и молния меня не поразит... кто же знает, как тут Оракул за проступки наказывает.

Уже спать я легла, а все никак не могла перестать о сарафане своем думать. Представляла, как бабы ахнут, когда я вся такая красивая на собрание приду. Как начнут возмущаться, сомневаться, сочувствовать дурочке бестолковой, про традиции забывшей. А я возьму у господина Гририха Оракула и вопрос задам, должна ли вдова платье-мешок носить или достаточно, чтобы она просто мужа помнила...

Я уже засыпала и только краем сознания успела заметить, как две серые тени просочились в мой дом. Тихо и осторожно, так что ни одна половица не скрипнула...

Утром ни свет ни заря помчалась в огород. Наши-то с рассветом, как стадо отгонят, в город едут, значит мне на дежурство в избушке на курьих ножках заступать надо. Дело-то ответственное. А у меня своих забот полон рот. Огурцы пошли еще на прошлой неделе. Но мало их было, а сейчас мы уже коробами собирали. Все, как водится отправляли на королевскую кухню. Вот они там обжоры... это же надо столько овощей съесть. Но нам возница шепнул, что королева новая, курица белобрысая, из-за которой я в Гвенар попала, сыроедкой оказалась. Пока наши овощи не пошли ничего толком и не ела. Все же сырые цветочки синей каши это не зерно. Их не прорастишь и сухими не пожешь. Обязательно запаривать нужно. Намучилась, наверное, выскочка бесстыжая... мне даже жаль ее немного стало. Особенно после

того, как узнала, что сыроедение благодаря ей в моду вошло. И вся аристократия сейчас нашими овощами питается.

А мы богатеем. Огурцы продавались по пять грот за короб. А за помидоры Салина грозилась все семь забрать. Правда, их пока маловато было. Пока только колхозникам доставалось.

Вообще, дела в колхозе шли в гору. Это ощущали уже все. Сыры, овощи... а скоро пойдут и цыплята... У нас уже шесть ящиков на выведение заложено было. Через несколько дней цыплята вылупляться начнут.

Первую неделю решили дома держать. Правда, Глае для этого придется временно к соседке перебраться, слишком уж ее дом на птичник будет похож.

Вот тоже интересно. Зарна, соседка та самая, в колхоз пока так и не вступила, сомневалась, хотя мы уговаривали. А Глаю принять без всяких условия согласилась.

Домики-то у нас у всех одинаковые были, так что на кухне-прихожей-гостинной, возле печки у нас ящики стояли на полках специальных, одну комнатку мы для цыплят отвели, а во второй устроили вроде бытовки. Туда-то я и принесла свой сарафан. Решила время зря не терять, и так его уже сколько потеряла. Плюнула бы на обычаи дурацкие. Давно бы в сарафане красном ходила.

Весь день у меня прошел скучнее некуда. Даже словом было не с кем перемолвиться. Обычно-то мы с подружками друг к другу на огонек в течении дня забегали. А сегодня у

всех дела ответственные: я яйца кручу-верчу, Салина сыры варит, а Рыска на пастбище со своими коровками любимыми.

Зато сарафан почти дошила. Еще пару дежурств, и можно будет надевать. И есть у меня уже идея, какой вопрос Оракулу задать, чтобы и у него согласие получить, и против традиций местных не пойти. А то так и будут все вдовы упорно носить мешки для памяти, боясь осуждения соседей. Это у нас в мире на мнение соседей внимания не обращали, главное, чтобы себе хорошо было. А здесь так нельзя. Здесь без взаимовыручки взаимной поддержки никак.

А вечером, когда стемнело наши вернулись. Довольные!

Глава 19

Мы их втроем у правления встречали. Я вспомнила как называлась контора, где председатель сидел. Бабушка всегда соседке говорила, мол, в правление пойду жаловаться, если коза твоя не прекратит по огороду нашему шастать, грядки топтать и овощи подгрызать.

Так что теперь контора господина Гририха у нас правлением называется. Как-то быстро это слово здесь прижилось. Наверное, потому что сразу всем понятно о чем речь.

– Бабоньки! – первой с повозки Сайка спрыгнула. Вот удивительная баба. Самой уже за семь десятков перевалило, хотя и выглядит она моложе, да еще толстенькая, кругленькая со всех сторон одинаковая, как мячик. Только с ручками и ножками. А шустрая, как таракан запечный, – смотрите, что я купила!

И грудь нам свою под нос тычет. А титьки-то у нее такие, что ого-го. Куда там нашим силиконовым красавицам. А на груди-то у Сайки, как на витрине, бусы лежат. Под стать прелестям ее. Каждая бусина, как яйцо перепелиное. И ярко-красные при этом, и даже блестят. Не сваровски, конечно, но таких я здесь еще не видела. И судя по ахам и охам подружек, они тоже. Только не понятно, что их удивило: размер или цвет?

– Сайка, – восторженно пищала Салина, тыкая пальцем в

бусины, – какие красивые!

– А то, – гордо выпятила грудь Сайка, двигая витрину с бусами под нос восторженным бабам, – я за них четыре грота отдала. И не жалею.

Все бабы, и те, что приехали, и те, что встречать пришли, обступили Сайку и охали, глядя на ее покупку. Я, чтобы не выделяться из коллектива, тоже. Хотя, как по мне, ничего особенного в этих бусах нет... подумаешь, стекло красное. А это явно стекло было, а не драгоценные камни какие-нибудь.

Отошла я в сторонку, смотрю, а Зарна тоже отдельно от всех стоит. И пальцем в бусы не тыкает. И, вообще, вроде как грустная совсем... печальная.

– Зарна, ты в порядке? Все хорошо?

– Да, Малла, – явно соврала мне соседка Глаи, – все хорошо.

А сама чуть не плачет. Но не стала я в душу лезть насильно. Сама такого не люблю. Захочет, расскажет потом, поделится.

Потом все остальные бабы покупками хвастались. Прямо здесь на площади. Только пришлось нам это уже при факелах делать. Нет у местных другого источника света. Хорошо хоть Сайкины бусы успели разглядеть. И не удивлюсь, что ради этого наши из города пораньше выехали, чтобы засветло успеть.

А еще поняла я, что те, кто с Даром, на занятии своем повернутые. Потому что Глая кур привезла. Всех, говорит на

торгу скупила. На все три грота. Так что теперь наша куриная стая на тридцать птиц больше стала.

Но больше всех удивила и рассмешила бабка Ланка. Она пока по рынку шаталась, нашла в помойке теленка. Кто-то выкинул, думали сдох, наверное. Он еле-еле, но живой оказался. Или возиться не захотели, выхаживать. А бабка Ланка мимо не прошла. Прихватила, что плохо лежит. И привезла с собой. Держи, говорит, Рыска, тебе подарочек.

А что Рыска? Она ж разве со своим Даром мимо беды коровьей пройдет? Схватила и помчалась домой бедолагу выхаживать. Даже бусы не посмотрела.

Тридцать новых кур, которых просто негде было размещать заставили нас поломать голову над тем, что делать. Решили, по примеру коров, просто выпустить их на пастбище. Хищников-то нет. А чтобы было где от дождя спрятаться, и насесты где поставить, построили мы им шалаши. На каждую куриную семью свой. Не очень удобно получилось, теперь, чтобы кур покормить, приходится далеко ходить, но птичник нам еще предстоит построить.

А еще через несколько дней у нас вылупились первые цыплята. Нет, самые первые, на которых мы эксперимент проводили давно уже вылупились. Им уже месяц почти был, Они уже оперились давно и наравне с курами по птичнику бегали, хотя Глая их и кормила отдельно. А сейчас мы их со старыми курами и оставили.

Работы было столько, что я даже пропустила момент, ко-

гда к нам строители приехали. А все Сайка со своими бусами! И Глая с курами! Одна сразу отвлекла, вторая два дня таскала в поля шалаша строить. Даже не до господина Гририха было.

И вспомнила я про бригаду, только когда топоры за поселением застучали. Громко и звонко. И так любопытно мне стало, кто же это к нам приехал. Ну, не видела же я строителей еще местных... вдруг там такие мужчинки ледащие, вроде моего зайки-алкоголика. Тогда хоть сердечко ныть не будет... что врать-то себе, хочется-то мне замуж. Ох, как хочется. Не за короля и герцога уже, конечно. Вряд ли они позволят мне колхозом заниматься. А целыми днями наряды примерять, да с ювелирами разговаривать, мне уже как-то скучно кажется. Ну ладно день-два-три... а потом? А как же мои грядки без меня? У меня тут такие помидоры выросли! Как деревья. И все усыпаны плодами. Мы с бабами-овощеводами из леса жердей приволокли в рост человека, и каждый куст привязали. И теперь через день подвязываем кисти помидорные, чтоб не переломило ветки. Самые нижние уже краснеют. Вот-вот коробами собирать будем.

А огурцы? Это же не огуречная грядка, а джунгли получились. Тоже пришлось подвязывать плети, иначе мы бы к огурцам не подобрались вообще. И огурцов столько, что королевская кухня не справляется. Мы даже стали их другим купцам продавать. А они и рады.

И тогда я поняла почему удача нам привали с кухней этой

королевской. Простые купцы столько не берут. У них же не сети, а у каждого своя лавочка, ну или две. А продукт новый... экзотика. Его мешочками, килограммами то бишь, не берут, а по штучке покупают. Пока покупатели распробуют. Так что закупали купцы по коробу на двоих на троих.

Баклажаны, кукуруза, подсолнухи, тыквы, лук, морковь... все перло так, что моя мама в обморок бы упала от такого шикарного огорода. Жаль не видит... нет! Нельзя об этом думать. И, вообще, я как-то не заметила, как задумавшись, тихой сапой к площадке строительной добралась. На мужиков поглазеть. И главное, не нарочно же! Это все подсознание мое, а не я!

А все же бабы во всех мирах одинаковые. Вон тоже сгрудились возле стройки, на работяг поглядывают, зубоскалят, хихикают... Даже Сайка здесь. Хотя, казалось бы бабка совсем... и бусы на ней красным сверкают.

Остальные тоже принарядились... хотя сложно в платьях-мешках убогих это сделать. Но бусы на всех висели. Не такие, как у Сайки, конечно, простые зеленые. Зато теперь понятно мне стало, почему подруга четыре грота не пожалела. Выглядела она, среди всех остальных, как королева в сопровождении свиты. Думаю, бабы-то от зависти ногти до локтей сгрызли.

Отвлеклась я на бусы Сайкины, не сразу даже на мужиков посмотрела. А как глянула... чуть не упала тут же... колени ослабли, рот открылся, и слюнки закапали. Мать моя жен-

щина! Это что же за мужчины такие?! Это же не строители, а... а.. стриптизеры с топорами! И с лопатами! Только одетые. На баб словно невзначай поглядывают, улыбаются, друг с другом шуточками перекидываются... и кудрями светлыми так машут, что у меня сердце в низ живота падает. И стучит там... с ума сводит.

– Малла, ты что? Ослепла, – возмутилась Нана. И тут только очнулась я. Оказывается, засмотрелась на мужиков-то, да совсем сознание потеряла от концентрации тестостерона в воздухе. Ноги без участия разума сами шли туда, куда я их изначально направила. Прямо в кучку бабью. Пока на Нану не наступили.

– Прости, – машинально ответила. Тут меня все остальные заметили, приняли, так сказать, в компанию.

– Малла, – первой Сайка подскочила, – видишь вон того, что бревно из телеги выгружает? Вон тот, самый могучий... лапищи-то у него, как у медведя... как схватит... да как прижмет... душу в пятки выдавит... ух, какой! Он мой. Поняла? Даже не вздумай на него засматриваться. Я уже всех предупредила, и тебя тоже. Космы всем за мужика этого повывидираю. Не посмотрю, что подруга. Тем более он смотрит только на меня, – кокетливо закончила свои грозы Сайка и улыбнулась словно ангел небесный. Будто бы не она мне только что угрожала.

– А тот, с топором, что у бревна кору срезает – мой, – тут же встряла Нана. Она-то так, как Сайка угрожать не могла,

поэтому и прицепилась к подруге, чтобы если что...

– Тот что яму копает ту, дальнюю – мой. У него веснушки на лице... такие милые...

– А у того, что рядом стоит ямочка на подбородке...

Оказалось, бабы-то всех мужиков уже разобрали. Поздно я очухалась. Да и что говорить. В бригаде всего семь человек, а вдов у нас в поселении сотня.

Сначала пожалела я, что в огороде столько времени провела. Надо было сразу с рассветом бежать, да мужика себе занимать. Вот я растяпа! Вечно не везет мне с противоположным полом!

Сейчас бабы будут с мужиками миловаться, а в стороне стоять? Ну уж нет! Срочно сарафан дошить и тогда хоть один да мой будет!

Рванула я домой. А что просто так смотреть-то? Действовать надо! Если за мужика биться придется, то я к такому готова. Я за Орландо своего скольким дурам морду расцарапала в свое время. А уж за таких молодцев... что же... захотели бабы войну? Будет им война.

Примчалась я домой, сарафан недошитый достала, да за иголку. Про все на свете забыла.

Шью, сама в голове ситуации разные прокручиваю. Представляю, как все строители за мной ухаживать будут, а я вся такая красивая да нарядная... Сайка со своими бусами сразу потеряется рядом с моим красным сарафаном. А я буду выбирать кто мне больше нравится... или этот, с руками, как

у медведя... или тот, с веснушками... а может с ямочкой на подбородке... вот бабы взвоют с досады! В подушку рыдать будут ночами, жизнь свою несчастную оплакивая!

Тут я даже иголку отложила. Кошмар меня подери?! Да что же это получается-то? Как только мужики на горизонте появились, так сразу все бабы про работу, про колхоз, про дружбу забыли? И воевать между собой собрались? И ведь будут. Уж в жизни не поверю, что остальные бабы просто так мужиков друг другу уступят...

Вон Сайка, вместо того, чтобы сыры варить, глазки бугаю с медвежьими лапами строит.

И значит все?! Конец всем планам и мечтам? Нет уж! Не согласна я! Не нужны мне мужики! Я колхоз выбираю! И за него биться буду со всеми.

Бросила я сарафан, да к господину Гририху побежала. А кто еще союзником моим может стать, как не он, да Вилина? Им-то точно мужики без надобности.

Прибежала в правление, да не постучавшись в кабинет влетела и, не сдерживая праведного возмущения, закричала с порога:

– Господин Гририх, гнать надо этих строителей! Они там не коровник строят, а глазки бабам!

– Малла, что случилось? – встал из-за стола господин Гририх.

А рядом с ним... держите меня, бабоньки... мечта моя сидит. Темненький... здесь темненьких-то мало совсем, все

белобрысые. Глаза черные. Руки, как у медведя. Веснушки на носу. И ямочка на подбородке.

Глава 20

Я за косяк схватила, чтоб не вышибло меня из конторы силой обаяния его. Глаза вылупила, стою, слова не могу сказать.

И тут мужчина моей мечты криво и как-то презрительно улыбнулся. И меня всю с ног до головы так нарочито внимательно осмотрел, что сразу вспомнила я, что плате-мешок на мне убогий, что на фартуке пятнышко от цветочка синего, и руки у меня от работы на земле огрубели. И, вообще, от красоты моей былой ничего не осталось. И я вся настолько неидеальная, что мне рядом с этим совершенством места нет.

У меня даже глаза зашипало от обиды. Что за мир такой? То его величество, то его светлость, то теперь этот простой строитель, все от меня носы воротят. И, вообще, посмотрела бы я, как этот мачистый мачо в нашем мире выживал бы. Один одинешенек. Брошенный на произвол судьбы. С одной сотней тысяч рублей в кармане. С квартирой подаренной, и имуществом всем необходимым... Кошмар меня подери! Да его бы в первый же день какая-нибудь соседка приголубила! И почему нет справедливости на свете?

И такая злость меня взяла, что слезы мгновенно пропали. Я глаза прищурила, да в ответ негодяя этого так же пристально обсмотрела. Особенно в паху задержалась. А что? Здесь

вам не там, тут на такое ни одна баба не решится. А я современным миром испорченная, мне не стыдно. И еще бровки приподняла и презрительно фыркнула, вроде как не понравилось, то что я увидела. Хотя соврала.. Ох, как соврала...

Хмыкнул мужчина, будто ему все равно, а видела я, порозовели скулы-то у него... слегка, но все же. Неприятно значит, когда на самого так смотрят. А вот пусть побудет на месте женщин, которых он своим презрением унижает.

– Господин Гририх, – прошла я к столу, – у нас проблема со строителями. Они своим присутствием на территории поселения создают помехи производственному процессу в колхозе. Вместо того, чтоб строить ферму, красуются перед нашими вдовами, как петухи в брачный период и отвлекают их от работы.

Сама не знаю, что на меня нашло. С чего я заговорила, как начальница моя в библиотеке? Важная такая дама. С образованием. Вроде бы кандидат каких-то там наук. Она даже с подругой сплетничала, словно лекцию читала. Я иногда не понимала, о чем она говорит, слишком заумными словами она разговаривала.

– Ты бы за своими курицами лучше смотрела, – зашипел негодяй, которого никто не спрашивал, – проходу моим ребятам не дают с самого утра.

– Малла, – господин Гририх с трудом сдерживал смех, – познакомься, это...

– Господин Орбрэн, – перебил его этот грубиян. Да разве

ж так можно? И еще господин! То же мне аристократ. Фу!

– Господни Орбрэн, – я подошла ближе и заглянула ему в глаза. Если бы не злость, то наверное, запищала бы от восторга, потому что зрачки у него были густого темно-фиолетового цвета. – Если вас не устраивают наши условия работы, то мы можем тот же час с вами попрощаться. В противном случае, позаботьтесь, чтобы ваши рабочие не смели приближаться к нашим вдовам. И держали своих жеребцов в конюшне. Или я сама лично отведу обоих к Оракулу. И как вы понимаете, любая вдова будет этому только рада.

Этот господин Орбрэн, даже сидя на стуле, был почти вровень со мной, так что мне даже нагибаться не пришлось. Высказала я все негодяю, а потом на господина Гририха взгляд перевела:

– Господин Гририх, внесите, пожалуйста, этот пункт в договор.

А потом развернулась и пошла к выходу. Как железная леди. Гордая, с прямой спиной и с высоко поднятой головой.

– Хорошо, госпожа Малла, – снова подал голос этот господни Орбрэн, – нас устраивают все ваши условия.

Я уже у самой двери была. Остановилась, медленно голову повернула и кивнула царственно так... в каком-то фильме такой жест видела. И где-то в моем подсознании эта картинка болталась, пока не всплыла в нужный момент.

А потом так же, как королевшица какая-то, из кабинета вышла. Дверь закрыла... и тут как навалилось на меня все!

Сердце заколотилось, того гляди из горла выскочит, колени ослабли, а кол, который я в кабинете проглотила, из будто бы из меня разом вытянули. Кое-как на крылечко выползла, до скамейки доковыляла и рухнула.

А скамейка-то аккурат под окошком. И голос господина Гририха оттуда доносится:

– Его сиятельство привез... Малла Вильдо из Хадоа... да, со своего ведомства...

Ох, мамочки мои! Это что же они про меня говорят?! Вот стыдоба-то! И что я себя в кабинете вела так странно?

Вскочила я со скамейки и бежать. А то вдруг выглянут, да увидят, как я тут амебой валяюсь на солнышке. Сразу поймет этот господин Орбрэн, что подслушивала.

Да и про сыры я вспомнила. Если все бабы перед мужиками красуются, то кто же сыры варить будет? А вечером из королевской кухни приедут. И остальные купцы тоже.

Прибежала к Рыске, где у нас временно сыроварня размещалась, и с Салиной на крыльце столкнулась. Она, оказывается, тоже сходилла на красавцев посмотреть, да, увидев Сайку, поняла, что потеряем покупателей-то.

Так что мы вдвоем за сыры взялись. Заодно мужиков обсудили, да на вдовушек-подружек посетовали. Только не рассказала я Салине, как к господину Гририху наведальась. И про то, что там в кабинете его случилось тоже. Не знаю почему... вроде как-то к слову не пришлось...

Закончили с сырами, и пошли по остальным участкам. А

то вдруг у нас цыплята голодные, и еще вот-вот следующая партия вылупиться должна. Тоже надо проверить.

Но цыплят Гая не бросила, так и крутилась одна весь день. И курей покормила, и цыплят, и за избушкой своей на курьих ножках присматривала. Помогли мы ей немного... заодно мужиков обсудили, да на вдовушек-подружек посетовали...

Потом решили Рыску проверить. Она-то ведь тоже не возле стройки толкается, а скорее всего с коровками своими на пастбище. Так и оказалось. Коров у нас уже сорок голов было, и время вечерней дойки приближалось. Пришлось мне бежать обратно в избушку на курьих ножках Глаю сменить. Я же так доить и не научилась. Эх, вот растяпа же! Такую возможность мужиков обсудить упустила...

И только когда яйца крутила вспомнила, что так и не поделилась с подружками знакомством своим с господином Орбренем. И решила, что к лучшему это. Слишком уж странно все было.

А вечером мы втроем рейд по колхозницам устроили. Ходили по домам, да к совести взывали. Хотели было господина Гририха взять, да все восемь строителей к ним на постой пошли. Никому не захотелось жениться на вдовушках наших. А может и женаты уже были. Тут с походами налево, оказывается, тоже не все так легко и просто, как у нас... Оракул бдит. Есть, правда, способы, это Салина опять намекнула... надо как-нибудь ее к стенке прижать и выпытать. Что

за способы? А то вдруг пригодиться? Нет, не налево, конечно, сходить, я сейчас женщина свободна, а для чего-нибудь более интересного.

Обошли мы почти половину колхозниц. К сознательности их воззвали. Убедили, что выходить на работу надо. Иначе мужики так и уедут. А если будут у колхоза деньги, то потом им еще придется сыроварню строить, птичник... а там глядишь еще что-нибудь придумаем. Так что в наших интересах работу не запускать и возле стройки целыми днями не ошиваться. Тем более, вроде как по секрету, рассказала я, что по договору запрещено им с вдовами шашни крутить. Сказала, что подслушала случайно. А про угрозу свою промолчала. А то бы мы завтра ни одной вдовы на работе не увидели. И, вообще, я в таком случае о бедных строителях беспокоиться бы начала.

Только многих вдов дома не оказалось. Я-то, наивная душа, думала они по каким-то важным делам отправились. Ан нет... Дошли мы до Сайки, и там всех наших пропавших колхозниц и нашли. За столом.

– Салина, Малла, Рыска, – пьяная Сайка подскочила из-за стола, приветствуя нас, – проходите! Ну-ка, бабоньки, подвиньтесь. Подруженькам моим место освободите! И Витка, плесни-ка девчонкам по стаканчику...

– Сайка, ты что творишь?! – возмутилась Салина, – сыры не сварила, что мы сегодня ночью покупателям отдадим, а?

– Сыры?! – расхохоталась Сайка, – да к Арру эти сыры!

Ты знаешь, что господин Гририх сделал?! Он со строителями уговор подписал, что не будут они с нами любезничать! Понимаешь?! Все! А мне мой-то уже шепнул, что придет сегодня... а потом, говорит, не могу, мол, главный запретил. Ты понимаешь? Не видать мне ласки мужской... не обхватит он меня лапищами своими... не сожмет так, чтоб в груди жарко стало... а почему? Да потому что председатель наш не позволил! Да, на кой ляд, мне колхоз-то этот нужен, если жизнь мою личную напрочь перечеркнул?! Разве ж много я хочу, а Салина? Капелька любви мужской... Много?!

И Сайка рухнула на скамейку, столкнув пустой бочонок для воды и разрыдалась. Горько, как только пьяные умеют.

– Пошли, Малла, – Салина схватила меня за руку и вытащила из дома. За нами молча шла мрачная Рыска, волоча за собой пьяную и без остановки хихикающую Нану.

– Салина, Рыска, а как же остальные? Они же на работу и завтра не выйдут, – попыталась я вернуться в дом и прекратить пьянку. Уж что-что, а алкоголиков разгонять я умею.

– Пусть пьют, – ответила Рыска, – пусть...

– Но...

– Салина, а ты знаешь, как Сайка овдовела? – Я помотала головой из стороны в сторону. Никогда не задавалась этим вопросом. – Она тоже из Хадоа, с приграничья. Семья ее жениха на Гвенар работала. Она и не знала ничего. Прямо во время свадьбы их забрали. Сайку оставили только потому, что не успела она запись в книге заверить по вашему обычаю.

И не быть бы ей вдовой, да пробралась она ночью к старосте тайком и подписалась, потому что верила, что так смерть от любимого отведет. Но жениха ее... – Салина замолчала, а потом продолжила, – а она жива осталась, потому что успели ее в Гвенар вывезти. Ее саму да сестру. А остальных не успели...

– Ни одного дня Сайка с любимым не была. И уже больше полувека вдовствует, – мрачно добавила Рыска, – так что... не нам ее судить. Даже Нанка, хоть один годочек, но с Валисом своим счастлива была.

Нана закивала и всхлипнула. И у Салины, и у Рыски слезы на глазах стояли. И даже я носом шмыгнула своего зайку-алкоголика вспоминая. И скучаю ведь. Очень. Мы же тогда, как раз перед попаданием моим сюда, в последний раз вместе были. Мириться мой Орlando приходил. И я почти простила его. Любила же... и люблю, наверное, до сих пор... и он любит меня. Я это точно знаю. Любит. Если бы не водка, жили бы мы с ним душа в душу. Все она, злыдня проклятая, разлучница бесстыжая, змея подколодная семью мою разрушила. Вдовой меня при живом муже сделала.

И так больно мне стало от воспоминаний, что слезы сами по щекам потекли. Жгучие, горькие. Как любовь моя из прошлой жизни.

Разошлись мы по домам. Как-то не до разговоров нам стало. Каждой хотелось в постель лечь, да наплакаться вволю, о судьбе своей горькой посетовать. А я на дежурство засту-

пила на половину ночи в избушке на курьих ножках. Ох, и тяжелые это часы были. Сколько дум я передумала, сколько счастливых и не очень моментов вспомнила из нашей с Орландо семейной жизни. И поняла тогда я маму. Надо было мне ребенка родить. Все же дитя от любимого мужчины это не для того, чтобы семью скрепить и мужика возле юбки удержать. Это для самой женщины счастье и отрада в жизни ее нерадостной.

Но с другой стороны... хорошо, что нет у нас никого. Умерла бы я с горя, если бы ребеночка своего там, в том мире оставила. Я только представила на секунду, что кровиночку мою могла бы никогда не увидеть, так разрыдалась, что еле успокоилась.

А когда Салина меня сменила, и я домой пришла, снова приснились ведьмы арровы, которые в кокон из нитей золотых меня укутывали.

И опять все так ярко и реалистично было, что я даже руку протянула и дотронулась до этих нитей золотистых.

– Не трогай, – рассмеялась ведьма. Та самая, что тогда отпаивала меня отваром странным. – они защитят вас. И от Хадоа, и от его величества спрячут.

Глава 21

Несколько дней все поселение вдовье в уныние погрузилось. На работу-то бабы вышли, да как-то все без огонька. Без энтузиазма. Срочно нужно было предпринять хоть что-то. Виновата ведь. Не нужно было выпендриваться в правлении у господина Гририха. Умную из себя корчить. Председатель наш лучше меня все знает, а я, дура, выперлась. Теперь думай, давай, как исправить все.

Думала, я думала, но ничего придумать не могла. А чтобы руки без дела не оставались, пока голова работала, сарафан шила. Там немного оставалось. Так что к концу недели дошила я обнову. И когда на себя надела, да кружилась по дому, любуясь как подол колокольчиком вокруг меня разлетается, поняла. Что же лучше всего поднимет бабам настроение? Конечно же новый наряд! Да если у меня получится, то у всех колхозниц праздник будет. А вдовы валом пойдут в колхоз записываться.

На следующее утро надела я обновки свои да в люди вышла. Рано-рано, когда все бабы как раз во дворах хлопочут: кто скотину кормит, кто на работу в колхоз собирается, кто в огороде копошится, пока жарко не стало.

И пошла себе тихонько к правлению. Только не прямо, а так, чтобы все поселение вокруг обойти, чтобы как можно больше вдовушек наших меня в одеждах неприличных уви-

дели. Все люди, во всех мирах падки на такое зрелище.

Иду, сердце колотиться, ноги от страха подкашиваются, а я улыбаюсь, бабам рукой машу, доброго утра желаю. А самой страшно так, как никогда в жизни не было. Ведь если не получится, то навек репутация моя пострадает. Того гляди в арровы ведьмы запишут за то, что сбиваю людей с пути истинного. Запутываю.

– Малла, – Салина первая увидела, руки к щекам прижала, – Малла... ты зачем? Не простят же тебе!

– Я рискну, Салина, – улыбнулась я во все тридцать два зуба, будто бы уверена в себе на все миллион процентов. А сама еле сдержалась, чтобы зубами друг об дружку не застучать.

– Я с тобой, – подскочила ко мне подруга, взяла за руку и рядом зашагала.

И вот уже вдвоем улыбались мы и махали соседкам нашим, от удивления про все свои дела позабывшим.

А потом и Рыска к нам присоединилась. Идем мы втроем. И чувствуя я, что не только мне страшно, и у Салины, и у Рыски руки подрагивают. И так мне светло стало. Вот что значит настоящая дружба. Когда ты ради другого и в огонь готов шагнуть, и море переплыть, и даже медные трубы одолеть.

Пока дошли мы до правления, за нами уже все поселение собралось. Толпились в отдалении, шушукались, шептались... Вот такое будущее нас троих ждет, если ошиблась я.

Если просчиталась.

– Салина, Рыска, если у меня не...

– У тебя все получится, – перебила меня Рыска, – мы в тебя верим Малла. Куда ты, туда и мы с Салиной. До конца. Как сестры.

– До конца, – подхватила подруга, – как сестры.

– До конца, как сестры, – тихо прошептала я...

И вдруг кольца у нас у всех слегка зеленым полыхнули. Вроде как Оракул принял нашу клятву... но как? Мы ж до загогулины этой не дотрагивались. Надо будет потом подружек расспросить. Они-то поняли, что к чему, переглянулись и заулыбались, будто бы случилось что-то хорошее. У них даже руки дрожать перестали. А я все еще тряслась, только сейчас Салина с Рыской меня за руки крепко держали. И знала я, что все преодолею, все смогу, потому что они всегда рядом со мной будут.

У правления нас уже господин Гририх ждал. С загогулиной в круге. И строители приезжие кучкой стояли, на работу не шли, тоже ждали чего. И купцы, которые торговать к нам приехали. Как-то забыла я, что Первый день сегодня. Ярмарка.

Отпустила я руки подруг моих и шагнула вперед. Взяла загогулину в руки, к бабам на площади замершим повернулась.

А над площадью солнце раннее светит. Оракул как раз в самой силе. Ни соврать, ни душой покривить не получится.

Какая есть ты на самом деле, такая и перед всеми людьми и предстанешь. И тишина вокруг. Кажется, даже птицы в небе замерли, ветер затих и даже кузнечики стрекотать перестали... только ветерок неугомонный по площади летает и под сарафан мне заглядывает.

– Я, Малла Вильдо из Хадоа, – начала я, немного хрипло. Перехватило горло от страха, – вдова, живущая в этом поселении. И я спрашиваю у тебя, Оракул, могут ли вдовы-колхозницы носить особый наряд, примерно как на мне, чтобы все люди видели, труженица она настоящая, и среди людей уважения и почитания за заслуги свои достойная?

Сначала тихо я говорила, а потом сила в моем голосе появилась. И последние слова звонко-звонко над площадью прозвучали. Все их услышали, и замерли в ожидании вердикта Оракула.

А я глаза прикрыла и силой к нему потянулась. А у самой дыхание сперло. Вдруг не вспыхнет загогулина эта в руках моих.

И вся площадь со мной вместе замерла: бабы, затаив дыхание, ждали, господин Гририх с супругой, не отрывая глаз на Оракула смотрели, купцы и строители улыбаться и переговариваться перестали... и господин Орбрэн от меня глаз не отводил фиолетовых. И так напряжен был, будто бы от этого и его судьба зависела.

А загогулина молчала. Я уже чувствовала, как подбирается паника, руки задрожали, а на глазах появились слезы... и

вдруг вспыхнула загогулина ярким зеленым светом, и в руках моих раскалилась чуть не докрасна. Резко и быстро. И остыла тут же. Я с трудом ее удержала и не отбросила. Почему-то знала, что нельзя.

Еще секунду на площади было тихо. А потом... как-то разом восторженно закричали, заголосили бабы, засвистели строители и купцы, разрыдалась Вилина на мужа своим повиснув... а ко мне кинулась Салина и Рыска, крича от восторга. Они обнимали меня, тормозили и кричали что-то. И я улыбалась им, все так же держа в руках остывший круг с загогулиной Оракула в центре. Не могла разжать руки. От жара прилипла моя кожа к металлу. Кажется, ожоги у меня серьезные. Особо больно пока не было, шок, наверное.

А бабы словно с ума сошли. Хватали меня, из стороны в сторону тянули. А сами то смеются, то рыдают... апокалипсис какой-то. У меня даже голова закружилась и поэтому, когда очередной рывок меня из толпы бабской, как редиску из грядки, выдернул, не сразу поняла, что это злющий господин Орбрэн.

– Ты что творишь, – зашипел он и в Оракула вцепился. И сверкает на меня зло глазами своими черно-фиолетовыми. И тащит круг этот проклятый к себе. Я бы, может быть, и отдала бы ему, да не могла пальцы разогнуть. Прилипла же. И больно уже стало... Как бы кожу не отдать вместе с Оракулом.

– Дура, – выругался господин Орбрэн, понял, что не могу

я отпустит круг этот с загогулиной.

И начал мне с силой пальцы по одному разгибать, с мясом отрывая от Оракула. Если бы кто другой был, а не этот негодяй, я бы заорала и разрыдалась бы что есть мочи, а тут губу прикусила и молчу. А кровяца хлещет, слезы сами льются, больно так, как никогда в жизни не было. А на круге железном ошметки кожи моей остаются висеть. Как я в обморок не упала не знаю.

А негодяй этот отдирает меня от Оракула и себе под нос бормочет что-то. Ругается, наверное. Грубый мужлан! Как он не понимает, что красивое платье для любой женщины это так же важно, как... ну... как я не знаю что! Как же больно... Жжет ладони, словно я в кипятке их держу. И крови столько... Кошмар меня подери! Я сейчас схохну...

Наконец вытащил он из моих рук круг с загогулиной и господину Гририху в руки сунул. А с моих ладоней кровь ручьем течет. Испугалась я, что сарафан новый заляпаю, вытянула я руки подальше, чтоб капли на одежду не попали. А у самой голова кружится и тошнота к горлу подкатывает. И сердце, кажется, прямо в ладонях моих окровавленных стучит. И больно так, что не вижу и не понимаю я ничего.

А господин Орбрэн, подхватил меня, на плечо себе закинул как муки мешок, и потащил куда-то. Там, у него на плече я, вытянув руки подальше от сарафана своего, сознание и потеряла. Помню только, как мышцы его под животом перекатывались, а перед глазами задница мелькала.

Очнулась я уже у себя дома. На постели. Первым делом руки из-под одеяла вытащила. Хотелось посмотреть в каком они состоянии. Все же ожоги, кровь... они теперь заживать будут несколько недель. А как же я работать буду?

Но мои ладошки были абсолютно здоровы. Ни ежиного пятнышка ожогов, ни даже крошечной ранки. Но я же точно помню, как с рук капала кровь! И как было больно. А сейчас с никак не могла понять, привиделось мне это или было на самом деле... Хотя... я еще раз внимательно осмотрела кожу. Она была вся такая гладкая и мягкая, как будто бы его сиятельство только что привез меня поселение. Ни одной мозольки не осталось. А ведь за эти месяцы тяжелого труда, кожа на ладонях огрубела и покрылась твердыми корочками мозолей. А сейчас... словно я только вчера на маникюр ходила. Как такое может быть?

– Пришла в себя? – в спальню вошла аррова ведьма, – ну, и хорошо. На, выпей, – протянула она мне глиняную кружку.

– Нет, не надо, – я невольно попятилась назад прямо лежа на кровати, – я не хочу!

Ага. Вдруг она меня снова усыпит? А потом мне снова приснится странный сон.

– Не бойся, – забулькала, смеясь, ведьма, – это всего лишь молоко...

И снова протянула мне кружку. И, там было молоко. Холодное, только-только из подпола. И вкусное. Сладкое даже.

– С травками, – снова булькнула бабка, пустую кружку

у меня забирая. Вот... же... аррова ведьма! – а теперь спи. Отдохнуть вам надо. После такого-то... а мы поработаем, – улыбнулась она, и подмигнула. Но я уже засыпала и последних ее слов почти не услышала.

И снова кружили ведьмы надо мной в золотые нити укутывая. Только в этот раз их три было. Две уже знакомые, а третья новенькая. Молодая совсем. Едва ли старше Нанки нашей. Но нити у нее толще были и плотнее будто бы...

Сон в этот раз долгий был. А в конце привиделся мне господин Орнбрэн. Вроде бы вошел он ко мне в спальню, посмотрел на меня в нити золотые по уши закутанную и спросил:

– Значит это она?

– Она, Орбрэн, – улыбнулась устало бабка, – но ты будешь молчать. Рано еще.

– Рано, – согласился, коротко кивнув, господин Орнбрэн и вышел из комнаты.

Глава 22

А утром меня разбудила Салина. В сарафане. В голубом сарафане под цвет ее глаз.

– Малла, вставай! Хватит валяться!

– Салина? – от удивления я просто подскочила, отметив, что сама так и спала в белой рубаше с рукавами фонариками, – но как?! Я что так долго болела?

– Как-как, – захохотала подруга, – у Вилины Дар подходящий, только забросила она все, как вдовой стала. Малла, тут вчера после твоего выступления столько всего случилось! Слушай.

Она запрыгнула ко мне на постель, уселась в ногах, и расправив подол, чтобы не смялся, любовно огладила ладонью.

– Ты прости, мы вчера так ликовали сразу после, на площади, что даже внимания не обратили, что ты руки себе сожгла. Хорошо, что этот господин Орбрэн с Даром. Он тебя-то и унес домой. А тут лечил ладони твои. Весь выложил-ся, его аррова ведьма даже отпаивала отварами своими от истощения. До сих пор еще не встал. Спит у тебя в горнице на лавочке.

– Что?! – перебила я Салину, – этот негодяй у меня в доме ночевал?! Но... но...

– Ну, да, – удивленно ответила Салина, – Малла, ему же плохо было. Не выгонять же его было. Аррова ведьма, ко-

нечно, не образец благодетели, но и она не такая жестокая. И потом, почему негодяй? Он тебя вылечил же. Я руки твои не видела, прости, Малла, голову совсем от радости потеряла, но дорожка кровавая до самого твоего дома вела. Я когда заметила, что нет тебя, по ней до дома твоего и бежала.

– Но, Салина, – возмущенно и обиженно запыхтела я, – как ты могла оставить меня одну с этим... мужчиной! А если бы он... ну... приставал бы ко мне?

– Малла, но ты же спала...

– Вот именно! – взвизгнула я, запоздало испугавшись. Ночевать с посторонним мужчиной в одном доме... да еще таким... опасным... О! Кошмар меня подери! – Он же мог воспользоваться ситуацией!

– Какой? – Салина откровенно удивленно смотрела на меня, совершенно не понимая о чем я говорю, – и как? Малла, я не понимаю, – добавила она жалобно.

– Да как ты не понимаешь, – возмутилась я, – а если бы этот негодяй меня изнасиловал?!

– Что?! – в дверях стоял злющий-презлющий господин Орбрэн, – да как ты посмела на меня так подумать?! Ты!.. Ты!... вдова, – таким тоном произнес он, что я явно услышала там другое слово, – без роду и племени!

– А что я должна была подумать? – взвилась я. Не терплю, когда на меня так орут, – Вы принесли меня, раздели, в постель уложили? И все по доброте душевной?! И скажите не любовались на прелести мои девичьи? Руками, а может еще

кое-чем, меня не трогали?!

– Дура! – выругался господин Орбрэн и, пыхтя как паровоз, сжав кулаки, выскочил из моей спальни.

– Малла, – Салина пораженно молчавшая все это время, наконец, подала голос, – зачем ты так? Он же тебе помог. А ты так его оскорбила! Это неправильно.

– Салина, как ты могла оставить меня с ним? Одну? А если бы он и, правда...

Я замолчала. Подруга хмуро смотрела на меня, уперев руки в бока.

– Малла, ты сейчас же встанешь, оденешься и пойдешь просить прощения у господина Орбрэна.

– Вот еще, – снова взвилась я. Когда мне указывают, что делать, я не люблю почти так же, как когда кричат, – никуда я не пойду. И не надо мне указывать. И потом, с чего ты взяла, что я не права? Может он тут полночи на мое тело любовался!

– Ты говоришь глупость! Господин Орбрэн помог тебе, а ты обвинила его в непристойности! Так что пойдешь, как миленькая. Попросишь прощения и поблагодаришь за то, что он не заставил тебя повторить эти глупые обвинения перед Оракулом! Ты хотя бы знаешь, что тебе грозит за поклеп?

– А может быть он поэтому и не пошел к Оракулу, что мои слова – правда? – пробурчала я, вставая с постели. Если честно, понимала я, что напраслину на мужчину возвожу, и сама не знаю, что на меня нашло. Но вот признаваться в

своей ошибке, почему-то не хотелось.

– Если твои слова правда, – спокойно проговорила Салина, – то его ждет смерть. А если нет – то смерть ждет тебя.

– Что?! Но... Салина, – перетрусилась я, чувствуя, как кровь отлила от лица, а внутренности связало в узел..

– И именно поэтому, ты сейчас встанешь, пойдешь к господину Орбрену и будешь благодарить его за помощь и просить прощения за свои слова. Ты поняла?

– Поняла, – буркнула я, раскладывая сарафан. Не дура, лучше уж поунижаться и прощения попросить, чем умереть из-за своего языка. Но все же не могла не добавить сварливо, – и что ты, вообще, тут раскомандовалась.

– Потому что ты моя младшая сестра, – все так же строго ответила Салина, – и я за тебя отвечаю.

– Сестра?! – этим словам я удивилась, пожалуй, даже больше.

– Сестра, – заулыбалась, наконец, Салина, – мы же вчера клятву принесли. Так что мы теперь все трое – сестры. Рыска, я и ты. Рыска старшая, а ты младшая.

– Погоди, – я просунула голову в горловину, – как это клятву? А когда?

– Малла, ты что забыла? Вчера утром, когда ты к площади шла. Мы все трое поклялись быть вместе до конца, как сестры. И Оракул принял нашу клятву.

Точно! Было такое! Я сразу вспомнила зеленоватый ответ от колец. И ведь думала, что неспроста это. Но вот что

теперь у меня есть сестра... даже две... это так... так.. трогательно и прекрасно. Я всегда мечтала, чтобы у меня были сестры. Тем более такие, как Салина и Рыска...

– Салина, – шмыгнула я носом, – я так рада...

– Я тоже, – улыбнулась сестра, а потом сдвинула брови, – оделась? Иди проси прощения у господина Орбрена.

– Да иду уже, – проворчала я, тяжело вздохнув, – иду... чтоб ему пусто было...

– Он возле коровника, – Салина выглянула в окно, – туда и иди.

– А может сначала позавтракаем? И ты мне расскажешь про сарафан? А уже все вдовы переоделись, а? А почему, если так породниться-то легко, все между собой до сих пор не родственники? И почему все же вы меня одну оставили, раз сестры?

– Малла, – Салина даже шаг назад сделала, – хватит юлить, ты же не аррова ведьма. Поэтому меньше путанных вопросов. Иди поговори с господином Орбреном, а потом будет тебе и завтрак, и история про сарафаны, и все остальное.

– А может вечером? – взвыла я, – что я там при всех буду у него прощения просить, а?

– Зачем при всех? Ты тихо попроси. Не обязательно же орать на всю улицу...

Запыхтела я недовольно и пошла прощения просить у негодя очередного. Нет, но вот что за невезение, а? Поче-

му другим бабам мужики нормальные попадают, а мне все время какие-то уроды. То Орландо, мой зайка-алкоголик, то его величество, которому нужна была, оказывается, вовсе и не я, то его светлость, который нарядил меня во вдовый наряд и сплавил в самое дальнее поселение, то этот господин Орбрэн... ну вот зачем он сегодня утром ко мне в спальню зашел? Ушел бы себе тихонько. Я бы побесилась, да успокоилась. А сейчас надо у него прощения просить.

А я терпеть не могу делать это. И если бы не угроза от Оракула этого проклятого, то ни за что бы меня Салина не заставила на поклон идти. Ни за что.

Иду я ферме будущей, а на улице солнце встает. Ветерок легкий дует. И до чего не хочется к негодяю этому идти. Если бы не Дар Салины, отсиделась бы в кустах, да соврала, что все сделала... Нет, ну вот что за пакость этот Оракул? Как жить-то в мире, где соврать не получается, неискренним быть не получается... и, вообще, правильные все такие... аж до тошноты.

От дома моего до стройки близко. И хотя шла я, через силу ноги в нужном направлении переставляя, но дошла быстро. Остановилась в отдалении, в метрах в ста

– Господин Орбрэн, – крикнула тихо. Может быть он увидит меня и подойдет? Он меня увидел. Но не подошел. Негодяй. Вот что за мужики пошли? К нему девушка пришла прощения просить, а он не подходит даже.

Вздыхнула я, ближе чуть-чуть ближе продвинулась. При-

мерно там, где несколько дней назад бабы кучковались.

– Господин Орнбрэн, – позвала снова. И запыхтела от возмущения. Нет... ну что же это такое? Снова посмотрел на меня, как на пустое место и снова со своими работягами разговаривает. А те на меня поглядывают, хихикают. Знают, наверное, зачем я сюда пришла. Растрепал, поди, их начальник, что я ему наговорила... Ну почему я не промолчала, а? Ну вот что мне стоило немного побыть благоразумной.

Что делать, еще ближе подошла я к стройке, и снова крикнула вполголоса... а еще дворянин! Аристократ! Кошмар меня подери! Разве же можно так женщину игнорировать?

– Господин Орбрэн! – я уже снова начинала злиться, и решила, что если он на меня внимания не обращает, то и мне незачем с ним любезничать. Скажу, что должна, чтоб совесть моя чиста была, а там будь что будет. Если он сразу на меня не пожаловался, значит и потом не пойдет. – Простите за то, что я вам наговорила, я не хотела вас оскорбить. И спасибо, что не пошли жаловаться.

Проговорила я это все, в спину грубияну этому и развернулась, чтобы уйти.

– Госпожа Малла, – раздалось сзади громко. Я остановилась. – Я принимаю ваши извинения.

Тьфу! Пропастина. Не мог тише сказать? Все работяги сразу работу побросали, да на нас уставились. А я готова была сквозь землю от стыда провалиться. Захотелось закрыть лицо ладонями и сбежать. Но вместо этого я снова, как тогда

в кабинете у господина Гририха, не поворачиваясь кивнула, и медленно пошла в сторону дома.

А строители стояли и дружно сверлили мне спину взглядами. Я прямо чувствовала, как между лопатками чешется. Но не поворачивалась. Страшно было, что если повернусь и увижу насмешки на их лицах, то не сдержусь и расплачусь.

И только, когда за угол зашла, выдохнула с облегчением, спину почесала, и одним глазком, через щелочку в заборе на строителей посмотрела. Никто не стоял и не сверлил меня взглядом. Все работали. Это что же получается, я сама себе все придумала? Сама себя запутала? Это все ведьмы арровы виноваты! Не зря они вокруг меня всю ночь кружили в этом непонятном полусне-полуяви... Кстати! С ними же господин Орбрэн был! Это что получается, он даже в сны моих влез?!

Глава 23

Дома Салина уже ждала меня за накрытым столом.

– Садись завтракать, сестренка, – рассмеялась она, – ты чего такая недовольная...

– Да так, – села я за стол и скрутила политый маслом блин, добавив ложку синей каши с розками, ее так вместо варенья ели, – один наглый мужик настроение с утра испортил.

– Да, вы оба друг для друга постарались, – пожалала плечами Салина, – так рассказать тебе, что вчера было-то?

Я как раз жевала блин, запивая его молоком, так что только кивнула. А новости были такие, что я мгновенно забыла про завтрак, и так и замерла с блином в руке.

– Малла, когда господни Орбрэн тебя унес, а мы немного успокоились, бабы атаковали господина Гририха, желая в колхоз вступить. Но председатель у нас не промах, сказал, что столько народу нам не нужно, даже с десятью гротами. Поэтому будем принимать в порядке очереди, когда нам нужны будут рабочие руки. Так что у нас теперь в колхоз очередь, пока составляли, бабы вусмерть переругались, а кое-кто даже подрался. Еле разняли. Вот смеху было. А господин Гририх сказал, что за скандалы и драки будет в конец очереди отправлять. Видела бы ты, – прыснула Салина, – как бабы взглядом готовы были друг друга убить.

– Ну да, понимаю, – рассмеялась и я тоже, – я бы тоже за

такое убить готова была бы.

– И не сомневаюсь. А Вилина тем временем нас всех собрала и призналась, что Дар у нее к шитью. Ты не представляешь, как мы обрадовались. У нас ведь, – Салина слегка смутилась и порозовела, – у каждой в сундуке отрезки красивые есть. Невозможно же удержаться и не купить, даже если нельзя. . . вот мы их вчера достали, и весь день и всю ночь шили сарафаны. Зато теперь нас, колхозниц, издали отличить можно. И не нужно будет лицо прятать. Малла, ты не представляешь, как это здорово! Еще мы решили каждую неделю особо отличившихся колхозниц в качестве поощрения в город отправлять. И завтра мы втроем едем: ты, я и Рыска.

– Не знаю, – покачала я головой, – у меня помидоры пошли. . . а огурцы уже переросли, наверное. Вчера убирать надо было.

– Не переросли, – рассмеялась Салина, – вчера твои девочки собрали их.

– Ничего себе, – мне даже обидно стало. . . уже и в огороде я не нужна становлюсь. Хотя хорошо, что собрали, значит не переросли огурцы.

– Очень много огурцов, – вздохнула я, – очень много. . . может нам лучше овощи не сырыми продавать, их же можно солить, мариновать. . . и, вообще, есть куча рецептов.

– Пока не надо, – Салина хихикнула, – пока они и так хорошо идут. А вот потом, когда просто овощи наскучат, тогда можно и солить, и мариновать, и что-то еще с ними делать.

Не нужно все секреты сразу раскрывать.

– Так ведь потом они у всех расти будут, – вздохнула я. Думала уже об этом. Получить семена из спелого кабачка, огурца и помидора, а уж тем более из кукурузы и пшеницы, легко.

– Малла, – приподняла брови сестренка, – уж ты меня совсем за дурочку принимаешь. Я в первую очередь оговариваю с купцами, что все овощи и зелень только для еды, а не для выращивания. Так что только наши они, никто больше не сможет овощи твои растить.

– Но как за этим уследить? – хотела было спросить я, но догадалась, что снова Оракул бдит. Это же как воровство получается, а значит... на воре шапка горит.

Мои девочки-овощеводы на самом деле отлично справились и без меня. Теперь, когда оказалось, что овощи ого-го как дороги и вполне сравнимы по доходам с сырами, энтузиазма у моих огородниц прибавилось.

Перед поездкой в город я весь день провела в поле. Все росло отлично. Огурцы стартанули, и собирали мы их вагонами. А я оставила на семена по несколько штук на каждой грядке. На следующий год будет больше.

Помидоры тоже радовали. Салина, конечно, до семи грот за короб не дотянула, но по шесть первые два короба продала. На семена я оставила по две-три помидорки каждого сорта. Немного, конечно, но лучше не спеша увеличивать площади, чем оказаться на следующий год неготовыми к огром-

ным урожаем. И рабочих рук не хватит, и цена упадет, если будет слишком много, и для той же засолки технологи пока не отработаны. В банках-то я знаю, как солить, а в бочках никогда не пробовала. Бочку-то герметично не закроешь... или закроешь... смотреть надо. Экспериментировать.

Лука севка в тети Клавиных семенах было совсем мало. Так что я всю крошечную грядку оставила на семена. А вот чернушка радовала. На следующий год можно будет попробовать продавать. Чеснок я, вообще, растила из двух зубчиков, чудом затесавшихся в мешочке с луком.

Росли у меня и многолетние луки: батун, слизун и шнит. Но семян было совсем мало, и, вероятно, они были совсем старые, поэтому они пока не радовали. Росли хорошо, но было их слишком мало.

Вообще, многолетники явно не были в сфере интересов тети Клавы, и конвертики с семенами были куплены еще при царе Горохе и валялись на дне пакетика с семенами с полустертыми надписями. А еще были семена и вовсе в безымянных кулечках. Все это я посадила в своей школке, которой уделяла гораздо больше времени по сравнению со всем остальным огородом. Зато помимо луков, у меня росло по маленькому кустику щавеля, ревеня, мяты, чабреца, шалфея и еще каких-то трав, которые совершенно точно использовали в качестве приправ, но которые я пока так и не могла определить. Только предполагала, что это тархун, эстрагон, тимьян и розмарин. Правда или нет, не знаю, но называла я

их именно так.

Еще, здесь же в поле, у меня росли кукуруза, пшеница, рожь, овес и ячмень. Их было немного, но я решила, что все оставлю на семена. Нет, хлеба, конечно, хотелось. Каши нормальной хотелось. Но как подумаю, сколько будущей каши и хлеба я могу съесть за раз, аппетит сразу пропадал. Нет уж. Лучше я еще годик помучаюсь на цветах, но зато потом смогу есть нормальную еду.

А вот кабачки, капуста, репа, огурцы и помидоры из моего огорода уже были в моем рационе, я оставляла себе немного. Колхозники пошли мне навстречу, хотя сами только дегустировали новые продукты, но не особенно ими увлекались. Я радовалась привычному вкусу и не понимала, почему дома мне не нравилась запеченная репа, или рагу с репой и кабачками, или просто тушеная капуста. А оладьи с кабачками на травяной муке оказались даже вкуснее, чем дома.

Морковь, тыквы, по паре кустиков арбузов и дынь, свекла красная и кормовая, подсолнухи, редька черная, понемногу фасоли и гороха, баклажаны, перцы— все отлично чувствовали себя на земле нового мира. И хотя я понимала, что не скоро их будет столько много, чтобы хватило всем, но... это же только пока. Когда-нибудь они станут здесь в Гвенаре такими же привычными, как и в моем мире.

А завтра я поеду в город. И это очень интересно, ведь кроме дворца его величества, где я была перепугана до полу-смерти и ничего толком не запомнила, да этого вдовьего по-

селения, я нигде больше не была толком.

И мне вдруг нестерпимо захотелось завтра. Хотя бы просто посмотреть, что там есть. И еще я обувь хочу нормальную. Мои бедные ноги никак не привыкнут к деревянным башмакам. А в сапогах невыносимо жарко. Они все же осенние.

В город мы отправились рано утром. Поехали с господином Гририхом, ему нужно было по каким-то комендантским делам.

Я, конечно, волновалась, все же впервые в город местный еду. Ну, я там уже с его светлостью была, но это же не считается. Я тогда, вообще, ничего не соображала. Дома разглядывала, удивлялась схожести с нашими средневековыми городками. А на то что на самом деле важно, на людей, на быт, даже не посмотрела.

Салина и Рыска тоже волновались. Это было немного странно, однако я списала их волнение на то, что давно они в городе не были... ну, не по работе, а так, отдохнуть. Но вот, когда увидела явную тревогу в глазах господина Гририха, растерялась. А ему-то чего бояться? Неужели у нашего колхоза какие-то проблемы? Ну, вдруг мы что-то нарушили нечаянно... или дорогу местному олигарху перешли...

От таких мыслей и мне стало тревожно.

– Салина, – шепотом спросила я у подруги, – что случилось? Что вы все так волнуетесь?

– Как что? – ответила она, – мы же впервые в город едем не во вдовьих платьях. Вот и переживаем, как другие к этому отнесутся.

Теперь мне стало понятно. Конечно они нервничают. Мы же сейчас против устоев идем. И как я сразу не догадалась. А если люди не примут наши сарафаны? А если кривиться начнут? А то и камнями забросают? Средние века же! Кошмар меня подери, как же страшно!

Теперь и я волновалась тоже. Вот кто меня за язык тянул, а? Как там говорят, любопытство сгубило кошку? Вот примерно так я себя сейчас чувствовала. Сидела бы молча, наслаждалась бы солнцем, погодой, предстоящей прогулкой по ярмарке... так ведь нет... и зачем мне надо было все знать? Вот уж точно, меньше знаешь – крепче спишь.

Чем ближе мы были к городу, тем больше нервничали. И когда на воротах нас остановил стражник... вот почему я, вообще, никаких ворот не помню? Они, конечно, не каменные и скорее даже чисто символические, но есть же...

Салина с Рыской побледнели так, что почти слились цветом лица с белоснежными рубашками. А господин Гририх выпрямился, будто бы он на плацу перед командиром стоит, а не в телеге сидит, и сжал губы в ниточку. Я же, вообще, с трудом дышала. Если сейчас в нас кинут тухлый помидор или, вернее, тухлое яйцо, помидоров же здесь нет, то я прямо здесь и сейчас умру. Лучше смерть, чем снова в треклятое платье-мешок влезать.

– Здравствуйте, колхозники, – добродушно поздоровался с нами стражник. И хохотнул, – вы, господин Гририх, опять свою армию на ярмарку привезли? Что-то маловато в этот раз. А остальные-то где?

– Остальные работают, – ответил господин Гририх, – а это наши передовики.

– Кто? – удивился стражник. Ну, да... не было у него опыта общения с одной попаданкой, которая нагло и бессовестно засоряет местный язык попаданскими словечками, услышанными от бабушки.

– Передовик, – самодовольно улыбнулся господин Гририх, еще бы... так блеснуть своими знаниями, – это колхозница, которая за последнюю неделю больше всех работала и была впереди всех всех по результатам этой работы.

– Работающие, значит, вдовушки у вас, господин Гририх, – протянул стражник и взглянул на нас совсем другими глазами, – это хорошо... достойно... слышали мы от купцов-то, что у вас вчера приключилось...

Он отошел, пропуская нас в город, а я так напряженно ждала его вердикта по поводу сарафана, что даже не заметила, как расслабился господин Гририх и засияли улыбками Салина с Рыской...

Глава 24

Мы ехали по городу, а я опять не в состоянии была ничего увидеть. Сидела и тряслась, как бы кто в меня тухлым яйцом не кинул. Или камнем. За то, что платье-мешок сняла.

– Малла, – Салина дотронулась до моей руки. От неожиданного испуга я даже подпрыгнула и вскрикнула, – ой, прости. Ты что такая напряженная?

Я глаза от удивления округлила. Сама же только что меня застрашала, а теперь спрашивает?

– Салина, – возмутилась я, – так ты же сама говорила. Что неизвестно, как нас в таком виде горожане примут. Вот я и боюсь, что яйцами тухлыми закидают...

– Зачем? – у Салины в глазах мелькнул ужас.

– Малла, – даже обычно молчаливая Рыска не выдержала, – а у вас в Хадоа что вдов еще и яйцами тухлыми закидывают?!

– У нас нет, – буркнула я, – а вот у вас я не удивлюсь. Заставили же ходить в платьях мешках пыточных.

– Почему пыточных? – подал голос господин Гририх.

– А вы, господин Грири, сами-то видели из какой ткани сшиты нижние рубашки у вдов? – запыхтела я, – это же дерюжка какая-то колючая. От нее все тело чешется, терпеть невозможно.

– Видел, – как-то даже смутился наш председатель, – да-

же как-то не задумывался об этом... всегда вдовы в таком ходили... Это значит и Вилина моя тоже?

Салина с Рыской, слегка порозовев от стыда, закивали.

– И Вилина, – мне-то стыдно не было, – и я не понимаю, почему до сих пор не пытался это прекратить.

– Почему не пытался? – господин Гририх улыбнулся, – пытались Малла. Многие пытались от доли вдовьей избавиться.

– И? Неужели ни у кого не получилось?

– Не получилось, – Салина грустно улыбнулась, – почти каждая вдова через это проходит, Малла. И я ходила к Оракулу.

– И я, – согласилась Рыска. А господин Гририх развел руками, словно говоря: «ну, вот так...»

Я уже открыла было рот, чтобы спросить, почему тогда у меня получилось, но тут телега внезапно остановилась. Оказывается, мы уже приехали. Правда, так увлеклись беседой, что лошадка везла нас сама привезла не на ярмарку, а в конюшню возле центральной площади.

И как ни пытался господин Гририх сдвинуть ее с места, так и не шевельнулась. И правильно. Разве же лошадь виновата, что возница прошляпил все на свете? Нет. Это нам в городе нужно было на ярмарку, а лошади в городе нужно было на конюшню. Ее здесь кормят, поят и лелеют. И пока она не получит то, что хочет, не обязана никуда идти. Я бы тоже так поступила.

Поэтом мы хохоча и подтрунивая друг над другом, слезли с телеги и пешком отправились из конюшни на ярмарку.

Путь наш шел мимо загонов с животными. И Рыска волей-неволей принялась коров разглядывать. Что и говорить – Дар. Он и дар, и проклятие. Никуда ты от него не денешься. Я вон тоже без своего огорода ни дня не могу прожить. И заметила еще, что на травки дикие начала заглядываться. Никогда ботаникой не интересовалась, а вот на тебе. Тянет.

Коров, благодаря тому, что мы выкупили всех, до которых смогли дотянуться, на рынке было всего пара. И цена на них поднялась, что неприятно. Уже по двенадцать грот просили за каждую тощую коровенку. Рыска даже запыхтела возмущенно. Но советов надавала хозяевам, как из тощих страхолюдин, справных коров сделать.

Не знаю, последуют или нет они советам, но вот то, что никто пальцем в нас не тыкал из-за сарафанов, я заметила. И, вообще, никаких косых взглядов в нашу сторону не заметила, хотя Рыска с Салиной, бестолочи, сразу карты раскрыли, что вдовы они из колхоза «Светлый Путь». Я когда услышала, как они людям представляются... Уже бежать приготовилась... а вдруг бы они на нас стеной пошли? Раз мы против устоев вековых? Но, наверное, приврали мне сестры, чтобы напугать. Никто даже не отреагировал. И пальцем на нас не показывал. И словами неприятными не называл.

Нормально все разговаривали. У Рыски так, вообще, чуть не с поклоном советы спрашивали. И про коров, и про

остальную живность. А Салина тоже без дела не сидела, с каким-то мужичком уже о чем-то договаривалась. Я как услышала ужасные слова «сроки поставки», «стандартные объемы» и «обеспечение гарантий» сразу сбежала. Это ужас же скукота какая.

И от нечего делать я на чурбачок чей-то возле загона присела. Сiju жду... зеваю.. солнце печет... жара...

– Малла?

– Ты что уснула? – Меня теребила удивленная Салина, – пошли, мы здесь закончили.

Я глаза еле открыла. Голова гудит, подташнивает, зря на солнышке спала. Как бы солнечный удар не заработать. И пить хочется ужасно, во рту аж скрипит все от сухости...

– Пи-ить, – попыталась сказать, а язык-то как бревно во рту. Большой да неповоротливый. Скребется по небу сухо, и в нужных местах не сгибается. Так что изо рта только хрип и вышел.

– Пить хочешь? – Я кивнула. От этого движения все кругом заплясало, закружилось, и я прямо на землю с чурбачка свалилась.

– Малла, – Салина с Рыской меня поднимать кинулись, а ко мне старичок какой-то подскочил. Хозяин чурбачка, наверное, на который я нагло уселась, и баклагу глиняную с водой под нос сунул. Только я глоток всего и сделала. Теплая вода-то. Не вкусная. Эх... сейчас бы холоденького чего-нибудь... мороженое, например... Интересно, а его здесь

умеют делать?

– Салина, Рыска, я мороженого хочу.

– Зимой будешь, – рассмеялась Салина, – зимой все будет мороженное. А сейчас лето, радуйся.

Ну, я что делать? Вздохнула, встала и пошла радоваться. Но зарубочку себе сделала. Что-то я совсем забыла о том, что кроме сыров из молока можно всего много разного вкусного сделать. А здесь только сливки собирали, те что сверху отстаиваются, простоквашу квасили и топленое молоко делали. Даже творога не было. Не то что масла, сметаны или йогурта. А ведь это тоже бактерии, просто их надо где-то «наловить» и заставить работать на свое благополучие.

Когда я стала думать о йогурте, у меня в голове сразу на все голоса реклама зазвучала, про пользу пробиотиков и пребиотиков. И про лактобактерии. И песенки веселые вспомнились.

Как все же полезно рекламу смотреть оказывается, кто бы мог подумать, что я оттуда столько всего узнаю. Например, то, что бактерии эти в молоке сами водятся. Значит нам просто нужно поэкспериментировать и попытаться размножить именно те, которые нам нужны.

А еще про сепаратор я подумала. Очень уж нравилось мне, когда бабушка молоко сепарировала и сливки отделяла. Если получится здесь такой аппарат сделать... Я-то тысячу раз его отмывала, так что легко могу вспомнить все детали. Да, не знаю, как он работает, и как из молока сливки

получаются, но ведь здесь есть умные люди? Должны разобраться... и, вообще, я же хотела гномам авторучку показать! Пусть гномов здесь нет, но ведь должны быть мастеровые какие-нибудь... кузнецы там... ремесленники... где бы их только найти...

Да на ярмарке же! Вот я растяпа! Где же им товары свои продавать, как не на ярмарке.

– Рыска, Салина, идемте быстрее! – подала я голос и вцепилась в подруг, которые неспешно шагали в сторону рынка, который угадывался по шуму и гаму.

– Да, поторопиться надо, – улыбнулась Салина, – господин Гририх уже скоро обратно поедет.

– Как это обратно?! – я даже остановилась от удивления, – да мы только приехали!

– Мы слишком долго задержались здесь, – вздохнула Рыска, – уж больно коров жалко... неухоженные они, не совсем здоровые были. Пришлось полечить немного... вот и...

– Да, – подхватила Салина, – а я с купцами договорилась. Нам же сено нужно. Мы-то на свою ферму его заготовить не сможем. Много у нас коров-то...

– Это так удивительно, – вдруг улыбнулась Рыска, – правда, Салина? Что нас слушают и...

– Удивительно то, – перебила я, – что мы приехали погулять на ярмарку, а теперь так и уедем, ничего не увидев. Идемте быстрее.

– Идем, – Салина с Рыской переглянулись и рассмея-

лись, – Малла, ты как будто бы на ярмарке ни разу не была.

– Не была, конечно, – возмутилась я, – и сейчас умру от любопытства. А еще у меня есть три грота. И я хочу потратить их в свое удовольствие.

Пока болтали, дошли мы до выхода с животных рядов. А там мужики да бабы местные кучкуются, да хохочут. Пальцами куда-то тычут.

И как можно мимо такого пройти? Да ни жизни! Конечно же, мне сразу захотелось узнать, чего это там смешного такого они увидели. Я сама не заметила, как ноги мои к кучке этой побежали. А Рыска с Салиной рядом бегут, не отстают. У них тоже любопытство здоровое. Протиснулись мы сквозь толпу, а там среди овец мужичок несчастный сидит и вздыхает сокрушенно. А толпа над ним потешается.

Салина с Рыской захихикали, а я не понимаю ничего? Что смешного-то? Ну сидит мужик среди овец... вернее, одна овца и четверо ягнят вокруг нее скачут. И? Смеяться после слова лопата?

– Салина, – дернула я сестру за сарафан, – а что смеются-то все? Что смешного?

– Малла, – взглянула она на меня и расхохоталась еще сильнее, – ты посмотри, овцы-то какие!

Ну.. нормальные вроде овцы-то... голова, ноги, хвост... у Варлы в колхозе точно такие же в стаде ходят. Ну, почти такие.

Потому что эти... лысые они. Не совсем они, конечно, лы-

сье, а скорее малошерстные... на котов-сфинксов совершенно точно не похожи, у моей подруги был сфинкс, я его видела. И трогала. Ужас просто! А у этих шерсть короткая и редкая, с проплешинами, но все же есть.

– И что? – снова дернула я Салину, – лысые и что?

– Малла, – захохотала Рыска, – они же уроды! Где ты видела лысых овец?!

И все ее смех подхватили... А мне не смешно было. Смотрю я на овцу, на деток ее... и мне так жалко их стало... не пожалеет ведь никто... вон уже мужики интересуются, что там внутри. Съедобно или нет. Да как же можно так, а? Они же маленькие совсем...

– Эй, мужик, – я присела рядом с несчастным продавцом, – почем овцу с детьми продашь?

Мужик на меня взглянул, как на дуру, вздохнул, затылок почесал, и отвечает:

– За пять грот отдам...

Я бы может и согласилась, не понимаю же ничего в ценах, но тут вся толпа хором расхохоталась:

– Пять грот?! – держался за живот мужичок с козлиной бородкой, – ой, не могу! Пять грот?!

– А что? – вторил ему толстяк, смеявшийся так, что пузо ходуном ходило, – считай пять овец за пять грот! Продешевил...

– Ага, – заливалась бабка с корзинкой. Платье у нее, надо сказать, нормальное было. Обычное. Я такое сто раз в

фильмах исторических видела. Никакого мешка дерюжно-го. – Столько шерсти... если продашь, разбогатеешь.

А мужик-продавец слушал-слушал, а потом рукой махнул:

– За три забирай. Сил моих уже нет позор этот терпеть.

– Договорились, – ляпнула я прежде, чем Салина с Рыской пикнуть успели, и три грота, колхозом выданных, мужику всучила. Сама, честно говоря, боялась, что решимость моя пропадет.

– Малла?! – ахнули сестры, но уже поздно. Мужичок три грота схватил и исчез, будто бы его тут и не было.

– Ой, ду-ура! – протянула бабка с корзинкой... а мужичок с козлиной бородкой и толстяк закивали, соглашаясь.

А я потупилась... землю носком туфли деревянной поскребла... ну да... дура... пожалела лысых овец. Только за-чем они мне, я и сама не знаю. Я, вообще, не умею с овцами... что с ними делать-то, вообще?

А народ, хихикая надо мной, помчался по сторонам, сплетню свежую разносить, как одна баба овцу лысую купила. Прижилась эта байка в народе-то. Слышала я потом несколько вариантов разных. Кто говорил, что купила, мясо сварила, да померла отравившись. Кто говорил, что мужик ловким оказался, бабу-дуру обманул и был таков. А кто говорил, что шерсть у овец из золота оказалась, настригла я ее, продала, да разбогатела.

– Ну, Малла, – Салина с Рыской сокрушенно качали го-

ловами, – зачем тебе эти уродцы? С них даже шерсти клочка не собрать...

– Может вырастет? – вздохнула я... вот и погуляла, называется, на ярмарке...

Глава 25

Идти на ярмарку с овцами было глупо. А с лысыми тем более. Да и денег я больше не взяла. Были у меня, конечно, еще целых четыре грота, но дома. Побоялась, что потрачу все. Да и что говорить, три грота не так уж и мало, если их на удовольствие спустить, как я хотела. Жаль, конечно, что не погуляю я на ярмарке... но ничего, в следующий раз приедем, я авторучку захвачу. Совмещу приятное с полезным. А сегодня не судьба значит.

– Малла, – Рыска тем временем загончик с овцами открыла, мамашке веревку на шею накинула, ягнята-то от мамки не убегут. И мне три грота протягивает, – идите на ярмарку, погуляйте. Раз ты, Малла, ярмарку еще ни разу не видела. А я овец отведу, да подожду вас там.

– Но, Рыска, – я даже шаг назад сделала и руки за спину спрятала. Очень уж хотелось денежку схватить и от радости запрыгать. Но ведь неправильно это. Рыска свои три грота тяжким трудом заработала. И на ярмарку она тоже хочет. Я же знаю. Она хоть и молчит все время, но глаза-то у нее горели, когда ехали.

– Бери, Малла, – улыбнулась Рыска, – бери. И поторопитесь. А то скоро уже обратно ехать. Нехорошо заставлять господина Гририха ждать, когда вы по ярмарке нагуляетесь...

– Бери, Малла, – улыбнулась Салина, – а Рыске я сама куплю то, что нужно. Пойдем.

– Но, Салина... это же неправильно...

– Мы же сестры, забыла? А ты на ярмарке, говоришь не была. А Салиной тебя никто обмануть не сможет, – Рыска вложила деньги мне в руки.

Эх... все таки малодушная я. Взяла я деньги, и ушла Рыска овец моих отгонять. А мы с Салиной на ярмарку пошли.

Иду, а у меня сердце так печет... так печет... будто бы огнем горит. Одна же я в семье, ни сестры у меня не было, ни брата. И может быть не зря я подножку его величеству подставила? Может для того в этот мир я попала, чтобы Салину и Рыску встретить и породниться с ними? Одно дело, когда сестры единокровные а совсем другое самой тобой выбранные. Там от тебя ничего не зависит. А тут... тут ты сам отвечаешь за то, кто рядом с тобой и кто ты рядом с сестрами.

– Салина, – от огня в сердце мне даже дышать было больно, – Салина...

– Что с тобой? – встревожилась Салина.

– Девушка, вам плохо? – откуда ни возьмись появилась молодая девчонка и сунула мне в руку баклажку, – вот возьмите, попейте.

И только когда мне в рот залилась знакомая горькая жидкость, я вспомнила, что видела эту девушку там, во сне, среди арровых ведьм. От неожиданности я проглотила противный отвар. А эта негодяйка засмеялась звонко, подмигнула

мне, выхватила фляжку и исчезла, ловко растворившись среди любопытных людей, которые уже начали собираться вокруг нас.

– Салина, кто это?

– Не знаю, Малла. Что с тобой? Тебе плохо?

– Да, – начала было я жаловаться на боль в сердце, как вдруг поняла, что все хорошо. Ничего не болит. И исправилась, – нет, все нормально.

Откуда здесь взялась аррова ведьма? И что же, получается, это не сны были вовсе? А на самом деле? А что за нити тогда это? И зачем они в них меня укутывают? И почему у меня так жгло в груди? И прошло сразу, как только...

– Тогда пойдем быстрее, Малла, – потянула меня Салина, – а то на ярмарку не успеем.

Вот ведь арровы ведьмы! Тьфу! Опять меня запутали!

Ярмарка мне понравилась. Она совсем не была похожа на ту, что к нам в поселение приезжала. Народу здесь было-о! Не протолкнуться. И если окраины напоминали «дикий рынок», помню был такой у нас в городе, когда я совсем маленькая была.

Длинные ряды людей, разложивших свой товар прямо на земле, на картонках, на ящиках, на ковриках, да и просто на газетах. И толпы людей, которые глазают, торгуются, покупают, воруют... я даже три грота Рыскиных в кулаке сжала инстинктивно. Так точно карманники незаметно не свистнут. Здесь картонок и ящиков не было, но их с успехом за-

меняли чурбачки и холстины.

И чего только там не было! Много чего там не было. Ничего там, откровенно говоря, интересного не было. Точно такой же товар, что и к нам привозили: бусы из зеленого стекла в пузырьками, горшки треклятые глиняные, гребешки косяные, ткани грубые дерюжные, мешки вдовьи, корыта деревянные... будто бы во вдовьем поселении помощь выдали, а вдова все продать решила.

Я уж даже расстроилась... зачем надо было ехать на ярмарку в город, если тут все такое же?

– Малла! – Салина выдернула меня из рядов, – ты куда пропала? Не отставай! И, вообще, зачем тебе это все? Такое и к нам приводят. Пошли на центральные ряды. Теперь можно. И все само лучшее там!

Центральные ряды и правда оказались намного симпатичнее. Тут даже прилавки были. И товары на прилавках оказались в сто раз интереснее. Россыпи стеклянных бус, ярких и красивых, пусть и не таких крупных, как у Сайки, но все же.

Даже мне захотелось купить ниточку... вон те, густо-красные, как будто бы рубиновые. Или эти... молочные... или дымчатые... или синие... сама не заметила, как ручки мои загребущие нагребли полные горсти бус. И головой-то понимаю же, что покупать у первого же прилавка глупость несусветная, а вот разжать руки и уйти, не могу. А Салина стоит рядом и посмеивается. Она-то себе одну нитку выбрала. Ярко-синюю, веселую, ей очень шло. А я как? Я же вот эти хо-

чу... густо-красные, почти до непрозрачности... и синие, как у Салины почти, чуть светлее только... и молочные, с легким желтоватым отливом сливочного масла... и дымчатые, будто дым в стекло запаяли, и он теперь там кружит клубами и выбраться не может...

И пальцы меня не слушаются, бусы не выпускают. Будто бы прикипели, как тогда к Оракулу. Жаль господина Орбрена нет, он бы мне помог, вдруг вспомнила я негодяя этого... и вот чего спрашивается, он в мысли мои лезет? Ну-ка кыш отсюда! Кыш! Помахала мысленно веником, погоняла крошечного господина Орбрена. Даже весело стало. Очень уж он смешно вопил и от прутьев уворачивался. А я хохотала над ним, и на шее у меня бусы разноцветные болтались.

– Ну что, красавица, – улыбнулся мне купец, мыли мои прерывая, – решилась?

Я на Салину жалобно посмотрела, а она улыбается счастливо. И довольная такая, будто бы квартиру в «золотой ключ» выиграла.

А купец, вижу, нервничать стал. Мы-то с Салиной почти половину его прилавка загородили. И выбрать я не могу. Смотрю на руки свои в бусы вцепившиеся и во голове снова карусель кружится: густо-красные, синие, молочные, дымчатые...

– Девушки, – купец решил первым, – берите все пять я вам подешевле отдам.

Вот зря он в присутствии Салины слово «дешевле» сказал.

Я прямо увидела, как у нее глаза загорелись. И так уж она в этого купца бедного вцепилась, что не рад он был. Купили мы в итоге все пять ниток за пол грота. И то, это я устала ждать, когда они договорятся, и сунула купцу деньги и Салину за руку от купца оттащила.

Она возмущаться начала, но я напомнила, что господин Гририх вот-вот домой соберется, а она еще не купила то, что Рыске обещала.

А на ярмарке торговля полным ходом шла. Люди туда-сюда сновали. Мужики, бабы. С корзинками, с котомками и даже с тележками деревянными. Типа садовых. Это что они ее вместо сумки на колесиках используют? Странные люди. Она же сама тяжеленная очень.

– Малла, – Салина снова схватила меня за руку, вытаскивая из потока, который понес меня в неизвестном направлении, – мы с тобой ничего не успеваем. Давай, ты здесь погуляешь, а я пробегусь, куплю, что Рыска просила. А потом приду вот к этой лавке, – она махнула рукой на лавочку с тканями, возле которой мы оказались, – и мы с тобой купим то, что ты выбрала. Только без меня деньги не трать. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась я. Времени у нас на самом деле оставалось не больше части, часа по-нашему. В следующий раз не дам Рыске коров разглядывать, а Салину к купцам на пушечный выстрел не подпущу. Пусть сначала по ярмарке погуляют со мной вместе, а потом по своим делам идут.

Салина убежала, меня одну оставила. А я руки за спину спрятала, на всякий случай, чтоб они опять чего ни попадя не схватили, а то так никаких грот не хватит. И пошла глязеть на то, что в этой лавочке с тканями продают. Для начала.

А там под легким навесом на длинных деревянных столах лежали рулоны с тканью. Не такие большие, как у нас в магазинах, но их было очень много. И не понятно, совсем, как тут что-то выбрать можно. Все же в куче.

Но я подошла, все ткани пощупала. Интересно же. Да, это вам не дерюжки для мешочных платьев. В основном тут продавались такие же ткани, как я на сарафан покупала. И не только красные. Разноцветные.

Но были и другие. На ощупь еще более тонкие, мягкие, легкие и нежные. И такие приятные, что я никак оторваться не могла. И прикидывала уже сколько мне на сарафан летний и рубаху нужно. А еще из такого можно попробовать нижнее белье сшить... а то поизносились я уже за три месяца-то...

И тут купчиха ко мне откуда-то ни возьмись прилетела. Где она столько времени была, непонятно. Чай, наверное, гоняла... как обычно... и неважно, что мир другой, люди-то одинаковые.

Увидела, что я стою с задумчивым видом, и давай мне про ткани свои рассказывать, откуда какую ей муж привез.

– Вот эта, – ткнула пальцем в мой сарафан, – ткань местная. Ее мастерские в каждом городе ткут из местного же льна. А есть еще признанные мастера-ткачи. Ткани у них по-

лучаются лучше, чем у всех остальных, и стоят чуточку дороже. Вот посмотри какие, – развернула она передо мной рулон той второй ткани. Которую я и хотела купить. Белоснежная, для белья в самый раз. И для рубашки с сарафаном.

– А еще, смотри, что у меня есть, – купчиха, увидев, что я заинтересовалась, но покупать не спешу. Нырнула куда-то под прилавок и вытащила оттуда отрез. Небольшой совсем, даже на рубаху не хватит. Я конечно, же же полезла пощупать. Кошмар меня подери! Это же почти шелк!

– Нравится? – засияла купчиха. Я закивала, продолжая кончиками пальцев поглаживать чудесную ткань, – не мнется, не рвется, не пачкается... это Великого мастера Устана работа. Дар у него был. Такой ткани уже нет и еще долго не будет во всем Гвенаре.

– Почему? – удивилась я.

– Хадоа, – вздохнула купчиха, и я видела, как в ее глазах появляется грусть, – в приграничье они жили. Оракул ослаб, хадоа прорвались, три села больших уничтожили, пока наши не остановили. И Мастера Устана с семьей тоже. Никого не осталось.

После такого стоять у прилавка и ткани смотреть не хотелось больше, и купчиха моя весь свой задор растеряла. Да что и говорить... как быстро забывается, что весь этот мир и спокойствие вокруг от силы Оракула зависят. А она от короля и королевы... от его величества и курицы этой белобрысой, из-за которой я сюда и попала.

Вышла я из лавки. Грустно мне стало. Печально. Присела на скамеечку и стала Салину ждать. Никуда больше и не пошла.

А чего ходить-то, если денег нет?

Глава 26

– Что грустишь, дочка? – рядом со мной старушка присела. Прилично и чисто одетая. Видно, что достаток у бабки водится.

– Не знаю, – обычно я не люблю, когда ко мне на улице вот так вот посторонние люди подходят и вопросы дурацкие задают, но бабка как-то смогла не вызвать неприязни, – думаю.

– О чем же? – старушка улыбалась, отчего морщинки собирались вокруг глаз, смотрящих на мир с какой-то особенной теплотой и добротой.

– Обо всем. И ни о чем, – ответила я на улыбку, – и жизни думаю, о смерти... как-то несправедливо все...

– Да как же несправедливо-то? – рассмеялась бабка и добавила, – Оракул же бдит

– Да с этим Оракулом тоже все не понятно, – вздохнула я, – странная у него какая-то справедливость. Несправедливая...

Бабка рассмеялась довольно, будто бы я ей что-то хорошее сказала.

– Хорошая ты, дочка. Негоже тебе разменной монетой в чужих играх быть.

– О чем вы? – нахмурилась я, что-то бабка заговариваться стала. А с виду такая разумная была.

– Смотришь ты, да не видишь, – покачала головой стару-

ха, встала со скамеечки, вздохнула огорченно и погладила меня по волосам, – учись видеть, дочка. Не глазами, а сердцем.

И бодренько так, очень-очень бодренько, зашагала прочь.

– Бабушка, – подскочила я со скамейки и вслед за ней кинулась. Но бабка уже смешалась с толпой и исчезла. Будто бы ее и не было. Странно...

– Малла, – окликнула меня Салина с другой стороны. Она несла на плече туго набитый чем-то мешок, – ну, что? Насмотрелась? Пойдем купим то, что ты выбрала?

– Нет, – виновато улыбнулась я, – не нужно, Салина. Я уже купила... вот, – достала из-за пазухи отрез Великого мастера Устана.

– Ох, ты же! – ахнула Салина, – где ты такую роскошь взяла? Это же из мастерской Устана, да? Малла, ты знаешь, сколько отрез такой стоит?

– Два с половиной грота, – улыбнулась я, – все, что у меня было.

– И даже больше! Ох, Малла, у меня когда-то рубашка была из такой материи... только нет ведь его больше, говорят. Хадоа несколько лет назад уничтожили мастерскую-то... повезло тебе...

– Нам повезло, – рассмеялась я, – нам всем троим на комплектики хватит. Я Вилину помочь попрошу, роскошное бельешко получится.

Господина Гвенара все еще не было. Утром, когда мы при-

ехали, вокруг было пусто, но сейчас весь двор конюшни был заставлен лошадьми с повозками, оставляя свободным только узкое пространство посередине для того, чтобы можно было заехать и выехать.

Рыска дремала, лежа на повозке, а рядом стояла привязанная лысая овца, про которую я благополучно забыла. Она жевала траву из охапки, Рыска, наверное положила, и равнодушно смотрел на меня. Ягнята тонко блеяли и скакали возле матери, иногда сшибаясь лбами. То один ребенок, то другой нырял под пузо овцы и смачно чавкал, посасывая молоко.

И вот что мне с ними делать?

– Это что за чудо такое? – удивился господин Гририх. Мы даже еще не успели посмотреть, что купила Салина, а только поохали над отрезом от Великого мастера.

– Овцы, – вздохнула я, а Салина с Рыской старались не рассмеяться, очень уж выражение лица у господина Гририха смешное было. Я бы сама похихикала, – это я их купила...

Погрузили мы овец стреноженных в повозку, да домой поехали. Пока по городу ехали, по сторонам я глазела. Все же очень похоже на наши средневековые города. Вон сапог висит, значит там сапожник работает. А тут клещи кузнечные... кажется. Там цветов букетик вывеске деревянной, травник, наверное. И почти на каждом доме такая вывеска висела. Это получается здесь район мастеровых и ремесленников, что ли?

Так и оказалось. В центре, где площадь ярмарочная, купцы жили. У тех что побогаче на первом этаже лавочка была, а на втором семья. Те что победнее, держали прилавки, вроде тех, где мы с Саилной бус купили, и я ткань отхватила. А жили сами в домах на несколько семей. По краю площади торговали самым плохоньким товаром. И купчишки там работали проходящие. У них дома где-то в городе, и они каждое утро приходят на площадь торговать.

Центральная площадь делила город на две примерно одинаковые части: в одной живут аристократы, у которых дома с огромными участками, засаженными садами. А еще там есть городской парк с настоящим фонтаном. Это мне Салина рассказала. И вторая, где ютится все остальное население. Здесь ни садов, ни парков, ни фонтанов нет. Здесь, вообще, деревьев мало, а дома стояли так плотно, что даже наша повозка иногда с трудом проезжала.

Наконец мы выехали из города. На воротах стоял все тот же стражник. Но если утром он был бодр, весел и улыбочив, то сейчас просто махнул рукой, мол, валите скорее. Устал, наверное.

– Салина, Рыска, – мы отъехали буквально двадцать шагов, как господин Гририх впервые подал голос, – ну что? Получилось?

– Да, – радостно взвизгнула Салина и вдруг кинулась обниматься с господином Гририхом. И даже Рыска кивала и счастливо улыбалась, – все получилось, господин Гририх.

Это невероятно! Малла, – Салина переключилась на меня, и стиснула в объятиях так. Что я не могла дышать, – Малла, спасибо тебе.

– Салина, – прохрипела я остатками воздуха, – отпусти. Задушишь!

Салина отпустила меня, но меня тут же обняла Рыска. А потом господин Гририх. Что тут, кошмар подери, происходит?!

– Малла, – рассмеялся господин Гририх. Тут я, вообще, перестала что либо понимать. Никогда не видела, чтобы он смеялся. – Ты что такая удивленная?

– Потому что я ничего не понимаю! – как-то истерично выдала я. Аж с подвизгиванием. Сама не ожидала.

– Малла, – Салина снова вцепилась в меня и сжала в объятиях. Я ей что, медведь плюшевый?! – Ты же видела, люди с нам разговаривают, общаются, никто слова плохого не скажет...

– И что? Можно подумать ты впервые видишь говорящих людей, – буркнула я, отталкивая сестру и выпутываясь из ее рук.

– Мы же вдовы, – как-то печально сказала Рыска, – раньше с нами никто не общался, Малла. А ты сегодня видела, как люди ко мне сами подходили, чтобы совета спросить? И не ругались, когда я на их животных смотрела и даже трогала. Понимаешь? Они больше не считают меня изгоем, не презирают, не ненавидят. Они относятся ко мне, как к рав-

ной, хотя знают, что я вдова.

– Верно, – Салина наконец успокоилась и перестала тащить меня к себе, – ты же видела, я с купцами разговаривала. И договора сама заключала. Понимаешь? Сама. А потом, – она схватила мешок и вытряхнула оттуда три пары кожаных туфель, – вот. Я их купила у хорошего мастера. И меня не только не выгнали, Малла, со мной разговаривали, мне советовали, меня считали достойной...

– А раньше? Раньше, разве не так было? – я даже на туфельки внимания не обратила. Слишком странно было то, что говорили сестры.

– Нет, – мотнула головой Салина, – все сделки раньше господни Гририх заключал. Я просто рядом стояла и подсказывала. И Рыска тоже. Ее бы побили, если бы она корову тронула и не купила ее потом. И на рынке... ты же видела эти ряды, где мы все покупали раньше... дальше нас не пускали, Малла. А уж про великих мастеров... ты бы не смогла купить свой отрез. Тебе бы такое никто не предложил бы даже.

Я слушала, слышала и не понимала. Слишком все было неправильным и не укладывалось в моей голове. Как будто бы я пытаюсь подушку в шкаф, в ящик засунуть. Она вроде бы должна влезть, потому что я ее в вакуумный пакет положила и воздух пылесосом выдула. Но никак не получалось: в пакете дырочка оказалась, и подушка росла прямо на глазах, вылезая из ящика.

– Это правда? – жалобно спросила я у господина Гририха.

Все же, если сестры и могли меня разыграть, то вряд ли наш председатель таким заниматься будет.

Но господни Гририх кивнул, улыбаясь.

– И ты это все изменила, Малла! Не знаю как, но это ты, дочка...

– Но... я же только... сарафаны... хотела... – прошептала я.

– Сарафаны это хорошо, – Салина огладила голубую ткань на подоле, – но самое главное, что ты как-то смогла объяснить людям, что мы достойны уважения.

Она подняла на меня взгляд, и я увидела, что Салина плачет. Я обняла ее, чувствуя, со спины Рыскина объятия. И она тоже всхлипывала мне в ухо.

Ничего не понимаю. Я же ничего такого не делала. Я же хотела только от платья-мешка избавиться... хотя да... говорила я что-то про уважения и достоинство, но только потому, что к слову пришлось. Ни о чем таком я тогда не думала. Мне хотелось всего лишь порадовать вдовушек наших, у которых я так опрометчиво отобрала возможность со строителями развлечься. И колхоз не развалить...

Но как я, кошмар меня подери, это сделала? Может все дело в платьях-мешках? Может быть это было просто предубеждение против вдов? А когда мы сарафаны надели, просто исчезло предубеждение? Ведь не могла я же все это одна повернуть?

– Господин Гририх, – подняла я голову, все еще обнимая

всхлипывающих сестер, – а может это не я? Вы уверены, что это я сделала?!

– Уверен, – снова улыбнулся председатель.

– Но как?!

– А вот это не знаю, – развел он руками, – не знаю.

– Но... может...

– Малла, – господин Гририх потерябил мочку уха, – мне кажется, господин Орбрэн сможет тебе объяснить гораздо больше. Тебе лучше поговорить с ним.

Ну. уж нет! Чтоб я к этому негодяю пошла что-то спрашивать?! Да ни за что! И вообще, меньше знаешь, крепче спишь.

Но моя память настойчиво подкидывала мне видение: напряженный взгляд ярко-фиолетовых глаз там, на площади, когда я сжимала Оракул в руках. Он совершенно точно знает гораздо больше, чем Салина, Рыска или даже господин Гририх. Он изначально знал гораздо больше всех нас. Даже тогда, когда я еще только начала говорить.

– Смотришь ты, да не видишь. Учись видеть, дочка. Не глазами, а сердцем.

Я даже вздрогнула. Мне показалось, что сегодняшняя бабка сказала это вслух прямо сейчас.

– Малла, смотри, – Салина с Рыской скинули деревянные башмаки, и теперь на их ножках красовались совершенно очаровательные кожаные туфельки-лодочки без каблучков.

– Красиво, да?! А это твои, – кивнула Рыска на третью

пару, – примерь.

И вот смотрю я на туфли эти... на Салину с Рыской... на Господина Гририха... и сердце у меня так щемит от того, что вижу. Они ведь у меня в этом мире самые близкие. Ближе никого нет. Даже господин Гририх мне как родной.

Господин Гририх... его ведь в поселение это тоже не просто так отправили, а потому что посчитали бесполезным. Конечно, что это за воин, который еще накануне первого боя такую травму глупую получил. Не от врага, а от лошади обозной пострадал. Сорвалась эта дура и сквозь строй ломанулась. Все отбежали, а господин Гририх не успел. Растерялся. И хребет ему кобыла эта переломила. И даже сейчас господин Гририх не может ходить долго. Нога отказывает. И все потому, что нерв у него в спине защемило. Вот прямо там, где копчик... и самое главное, травма-то ерундовая, только вот эту жилку немного передвинуть и освободиться нерв-то. И боли больше у него не будет. У меня руки сами потянулись, и я пальчиком господину Гририху пониже спины ткнула, что есть силы, чтобы жилку-то с места сдвинуть.

– Малла?! – подскочил господин Гририх, – ты что?!

А я глазами захопала. Сижу ничего понять не могу. Что за наваждение?! И, правда, зачем я председателю нашему в задницу пальцем тыкаю?! Что за бред мне привиделся? Я даже головой потрясла...

– Простите. Сама не знаю, что на меня нашло, – пролепетала и покраснела так, что ушам горячо стало. А как тут не

покраснеть, если все трое на тебя осуждающе смотрят? А ты на самом деле сотворила непотребство какое-то... я даже у себя в мире мужчин за попу не трогала... а уж здесь это, вообще, за гранью.

И чтоб смущение скрыть и внимание всех от произошедшего отвлечь, скинула колодки свои с ног и туфельки красивые натянула.

– Спасибо, Рыска, – обняла сестру, – мне очень нравятся.

Глава 27

В поселение мы вернулись довольно рано, нас даже еще не ждали. Теперь-то я догадывалась, почему так... если то, что мне сказали про отношение к вдовам правда, то становилось понятно, почему наши всегда так долго пропадали на рынке. И почему Сайкины бусы вызвали такой восторг. И почему она за них столько заплатила. Три грота... да, уверена, сегодня мы такие купили бы намного дешевле. Но я не хочу об этом думать. Не хочу думать о том, как и почему это случилось. Не сегодня. Не сейчас. Сейчас я хочу просто радоваться со всеми.

А вдовушки радовались. Кто-то даже плакал. Зарна даже не стала сидеть с нами, сбежала куда-то, потому что не могла сдерживать эмоций. Надо с ней поговорить. Потому что даже Глая не смогла сказать, что с ней. А ведь они очень близкие подруги.

Мы вынесли из ближайших домов столы, расставили угощения, принесли кто чем богат, и веселились до самого вечера. Все вдовы поселения. И колхозницы в сарафанах, и вдовушки в ужасных платьях-мешках. Да, они тоже радовались. Потому что теперь знали, если постараться, то можно избавиться от этой ужасной, вдовьей доли. И дело, оказывается, вовсе не в платьях.

Не знаю, может быть мне не рассказывали. А может быть

я не обращала внимания. Но участь быть вдовой в Гвенаре одна из самых ужасных: от тебя отрекаются все родственники. Да, Сайкина сестра Вирра единственная родственница на все наше поселение, которая не отказалась от овдовевшей родни. И то скорее всего потому, что когда их забрали из Хадоа была слишком маленькой и не понимала, почему теперь должна отказаться от единственного родного человека.

Тебя перестают уважать, замечать и видеть люди. У Салины Дар к торговле, но если бы она стала купчихой, то никто бы не пришел в ее лавку, кроме таких же вдов, как она.

У Рыски Дар понимать коров. Ей повезло, что в поселении она смогла применить его к десятку коров других вдовушек. Потому что никто не подпустил бы ее к своей корове вне этого поселения.

А Вилина? У нее Дар к рукоделию, но все эти годы, даже будучи женой господина Гририха, она не доставала портновские ножницы со дна сундука. Потому что шить эти треклятые мешки больно... а другое у нее никто бы не купил...

И у всех остальных тоже так же. Сайка... Глая... Варла... все они вынуждены были держать свой Дар в узде.

Его светлость знатно посмеялся надо мной, когда привез ничего не понимающую иномирянку, утверждающую, что она вдова, во вдовье поселение. Не знаю, зачем он это сделал. Не понимал, что может быть другое отношение к вдовам? Или может быть нарочно, хотел поиздеваться на душой? Думал, наверное, я взвою и соглашусь на что угодно, как толь-

ко узнаю, куда он меня собрался везти. А когда не взвыла, то решил подкинуть мне денегат на всякий случай. Чтобы я прожила этот год в любом случае... а потом послушно вышла замуж за того, на кого они мне укажут.

– Малла, – ко мне подскочили девчонки, и и выдернули меня из-за стола, – хватит грустить! Веселиться надо!

Оказывается, пока я, как аррова ведьма, сама себе мысли путала, вдовы уже сбегали музыкальные инструменты принесли и к танцам готовились. Как интересно. Я еще ни разу не видела местные танцы!

Инструменты в основном простенькие были: дудочки всевозможные, какие-то шестиугольные домбро-балалайки, бубны, трещотки...

А Дайра, тихая и молчаливая вдовушка, которую я за все время второй раз только увидела, принесла что-то вроде скрипки... ну, со смычком потому что...

У нее Дар оказывается. Только за три с лишним года в поселении ни разу не доставала Дайра свою гуделку, так ее инструмент называется.

Конечно же, ей первой сыграть дали. Многие же понимали, как это, когда Дар сжигает. А Дайра присела на край скамьи в своем ужасном платье-мешке, глаза полные слез в небу подняла и тронула смычком струны. Задрожала, запела, застонала ее гуделка о тяжелой доле вдовьей рассказывая. О слезах в подушку. Об одиночестве. Об отчаянии. О боли в сердце от потери любимого.

Плакали мы. Для всех нас родной эта песня оказалась. Как будто бы не гуделка Дайрина ее пела, а мы все вместе кричали. И даже господин Гририх плакал. И строители... они как раз со стройки возвращались.

И в тот самый момент, когда каждый из нас о смерти молить стал, как об избавлении, изменилась песня гуделки. Со всем чуть-чуть, едва заметно. Надежда появилась. Крошечная, маленькая, как искорка на ветру, едва живая. Кажется вздохнешь нечаянно и потухнет. Мы все дыхание затаили, чтоб не погасить. А она медленно больше и больше становилась. И вот уже крошечный язычок пламени колышется. И разгорелась наша искорка. Заполыхала во все небо, из надежды в веру превращаясь. И радовались мы. Смеялись. Руки к солнцу поднимали, небо и весь мир благодаря за счастье. Счастье которое еще будет впереди. За будущее.

Опустила Дайра смычок. Замерла.

А мы так и остались счастьем и верой в будущее наполненные. И если несколько минут назад хоть кто-то сомневался, что все будет хорошо, то сейчас... нет. Сейчас мы за веру свою в огонь бы пошли. Плечом к плечу. Велика сила Дайры.

– Кхм... – первым пришел в себя господин Орбрэн, – не ожидал. Дайра, вы кем приходитеесь Великому мастеру Эрмеру?

Дайра встала, гуделку свою опустила, вздохнула и ответила тихо:

– Дочь...

– Никогда бы не подумал, что дочери Великих мастеров могут оказаться во вдовьем поселении, – улыбнулся этот негодяйский негодяй.

– Нет, господин Орбрэн, – Дайра без тени улыбки смотрела на него, – дочери Великих Мастеров могут выйти замуж за воинов. И остаться вдовами.

– Д-да... вы правы, – господин Орбрэн. Он даже как-то растерялся... постоял немного в тишине и ушел. Прочь с площади, где мы расположились со столами праздничными.

А мы все молчали. Никак не могли ничего сказать. А Дайра улыбнулась хитро, села снова на скамеечку и заиграла на гуделке. Да так весело, что остальные быстро мелодию подхватили, а ноги сами в пляс пошли.

А танцы здесь обычные... деревенские. С притопами, да прихлопами. Я такие сто раз видела, когда к бабушке приезжала. И танцевала тоже.

Наплясались мы до упаду. А между плясками песни пели. А я несколько наших спела. Из Хадоа... ну а как же еще, если опять мое «Малла Вильдо из Хадоа» включилось, когда я начала рассказывать откуда я их привезла.

Праздновали мы до позднего вечера. Рыска со своей бригадой коров сходили подоили, да на ночь под навесами устроили. Сайка со своими двумя помощницами из новеньких, ушли сыры варить, мы с моей бригадой сбегали в огород полить кое-где, огурцы, помидоры и все остальное собрать за чем вечером должны были купцы приехать. Глая с птич-

ницами, тоже из новеньких, дежурство по часам в избушке на курьих ножках распределили, чтоб каждой повеселиться довелось.

И только когда ночь чернильная на мир опустилась, разошлись вдовы с площади. Завтра вставать рано. Работать надо. Колхоз наш теперь стал родным всем, даже тем, кого пока в колхоз не взяли.

Я уже сарафан сняла, туфельки свои новые протерла, постель расстелила, как кто-то в дверь поскребся. Тихо так... осторожно...

А я-то уже этим миром избалована, оказывается, даже в мыслях не было, что кто-то может в недобрыми намерениями заявится. Тем более двери-то здесь не открывали никогда. И не стучали обычно... хотя я еще никогда так поздно ни к кому в гости не ходила.

Открыла я дверь, а на крылечке Нана сидит:

– Малла, прости, что так поздно...

– Ничего, бывает, – ответила. И молчу, жду, что дальше Нана скажет. И она молчит. А мне спать хочется, устала же я. День-то сегодня насыщенный был, – что случилось-то, Нана?

– Малла, – Нана замялась. Было видно, что она что-то очень хочет спросить, но то ли стесняется, то ли боится, – Салина сказала ты отрез Великого мастера купила. Покажи, а?

– Купила, – улыбнулась я, – только давай завтра, а? Устала я сегодня...

И зевнула так, что думала челюсть вывихну.

– Пожалуйста, Малла, – Нана просто взмолилась. Как будто бы увидеть эту тряпку для нее было вопросом жизни и смерти.

– Входи, – вздохнула я. Уж не знаю, чего хочет Нана, но, видимо, это для нее на самом деле важно. Раз уж пришла среди ночи в другой конец поселения. Хорошо я еще лучину загасить не успела, которую с площади принесла. Огниво местное я до сих пор люто ненавижу.

Нана присела за стол, а я отрез достала и ей протянула. И вижу волнуется Нана. Аж трясется. Протянула она руку, но не взяла ткань, а только кончиками пальцев коснулась. Провела... ахнула...

– Папа, – выдохнула...

Кошмар меня подери!

Дочери Великих Мастеров выходят замуж за воинов...

– Нана, – прошептала я, горло перехватило, – Устан твой отец?

Нана, только кивнула, не отрывая взгляд от куска ткани и все так же осторожно касаясь его кончиками пальцев. Я долго не думала. Я, вообще, никогда долго не думаю, но сейчас тем более. Надеюсь, Рыска с Салиной не обидятся...

– Дарю, – протянула я Нане ткань Великого мастера, – держи, Нана.

– Малла, – ахнула она, – но у меня нет столько денег...

– Я сказала дарю, а не продаю, – усмехнулась я, – бери,

Нана... я знаю какво это остаться одной. Совсем одной в целом мире.

– Спасибо, – прошептала Нана, и все так же осторожно, очень бережно, положив отрез на руки, будто бы маленького ребенка, мельком взглянув на меня со счастливой улыбкой, медленно вышла из дома и пошла по улице.

А я еще долго стояла на крыльце, глядя как уходит девочка, у которой от семьи остался только кусок ткани. И неважно, что она в своем родном мире, а я в чужом. И я понимала чувства Наны, понимала ее как никто другой...

Только у меня в этом мире нет ничего, что было бы сделано руками моего отца. Или мамы... слезы лились сами. Я не впервые плакала от одиночества, но никогда еще оно не было столь пронзительным.

И мне снова снились ведьмы. Они кружили вокруг меня, заматывая в клубок золотистых нитей. Долго. Очень долго. Аж до третьих петухов. И когда я то ли проснулась, то ли просто открыла глаза, в комнате на столе стояла, забытая ведьмами, кружка со знакомым горьким отваром.

Значит не сон это все?

Глава 28

Весь следующий день я провела в раздумьях. Никогда в жизни столько не думала. И даже не думала, что можно столько думать. Но мысли кружились в голове, не давая покоя. Если бы я хотя бы могла их разделить. Но нет, они кружились единым комом, как белье в стиральной машине. И чем больше я смотрела на них, пытаясь опознать, какая одежда оказалась в стирке, тем сильнее у меня кружилась голова.

В конце-концов, я не выдержала. Мысленно нажала кнопку, прерывая стирку, открыла стиралку и начала вытаскивать вопросы по одному.

Вот так внезапно оказалось, что у нас в колхозе есть дочери Великих мастеров. Пока мы знаем только двух: Дайру и Нану. Но ведь это не значит, что их больше нет? И, вообще, мы как-то упустили этот момент с Дарами. Схватились за то, что на поверхности лежало, а если подумать, то почему колхозу не открыть мастерскую? У нас есть Нана с Даром ткачества, у нас есть Вилина с Даром рукоделия. И у нас есть я, которая пусть и не любит это дело, но училась. А значит смогу показать девочкам что-то новенькое. Да хотя бы, пришло мне в голову, ту же стандартизацию по размерам! И тогда мы сможем одевать весь Гвенар. Ведь здесь до сих пор готовое платье не особенно жалуют.

А Дайра... понятно, почему у нее так плохо с хозяйством. Ей, наверное, руки беречь надо, чтобы играть на гуделке. Да и что говорить, заставлять Дайру в поле работать, все равно что микроскопом гвозди забивать. Но у бабушки в деревне в колхозе был клуб. Ведь колхозники должны не только работать, но и отдыхать. Бурановские бабушки аж на Евровидение ездили. А мы чем хуже? Устроить хор какой-нибудь. Опять же песен я знаю таких, которых в мире этом нет, очень много. Можно их перевести-переделать и петь. И колхозникам польза и Дайра при деле, а там глядишь и приглашать нас начнут. Ну... куда-нибудь.

А еще я ведь помню, как про йогурты думала. И про другие молочные продукты. Кроме того, есть ведь колбаса, тушенка, вяленое мясо, копченое... да чего только еще нет здесь, в Гвенаре! Здесь люди разбалованные тем, что можно мгновенно из одного конца страны в другой переместиться. О запасах и не думает никто. Поэтому и не перерабатывают ничего. Зачем, если можно так все съесть? Вон. Даже овощи мои. Зачем их консервировать, если можно через два часа свежими на стол его величества подать? Еще и курица эта белобрысая сыроедкой оказалась. Была бы нормальная баба, научила бы королевскую кухню борщ готовить, щи... вот, кстати, это ведь тоже можно использовать, чтобы и людям новое показать, и денежек заработать.

Надо обо всем этом подумать всем вместе. Экспериментировать надо, пробовать. А еще есть много чего, что я ми-

ру предложить могу. Зачем мне чужим ремесленникам авторучку отдавать? А вдруг у нас в колхозе есть вдовы с подходящим Даром.

А на эти денежки можно вдовам помогать. Даже тем, кто не может по какой-то причине в колхоз вступить. Но если мы будем друг за друга держаться, то сильнее станем. Есть же еще в Гвенаре вдовьи поселения, и значит будут у нас филиалы по всему Гвенару.

Надо мне мыслями своими поделиться с господином Гририхом... Чтобы как с колхозом в прошлый раз снова не было. Только как это сделать, если чуть я рот открою про свой мир рассказывая, как проклятие герцога срабатывает?

Думай, голова, думай. Я тебе вкусенькое дам.

Пока голова думала, я хозяйством занималась. Раз уж купила овцу с ягнятами, значит мне за них и отвечать. В стадо выгонять пока не стала, а то сбежит еще. Не привыкла же она к новому месту. Так что веревку на шею овцы накинула и в поле за околицей на колышек привязала. А ягнята сами вокруг бегали. Они уже подросли немного и травку щипать начали. Смешные такие. Мамка-то их меня пока боится, не подходит, а эти хулиганы бесстрашные смело хлеб цветочный из моих рук берут. И важно при этом на овцу, которая в истерике кричит, чтоб не вздумали ко мне подходить, поглядывают. Мол, ты чего, мам, эта тетка добрая, вкусеньким угощает.

Вечером я тихонько, чуть не огородами пробралась к гос-

подину Гририху. Посоветоваться мне хотелось. Больше же не с кем. С сестрами можно, но...

– Господин Гририх, можно? – Наш председатель сидел в кабинете и при свете лучинки что-то царапал в толстой книжке.

– А, Малла, – поднял он на меня глаза, – входи. Что ты хотела?

– Поговорить, – ответила я, да на краешек стула присела. Страшно было признаваться, но без поддержки господина Гририха, возможно, все мои задумки обречены на провал. Не потому что плохие, а потому что мне никто не поверит. Скажи сейчас вдовам, что из молока можно столько продуктов делать, они может быть и согласятся, но только не сейчас, а когда-нибудь позже. Даже Салина против переработки. Потому что не привыкли здесь к такому.

– Господин Гририх, – я сжала руки в замок, – мне очень нужно рассказать вам о себе. Но вы же знаете о проклятии его светлости? Поэтому я не могу говорить прямо, и буду только намекать вам. Это очень важно, потому что... это важно для колхоза, господин Гририх, для вдов в нашем поселении.

– Хорошо, Малла, – улыбнулся господин Гририх и ущипнул себя за мочку уха. Если бы не этот жест я бы никогда не заподозрила, что он волнуется.

– Вы помните, тот день когда я приехала к вам в поселение? – сердце колотилось в горле. А вдруг Оракул сочтет,

что я преступница? Его величество ведь предупреждал меня, что нельзя говорить откуда я взялась в Гвенаре. Господин Гририх кивнул. – Я не из Хадоа, господин Гририх... Я не могу сказать вам откуда я, мне запретили это делать, но я не из Хадоа. И все, что я вам сейчас хочу рассказать уже существует. И колхозы тоже там раньше были.

Господин Гририх улыбнулся и ответил:

– Я знаю, откуда ты, Малла.

– Что? – удивилась я, – но как вы узнали?

– Мне рассказал его сиятельство, – господин Гририх отодвинул свой талмуд, – он просил присмотреть за тобой. Помочь, если будет нужно. И позвать его если ты начнешь тут куролесить.

– В смысле куролесить? – не поняла я.

Господин Гририх вздохнул, помолчал, а потом начал говорить тихо-тихо:

– Вы прибыли сюда вместе с королевой. Только ты случайно, и раз ты оказалась вдовой, тебя отправили к нам. Спасибо Оракулу, ты оказалась весьма спокойной и разумной, чего не скажешь о королеве. Насколько я знаю, она хорошо потрепала нервы и королю, и его сиятельству, и всем остальным. Это не принято выносить за пределы дворца, и ты будешь молчать, Малла. А говорю я тебе для того, чтоб ты поняла, никто тебя без присмотра не оставлял и не оставляет. Его сиятельство пристально следит за тобой.

– Что? – сказать, что я удивилась, ничего не сказать. Этот

негодяй следит за мной?! И господин Гририх, которого я приняла как родного, помогает ему? – как вы могли, господин Гририх, – прошептала я. Слезы жгли глаза. Я начала задыхаться и, вообще, мне захотелось сбежать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы не видеть тех, кто меня предал.

– Это не я, Малла, – покачал головой господин Гририх, – в самом начале, да, присматривал, как и за всеми вдовами. А вот остальное... отказался. И я не знаю, кто именно следит за тобой, но это точно не я. И не Салина с Рыской, – добавил он, увидев, как шокировали меня его слова.

– Но... это же... – я хотела сказать, что это гадко и отвратительно, но не получалось. Слова застревали где-то в груди, и снова, как вчера стало жечь сердце. Больно-больно. Перед глазами помутилось, и я как сквозь вату услышала, как господин Гририх воскликнул:

– Малла?! Что с тобой?!

В этот момент дверь открылась, и в кабинет господина Гририха ворвалась аррова ведьма.

– Ох, и неугомонная ты, – подскочила она ко мне и сунула под нос кружку, – пей!

Я пыталась было оттолкнуть ее руку, но сил не хватало. И злобная бабка залила мне в рот свой горький отвар, который я вынуждено проглотила. Да что же такое?! Но зато стала отпускать эта страшная боль.

А ведьма рассмеялась:

– Сегодня ночью мы с сестрами придем к тебе и все рас-

скажем. Жди.

И сбежала, прежде чем я смогла встать.

Господин Гририх сидел за столом с остекленевшим взглядом.

– Господин Гририх, – позвала я его. Мне стало страшно. Его сиятельство, ведьмы... что-то такое происходит вокруг меня. Причем я сама ничего не замечаю. Да я бы даже сейчас ничего не узнала, если бы не пришла к председателю со своими задумками.

– Малла? -отозвался он, – с тобой все хорошо?

– Да, все хорошо, – ответила я. Кажется, он ничего не помнит... Я подумую об этом позже... Сделала глубокий вдох, выкидывая из головы все страхи, мне нужно рассказать господину Гририху о своих мыслях.

– Господин Гририх, скажите, а вы знали, что Дайра дочь Великого Мастера?

– Нет, – сокрушенно помотал головой господин Гририх, – не знал... Не принято у нас у вдов интересоваться их прошлым. Как овдовела, так жизнь и закончилась. А здесь в поселении просто век свой доживают.

– Но это же неправильно. Это хорошо, если Дары такие, что сразугодились в колхозе. Как у Рыски или Салины... а вот Вилина, Дайра, Нана...

– Нана? – удивленно приподнял брови господин Гририх, – у Наны Дар?

– Я точно не знаю, – я села на стульчике поглубже и вжа-

лась в спинку, – но ее отец Великий Мастер Устан...

– Ткач?! – ахнул господин Гририх, – а ты откуда знаешь?

Пришлось рассказывать при визит Наны вчера ночью... и про то как купила отрез ткани на ярмарке...

– И, господин Гририх, я подумала, почему такие Дары у вдов пропадать должны? Это же неправильно. Мы же можем не только сыры делать, цыплят да овощи выращивать. Мы же можем и продукты перерабатывать, и мастерские открыть.

– Малла, – вздохнул господин Гририх, – мы не сможем ничего продать. Все уже закреплено за существующими мастерскими... как с яйцами или всей остальной продукцией... – и вдруг господин Гририх замолчал и уставился на меня глазами, в которых мелькнуло понимание, – если только мы не предложим что-то совершенно новое...

– Вот именно, – рассмеялась я, – я много чего, оказывается, знаю... и если мы с вами хорошо подумаем, как повернуть все это на пользу колхозу...

Говорили мы долго. Вилина даже спустилась и принесла нам ужин прямо в правление. Мы перепачкали кучу бумаги, пытаясь понять, что и как работает в моем мире, и как оно будет работать здесь. Я тысячу раз срывалась на «Малла Вильдо из Хадоа», и каждую мою идею приходилось объяснять буквально по процессам.

Для начала решили остановиться на самом простом. Прясть, ткать и шить умеют все женщины, даже если они без Дара. А еще мы же изначально планировали разводить овец

для шерсти. И забросили эту идею, потому что так удачно получилось с коровами.

И получается зря. Чтобы открыть швейную мастерскую, нам придется и овец самим стричь, и прясть, и ткать тоже самим. Потому что никто не продаст нам столько шерсти, сколько нам нужно.

Значит нам нужно больше овец... эх, вот зачем я купила лысых? Надо было, наоборот, самых волосатых выбирать!

Продавать же мы будем только готовое платье. Сейчас в Гвенаре можно купить готовую одежду, но это либо вдовьи мешки, либо старые, ношенные костюмы. А мы будем отшивать партиями, всех размеров и их хороших тканей. Знать, конечно же, покупать не будет, но вот зажиточные горожане, купцы средней руки и даже мелкопоместная аристократия, которым не по карману хорошие мастера-портные, станут нашими постоянными клиентами.

Когда я объясняла, что такое стандартизация по размерам, думала сойду с ума. Пока не догадалась показать все это на нарисованных человечках. Не зря мама меня после школы на швею отправила учиться. И хотя я не любила шить, а после училища, вообще, возненавидела, как снимать мерки помнила. И в размерах хорошо разбиралась, до библиотеки же я много лет продавцом отработала. И с женской, и с мужской одеждой.

Глава 29

И еще я поняла, что срочно надо учиться читать и писать по местному. Потому что я писала русскими буквами не русские слова. Это, конечно, с одной стороны удобно, ведь никто не может прочесть, что именно я написала. А с другой именно поэтому же и плохо.

Не отходя от кассы договорилась с господином Гририхом, что он меня учить будет по вечерам. А то это же как-то стыдно читать-писать не уметь... не привыкла же я к такому, хотя в Гвенаре образование и не было обязательным.

Я себе зарубку на память сделала... всплыло у меня в голове про ликбез, нам в школе на истории рассказывали. А почему бы и нет? Будут все колхозницы грамотные, это же какой плюс для колхоза.

Я уже в дверь выходила, когда вспомнила.

– Господин Гририх, я же про Дайру еще хотела... надо нам в колхозе клуб открыть. Вместо того, чтобы вечерами у Сайки наливку пить, пусть вдовушки песни поют в клубе и хороводы водят...

– Ох, Малла, – расхохотался господин Гририх. – давай-ка мы с тобой завтра об том поговорим. А то Вилина уже уснет скоро. Одна, – подмигнул он мне и мягко подтолкнул к выходу...

И, правда, засиделись мы.

Домой я вернулась за полночь. Все в поселении давно спали. Здесь принято ложиться и вставать вместе с солнцем.

Ведьм не было. И я уже решила, что они обманули меня, как дверь тихо отворилась и в дом скользнуло три тени.

– Малла, – наша местная аррова ведьма улыбнулась. – давай познакомимся. Меня зовут Грайя, это, – она показала на вторую пожилую ведьму, – Ирга, а это, – она махнула в сторону молодой девчонки, которая вчера напоила меня отваром на ярмарке, – Муша.

– Не могу сказать, что мне очень приятно с вами познакомиться, – ответила я. Ведьмы бесцеремонно расселись на лавках в моей комнате. Еще бы. Они получается здесь уже сто раз были. Бессовестные! И я чувствовала, что еще никогда в жизни не была настолько зла ни на кого на свете, как на этих арровых ведьм. Даже на его сиятельство. Что за мир такой?! И ведьмы, и его сиятельство что-то от меня скрывают. И тут я вспоминал бабу с ярмарки. Она ведь сказала мне, что негоже быть разменной монетой в чужих играх быть. Вот, значит, о чем она говорила! Но откуда она узнала? Кошмар меня подери, что, вообще происходит?!

– Дочка, – заплюхала-засмеялась бабушка из местных, но я ее перебила.

– Я вам не дочка. Меня зовут Малла.

Нехорошо, да, мама бы мне за такое подзатыльник-то отвесила. Все же воспитывали они во мне уважение к старшим, но вот слишком велика была моя неприязнь к ведьмам этим.

– Малла, – как ни в чем ни бывало продолжила бабка, – я обещала тебе рассказать все, потому что ты все равно сама скоро узнаешь. Приложи руки к животу, дочка. Почувствуй.

Вот как только эта проклятая бабка сказала, я все поняла. У меня перед глазами поплыло все и я плюхнулась на лавку. Кошмар меня подери! А я ведь уже сколько дней думаю, что поправляться стала. Но почему я не замечала раньше? Почему не обращала внимания, что за все три с лишним месяца мне так и не понадобились пресловутые прокладки с крылышками или без?

– Тише, дочка, – тихо засмеялась аррова ведьма, – это мы постарались. Не вини себя. Нельзя никому знать об этом. Иначе беда будет.

– Ты же заметила, что здесь в поселении все вдовы бездетные? – вступила в разговор старшая ведьма, Ирга.

А я схватилась за живот, пытаюсь защитить. Спрятать. Ото всех. Кошмар меня подери! А ведь правда! Я детей-то еще здесь не видела, кроме тех, что в деревне у Сайкиной сестры были. Но как же так? Ведь не может же быть, чтобы все вдовами без детей оставались?

– Вижу, что не думала ты об этом, – молодая девчонка-ведьма присела рядом обняла меня за плечи, – не положено вдовам детей воспитывать. Это же тьма может и на них перейти и не устроят они судьбу свою. Поэтому забирают у вдов детей.

– Повезло тем, кто овдовел, когда дети взрослые, семей-

ные уже, – присела с другой стороны первая... Грайа... кажется... – Они часто с детьми так и остаются жить. Бездетные в таких вот поселениях живут, при каждом городе оно есть. А тех, что с детьми малолетними остались, в другой конец Гвенара везут. Муша наша оттуда.

– Верно, – присела передо мной на корточки третья ведьма, – и, поверь, столько боли и страданий я нигде не видела... Да только не долго вдовы мучаются... не выдерживают без детей-то... Если родственники есть, то детей им передают на воспитание. А если нет, то чужим. И не всегда сладкая это жизнь, Малла.

– И поверь, дочка, тебе повезло, что его сиятельство ничего не заметил, когда привез тебя сюда. Слишком маленький срок был. Не больше нескольких часов. И если узнает он о твоей беременности, то тот же час тебя отсюда заберут. А дитя родишь и не увидишь больше.

– Мы знаем откуда ты. И даже не будь ты вдовой, король на многое бы пошел, чтобы заполучить твоего сына.

– Древняя кровь, Малла... ребенок чистой Древней крови слишком большое искушение для братьев.

– Ты же знаешь, что его сиятельство следит за тобой? Поэтому мы и помогаем тебе скрыть твою беременность.

– Мы хотим сберечь твоего малыша...

– Мы тебя в кокон силы нашей кутаем...

– До самых родов прикроем...

– Ты только смотри не проболтайся никому...

- А то заберет у тебя малыша его сиятельство...
- А тебя саму в другое поселение отправит...
- Подальше от сестер твоих любимых..
- От огорода твоего...
- От колхоза...

Ведьмы кружили вокруг меня, говорили, чуть ли не перебивая друг друга. Но это только на первый взгляд казалось словно невзначай. А на самом деле все слова и движения укладывались в какой-то странный ритм. Когда я это заметила, оказалось, что уже искренне соглашаюсь и киваю на все слова арровых ведьм.

Сначала я испугалась и хотела заорать и разогнать их к чертовой бабушке. И уже рот открыла и воздуха в легкие побольше набрала, чтоб громче получилось. Но вовремя опомнилась... гипнотизируют меня ведьмы или нет, но то, что они говорят похоже на правду. А значит нужно быть хитрее и позволить им спрятать меня от его сиятельства. Если меня из поселения увезут, это будет крах. Такое я допустить никак не могу. И ребенка своего не отдам пока жива. И за жизнь свою и ребенка биться со всем светом буду.

Не зря бабушка та странная про две стороны говорила: король и герцог – это одна сторона. И им дитя другого мира нужно. И вторая – ведьмы эти арровы. Не знаю я, что нужно ведьмам, но... пока они помогают мне прятаться от его сиятельства, нам по пути. А потом посмотрим. Главное, не забыть бы свои мысли, потому что действует на меня ведьмо-

во внушение... мысли путаются... в сон клонит... я зевнула, чуть не свернув челюсть... веки тяжелеют... вот-вот усну... и знать... не буду... что... ведьмы... эти... заду... ма...ли...

Я уже почти засыпала, убаюканная странными танцами ведьм, как снова заболело где-то в сердце, загорелось, прожигая огнем внутренности...

– Отвар, – скомандовала Муша, и Грайя тут же приложила к губам кружку с привычным горьким отваром, и я хлебнула от души, помня, что именно эта гадость снимает жар и боль. – Силен... ох, и силен, мальчишка...

– Тише, – шикнула на нее Ирга.

– Она все равно ничего не слышит и не видит, – отмахнулась Грайя, и, правда, эти слова и неприятная усмешка на ее лице были последними, что я увидела.

– Малла, вставай! – меня разбудила Салина. Она стащила с меня одеяло и трясла за плечо, – завтракать пора. Солнце уже встало давно, я твоих овец выгнала в поле. А то ты вчера опять поздно вернулась. Ты что с господином Орбреном была?

– Салина, – простонала я, не открывая глаз и подтягивая ноги под длинную ночную рубашку, – ты с ума сошла? Ужас какой. Как ты могла подумать, что у меня может быть хоть что-то общее с этим негодяем. Я его ненавижу. И он меня тоже.

Я попыталась притвориться, что сплю, но Салина сдернула с окна кусок холстины, и яркое летнее солнце проби-

лось даже через полупрозрачное пузырчатое стекло. Кто-то непродуманно разместил спальню с восточной стороны, и теперь каждое утро настырное солнце будило меня спозаранку. Нет, обычно мне это даже нравилось, но не сегодня после дух бессонных ночей. И я вчера самолично занавесила окно тряпкой, чтобы поспать подольше. Штор-то у меня все еще не было.

– Да? А почему тогда он ходит по поселению и всех о тебе спрашивает, – сделала невинно-удивленный вид сестренка.

– Что?! – подскочила я на кровати, мгновенно проснувшись. – что он делает?

– Спрашивает о тебе, – Салина невинно захлопала глазами, а потом довольно рассмеялась, – и, вообще, уже пора вставать.

– Салина, – взвыла я и кинула в сестру подушкой, – ты нарочно все придумала?! Чтоб меня разбудить?!

– Про господина Орберна? – Салина поймала подушку, в которой давно нужно было заменить сено, – ничего я не придумывала. Ходит он. Спрашивает. Про колхоз, про то, кто придумал как сыры варить, про сарафаны и все остальное...

– Так вот кто его сиятельству все докладывает, – протянула я, чувствуя желание прибить этого мерзкого господина Орберна на месте, – у-у-у, негодяй!

– О чем ты, Малла?

После таких известий спать мне расхотелось совершенно.

Наоборот, откуда-то столько энергии взялось. Так и хотелось побежать и негодяю этому глазищи его фиолетовые выцарапать, чтоб неповадно было для его сиятельства шпионить. Да только доказательства нужны... без доказательств я больше никого ни в чем обвинять не буду. Опасно. Оракул бдит... кошмар его подери.

Пока одевалась, умывалась, волосы причесывала да уже привычно в косу пока еще короткую заплетала, рассказала как вчера ходила к господину Гририху посоветоваться, и что он мне говорил про пригляд от его сиятельства.

– Малла, но зачем он за тобой следит? – Салина внимательно выслушала и теперь смотрела на меня, округлив глаза.

– Потому что у него есть для этого повод, Салина. Я не могу тебе рассказать, прости. Но, поверь, во всем остальном я с тобой и со всеми остальными абсолютно искренна.

– Это как-то связано с твоим происхождением? – прошептала тихо сестра. А я кивнула, думая о своем мире. Но я не учла, что для Салины, а так же для всех остальных, никакого другого мира, кроме Хадоа, не существовало.

Но не все я рассказала Салине. О самом главном умолчала. О том, что после господина Гририха еще и с ведьмами встречалась. И что они мне рассказали о сыночке моем. От Орландо. Вот ведь как бывает на свете, через три месяца от моего зайки-алкоголика весточка пришла. И хорошо, что не знала я сразу об этом, а то бы мучилась, страдала бы, что

сын.. а почему именно сын? С чего это арровы ведьмы решили, что у меня сын? Я может дочку хочу.

Назову ее в честь мамы – Марией... Если здесь есть Муша, то почему бы Маше не быть...

Глава 30

– Салина, – мы уже пили чай цветочный, заканчивая завтракать, – скажи, а почему у нас в поселении детей нет?

Салина в этот момент как раз чашку к губам поднесла. И от моего вопроса поперхнулась и закашлялась. Да так сильно, что чай пошел носом. Пришлось вскакивать и хлопать по спине, чтобы ей легче стало.

– Салина, прости, – верещала я, прыгая рядом и не зная чем помочь. Стучать по спине сестра не дала, замахав на меня руками, как только я ударила в первый раз. А больше я ничего и не умела.

– Малла, ты что меня убить хочешь? – она покраснела, сипела, втягивая воздух, и вытирала слезы. Но когда немного отдышалась, вцепилась в мою руку, сжав запястье до боли, – ты все таки была с ним?!

– С кем? – не поняла я.

– С господином Орбреном, – прохрипела Салина, – была, да? Признавайся!

– Да что с тобой сегодня, – возмутилась я, – ты что ко мне с этим негодяем привязалась? Да я к нему не подойду, даже если он последним мужчиной на земле останется...

– Тогда с кем? С кем ты вчера была полночи, Малла? О! – она вдруг уставилась на меня, как будто бы впервые увидела, – Малла, ты сказала... Ты что с господином Гририхом?

– Да, – язвительно ответила я, – я вчера была с господином Гририхом. И Вилина нам ужин приносила, чтоб с голоду ноги не протянули.

– О-о-о! – округлила губы Салина...

– И мы, сестра, обсуждали дела колхозные! Про то говорили, как мастерские открывать будем! Овец разводить, шерсть стричь, нитки прясть, ткать и шить. И ничего больше! Поняла?!

– Малла, но почему ты тогда про детей спросила?

– Забудь, – отмахнулась я, понимая, что правы были ведьмы. Никому нельзя рассказывать о беременности.

– Малла, даже не вздумай, поняла?! – теперь от Салины было не отвязаться, – спать спи хоть с господином Орбреном, хоть с господином Гририхом, хоть со строителем каким, но предохраняйся. Нельзя нам детей рожать.

– Но почему?

– Да потому что заберут у тебя ребенка. Младенцем еще заберут. А ты останешься одна слезы горькие лить. И не здесь, Малла. Пойдем!

– Куда?

– Пойдем, говорю.

И как я не отказывалась, но Салина, крепко схватив меня за руку, поволокла куда-то на другой конец поселения. Я здесь не была даже ни разу. Как-то ни одной подружки у меня на этой улице не было.

А Салина по-хозяйски во двор на окраине зашла, дверь

толкнула:

– Грайя! Грайя! Ты дома?

– Что тебе, Салина? – аррова ведьма выглянула из сарайки рядом с домом.

– Нам отвар нужен. Вдовий. Для Маллы.

– Для Маллы говоришь, – ведьма многозначительно посмотрела на меня, – хорошо...

Я уже рот открыла возмутиться. А потом закрыла. Ну, и пусть. Пусть Салина спокойна будет. Пить я его все равно не стану. А то устроила, понимаешь, истерику. Прямо уже не спроси у нее ничего.

Грайя вышла из дома с объемной глиняной баклажкой, заткнутой притертой деревянной пробкой, через несколько минут.

– Вот, – сунула она мне бутыл, – по глотку каждое утро.

– Спасибо, – буркнула я и развернулась, чтобы идти домой.

– Стой! – Салина остановила меня, – Малла, выпей прямо сейчас, чтобы я видела.

– Дома, – попыталась отмахнуться я, – я выпью дома.

– Нет, Малла, сейчас.

Ага, разбежалась. Кто знает как зелье это противозачаточное на беременность мою подействует. Вдруг выкидыш будет. А мой ребенок это единственное мое родное по крови существо в этом мире. И тем более от Орландо. Красавица девка будет. Черноволосая, высокая. Да все мужики за ней

бегать будут.

– Салина, я сказала, что выпью дома...

– Пей, Малла, – перебила меня ведьма, – пей, не бойся. Все будет хорошо.

И подмигнула... Да чтоб ее! Кошмар меня подери!

Под пристальным взглядом Салины, пыхтя от возмущения и усилий, вытащила я пробку и поднесла баклажку к губам...

– Пей, Малла, – сестра не отводила от меня глаз. И пришлось наклонить баклажку, чтобы жидкость коснулась губ. И я просто с облегчением выдохнула, это оказался тот же самый отвар, которым ведьмы меня отпаивали во время странных приступов.

Я вздохнула, с укоризной посмотрел на Салина, чтоб ей стало стыдно за такое недоверие, и глотнула отвар. И увидела, как расслабилась моя сестра. Оказывается все это время она была напряжена, как струна.

– Малла, – выдохнула она и кинулась обниматься. И я с удивлением увидела, что плачет она, – Малла, прости, что я так с тобой. Но это так страшно, Малла, я уже думала, что потеряю тебя...

И если до этого момента я была спокойна, то сейчас стало не по себе. Ну, спрячут меня ведьмы во время беременности... так ведь роды не скроешь, а ребенка тем более... Ох, что-то тут нечисто... Что-то скрывают от меня ведьмы.

– Не забывай пить по глотку каждое утро, – улыбалась до-

вольная ведьма, – и ты сможешь не бояться непоправимо-го...

А я вдруг вспомнила ту усмешку, которую видела ночью... совершенно точно, ведьмы, скрывают от меня что-то важное.

Обратно Салина шла довольная. Улыбалась, хихикала, как обычно с соседками парой слов перекидывалась. А вот мне тревожно было. Что хотят ведьмы? Зачем они мне помогают? И не такие они добренькие, как может показаться. Весь этот день я об этом думала. И следующий. И фантазии мои были одна другой страшнее...

– Малла, – Салина дернула меня за рукав, когда мы дошли до дома, я баклажку хотела оставить, перед тем, как в поле идти, – Расскажи. Уже не вмоготу мне. Страсть как любопытно.

– Что рассказать? – не поняла я, вынырнув из своих неведомых мыслей.

– Да про господина Орбрена... Как он в постели-то?

Я аж зубами закричала от злости. Это что же получается сестра мне не верит? А еще сестра называется!

– Огонь, – мрачно ответила я, – до мозолей залюбил, сволочь. Всю камасутру на мне попробовал...

– Кама... что?

– Все позы, Салина. Мыслимые и немислимые. В вечной любви признавался и сказал, что женится. Завтра свадьба.

– Могла бы просто сказать, что ничего у тебя с ним не

было, – обиделась Салина.

– Да я тебе сто раз говорила, – обиделась в ответ я, – а ты мне не веришь! И это, знаешь, неприятно.

– Прости, – вздохнула сестра, – я наверное, правда, чересчур давлю на тебя. Но ты просто не видела, как он на тебя смотрит... даже бабы все сплетничают, что между вами что-то есть...

– Нет ничего между нами. Вернее, у меня к нему ничего нет. А этот негодяй стучит на меня его сиятельству... вот и следит пристально. Нет, ну, какой же гад!

Но хорошо, что все раскрылось. Я теперь осторожнее с этим господином буду. Никаких дел мне с ним иметь нельзя. Хорошо, что коровник они уже почти достроили. Еще немного, и свалят они из нашего поселения.

Но совсем от навязчивых мыслей о ведьмах и о господине Орбрене избавиться не удалось. Так весь день и проходила мрачная. И что это, вообще, такое? Сколько думать-то можно. Скоро голова лопнет от мыслей. И нервы, как провода оголенные. Чуть тронешь, так током шандарахнет, что сама не рада будешь. И вроде решила, что пока надо держаться ведьм, ведь они прикрывают мою беременность от всех, но все равно не по себе как-то было.

Мне даже господин Гририх, с которым мы к колхозному собранию, готовили расчеты по мастерской, сказал, что я плохо выгляжу. Испуганная какая-то... тревожная...

Но в Первый день, когда приехала ярмарка, все мои стра-

хи мгновенно вылетели из головы.

На ярмарку я не собиралась. Зачем? Там все равно не было ничего интересного. А мне нужно было дошить второй сарафан. Я же сразу два скроила. Не знала, что у Вилины Дар.

Салина убежала на ярмарку, хотела полазять на дальних рядах. Какой интерес непонятно. Там этих рядов-то всего две или три телеги.

– Малла, – Салина влетела ко мне домой, как ураган, – пошли быстрее! Там такое! Такое!

Она видимо бежала всю дорогу и теперь не могла говорить, задыхалась.

– Что там?! – здоровое любопытство мгновенно подняло голову, радуясь возможности избавиться от ненавистой иголки.

– Побежали, – выдохнула Салина, – только деньги возьми.

Ну кто после такого мог остаться равнодушным? Так что монетки в кулак и помчалась я за Салиной. Интересно же, что там такого случилось, что сестра за мной примчалась. Рыска ждала нас у края площади. Купцы уже закончили приготовления и подходили к господину Гририху, заверяя договор на участие в нашей ярмарке у Оракула.

Бабы вокруг гудели, как провода высоковольтные. И было от чего. Я когда на площадь-то посмотрела, тоже ахнула, и за Рыску схватилась.

– Хорошо, да? – улыбнулась счастливая Рыска.

– Хорошо, – выдохнула...

А все потому, что не было больше убогих телег с убогим товаром. Нет. В этот раз на дальних рядах стояли три телеги с вдовьими товарами, а все остальные... о! У меня ручки зачесались покопаться и поискать, что там есть.

– Салина, – дернула я сестру за рукав, – но ты же говорила, что нельзя вдовам это все... а колхозниц-то у нас в поселении меньше, чем вдов...

– Нельзя в городе на эти ряды ходить, – Салина сияла, как новогодняя елка, – а если они к нам сами приехали, значит можно. Понимаешь? Они ведь теперь к нам нормальный товар будут возить! Интересно, а в других поселениях так же?

Как только господни Гририх взмахнул рукой, обозначая начало ярмарки, прозрачный пузырь лопнул, мы помчались по рядам. О! Такого восторга я давно не испытывала. Сегодня к нам на ярмарку привезли все.

Ткани для сарафанов и рубах нижних. Хорошие, качественные и не один цвет, как раньше, а разные. И много. Вся телега доверху рулонами была завалена. Я себе отрез купила на белье... не Великого Мастера материя, конечно, но тоже очень хорошая, нежная и мягкая. И не дорого. Полгрота всего ушло.

А рядом телега с посудой глиняной стояла. Я сначала скривилась, такого добра мне господин Гририх бесплатно выдал... но, оказалось, что глина глине рознь. Эта посуда совсем другая. Красивая и изящная. А еще украшена растительным орнаментом. Та что попроще клинышками, кото-

рые в цветы и листья складываются. Та, что получше резными цветочными кружевами. Я себе крынку для молока купила. Не потому что нужна, а потому что из рук выпустить не смогла. На ней цветы, вроде тысячелистника нашего, так искусно вырезаны, что каждый лепесток и листик разглядеть можно... а на самом нижнем крае божья коровка сидит... да как живая... жаль только, что рисунки не крашенные. А этот «тысячелистник» оказывается и есть та самая синяя каша, которую мы каждый день едим. Вот кто бы знал. Я-то думала это просто луговые травы за околицей растут. Еще над Салиной посмеивалась, вспоминая, что говорила она о полях вдовьих.

Глава 31

Тут же по соседству металлическая посуда продавалась. Цены у нее, конечно, побольше. И на вид она сильно проще глиняной, но Салина сказала, что металлическая посуда долговечнее, а значит выгоднее. И вдовушки наши, не жалея, гроты отдавали. Расторгнется, чую, купец в ноль, вон у него как бойко продажи-то идут. Салина там блюдо купила. Огромное. На половину стола. Непонятно что она с ним делать собралась. Но сестра меня даже слушать не стала. Вцепилась, как я в кувшинчик глиняный. Оно и понятно, это мне металл привычен, в отличии от глины, а нормальным людям в Гвенаре наоборот. А Рыска купила жестяные стаканы... зачем? Не понимаю... даже не кружки же. С ними же чай пить неудобно, ни руками не взяться, ни губами не коснуться – горячо. И, вообще как-то в нашем мире такая посуда не котируется.

Так что пока сестры над жестяными тарелками восторженно охали, я дальше пошла. Мимо прилавка с бусами. Туда все равно не пробраться, бабы стеной встали. Да и не надо мне... у меня уже четыре нитки есть. А я их даже не надела еще ни разу. Не в огород же с ними на шею идти.

И тут меня кто-то за руку схватил.

– Девушка, подождите!

Оглянулась я, а это купец, который бусы нам продал в го-

роде. Стоит... смущенный такой. Шапку в руках мнет.

– Простите, – запинается, волнуется чего-то, – а ваша сестра разве не пришла на ярмарку?

– Что? – я даже растерялась немного. Не, ну, а чего он так. Без подготовки... – Пришла... вон она, – кивнула на толпу возле телеги с посудой, – с блюдом... А вам зачем?

Ляпнула и тут же поняла какую глупость сморозила. А купчишка-то как маков цвет вспыхнул. Я думала загорится, запольхает огнем-то. Странно, купец и такой стеснительный.

– Малла, – вылезла из толпы Салина со своим блюдом. А оно огромное, как щит половину Салины закрывает. Купец на нее глаза вскинул и еще сильнее покраснел, хотя казалось, больше некуда. А она его увидела и тоже растерялась, ушками заалела, глаза опустила...

– Э-э-э, – потянула я, – пойду-ка я дальше погуляю. А вы тут сами... без меня... побеседуйте.

Забрала я у Салины ее щит, неудобно же с такой огромной штукой на свидании-то, и пошли мы с Рыской дальше по рынку гулять. К бусам Рыску не пустила, обещала ей нитку на выбор подарить.

А дальше шкуры продавали. Выделанные. Мягкие, нежные. И не скажешь, что овчина обыкновенная. Даже я не сразу поняла, что это за мех такой. А ведь один сезон в шубах продавцом отработала.

Мечтала себе на полушубок заработать... всю зиму копи-

ла, чтобы весной подешевле купить. И купила бы, да только мой зайка-алкоголик машину в соседнем дворе разбил, когда с собутыльником дрался. Пришлось мой некупленный полушубок за ремонт капота отдать. Еще и не хватило. Потом год кредит выплачивала. Не мог же Орlando попроще авто выбрать. Ему же обязательно надо было в самый крутой джип на районе раскурочить. Хорошо мужик попался понимающий. Не стал с меня на новый капот трясти. Только за ремонт... половину. Ох, и слез я тогда пролила... никогда в жизни столько не плакала. А Орlando целых полгода в рот не брал. На работу вышел. Клялся, что купит мне целую шубу, а не половину. Правда запала не надолго хватило.

– Малла, ты чего? – Рыска меня от мыслей отвлекла.

– Ничего, – всхлипнула я. Так уж мне шубку захотелось... или к Орlando... я сама не поняла... аж до слез. И меха как раз у меня в руках оказались такие, из которых бы я полушубок себе сшить хотела бы. Ворс темный, густой, под норку. Переливается так, что кажется на каждом волоске по бриллианту... Цена, правда, у этой шкуры, как у коровы оказалась. Не по карману мне такая роскошь. У меня, вообще, полтора грот остался до конца месяца.

– Пойдем, Рыска, отсюда, – вытерла я слезы. Зачем мне мех... не в коровник же в шубе ходить... Только так обидно вдруг стало. Разве же я много хочу? Ну, почему мне муж такой достался? Был бы нормальный, жили бы ним душа в душу. И глядишь не тащила бы я котомки эти проклятые с

рассадой. И осталась бы дома. В шубе.

– Малла, – Рыска встревоженно заглянула мне в глаза, – все хорошо.

– Да, – кивнула я, – просто вспомнила кое-что... пойдём, посмотрим, что тут ещё есть, – улыбнулась через силу, запирая свою боль на замок. Нельзя думать о прошлом. Все равно ничего не вернуть. Ни зайку-алкоголика, ни папу с мамой...

Долго мы с Рыской-то не гуляли. Остальное так, мельком посмотрели. Одежда готовая. Видно не новая, но богатая. Но я даже в своем мире в секунд-хенд никогда не ходила, а здесь и подавно не буду с чужого плеча носить.

У телеги кузнеца потолкались. Рыска себе ухват новый купила. Красивый. И ручка-то у него резная, и сами рожки лепестками металлическими украшенные. Такого ухвата даже у короля на кухне нет. Это нам купец сказал. И я смотрела, ничего над его головой зеленое не светилось. Значит не врал.

Еще ленты купили косы заплетать. Красивые, яркие. Раньше-то к нам все больше самые простые привозили, серые. А тут у меня глаза разбежались от разнообразия. И цвета разные. И ширина. От самых узеньких, до широких, в ладонь почти. Там я свой предпоследний грот и оставила. На ленты на гребешки потратила.

Еще мы розки проклятые купили пару мешочков, нам на сыр нужно было, приправ кое-каких, муки немного.

А потом мы нагруженные покупками пошли по домам.

Покупок было столько, что я еле-еле доволоклась до дома.

И Салину сто раз вспомнила. Мало того, что интересно, как у них там с купцом сладилось, так еще и блюдо ее тяжеленное все время норовило упасть. И зачем ей такое огромное блюдо?

А Салина с купцом исчезли куда-то. Ни разу нам на глаза не попадались, пока мы с Рыской по ярмарке гуляли. Так что на всякий случай решила я к ней домой не заходить... А то же дело молодое, вдруг они там... того... а я помешаю. Оставлю у себя, сестра потом заберет.

Времени до обеда мало оставалось, решила я блины испечь. Вдруг Салина купца в гости пригласит. А угощать-то нечем...

Жарко летом возле печи, а окна-то здесь не открываются. Так что двери распахнула на всю ширь. И когда Салина калиткой скрипнула, сразу услышала. Глянула, а она одна идет. Но довольная, значит все хорошо у нее с купцом-то.

– Салина, – закричала я прямо из кухни и лопаточкой, которой блины переворачивала, помахала, – рассказывай быстрее! Чего купец хотел? Сыры-овощи или познакомиться?

– Малла, – ахнула Салина вместо ответа, – это откуда?!

И смотрит куда-то в сторону.

– Что там? – не поняла я. Сковороду отодвинула, чтоб не сторел блин-то и на крылечко вышла. А там на перильцах шкура небрежно брошенная висит... та самая. Я даже глаза протерла, думала привиделось. Но нет, висит.

– Салина, – ахнула я, – откуда это?

– Малла, – Салина свела брови и руки в бока уперла, – кто это тебе такие подарки делает? Признавайся, с кем шашни крутишь?!

– Ни с кем, – ответила я честно. Ужасно захотелось провести ладонью по меху... Вот как из простой овчины может почти норка получиться.

– Ты мне зубы не заговаривай, – Салина не поверила моим словам, – то три ночи неизвестно где пропадаешь, то шкура у тебя выделки Великого Мастера. И ты мне еще будешь говорить, что у вас с господином Орбреном ничего нет?!

– Почему сразу с ним? – не поняла я логики.

– Потому что ни одни его строитель не смог бы купить такой мех. Ты хотя бы знаешь сколько он стоит?

– Десять грот, – вздохнула я. Если бы руки не были в масле, то...

– Малла, ты должна отдать эту шкуру.

– Кому? Салина, я уже сто раз тебе говорила, что ничего и ни с кем у меня нет. Я, правда, каждый вечер хожу к господину Гририху. И сегодня я снова к нему пойду. Он меня читать и писать учит. И я понятия не имею откуда взялась эта шкура. Может быть она, вообще, не для меня, а для тебя?

– Для меня? – Салина растерялась, а потом покраснела, – да, Варн сказал, что меня ждет сюрприз...

– Варн? – вскинула я брови. А Салина вдруг засмеялась счастливо и, схватив шкуру, закружила у крылечка, на узенькой дорожке, топча свежескошенную траву. Я только сего-

дня с утра во дворе траву скосила. Обычная коса мне не давалась, так что я горбатилась с горбушей.

– Купец, Малла, – сестра сияла, как солнце, – который с бусами. Он такой хороший. Говорит, я ему сразу понравилась. Еще там, в городе. А когда торговалась, сразила в самое сердце. Почувствовал он родную кровь. И что Дар у меня есть догадался. И он первый собрался ехать торговать к нам в поселение. А за ним уже остальные подтянулись.

– Салина, – рассмеялась я, так хорошо стало на душе от радости за сестру, – мне кажется он нарочно это сделал, чтобы тебя найти.

– Он тоже мне так сказал, – порозовела сестренка, – мне так страшно... вдруг все это не по-настоящему. А просто так... Я не хочу, как Сайка.

– Значит не будешь, – пожалала я плечами, – все же от тебя зависит. И пошли уже обедать. Я блинов напекла...

Салина весь день не выпускала мех из рук, и сто раз, вслух рассуждая, что подкопит денег, купит пару шкур у признанных мастеров на шубу, а оторочку сделает из этого. И будет у нее тогда шубка не хуже той, что муж дарил.

И так глаза у Салины в этот момент сверкали, что у меня сердце щемило. Вот везет же кому-то... и муж хороший был. И мужчина, который впервые интерес проявил, сразу такой подарок сделал. Не зря мама говорила: с умом торговать, а без ума – бедовать, учись, дочка, дальше. Но мне с Орландо в сторожке сидеть интереснее было.

А вечером к нам девчонки пришли. Надо же было Салине подарком похвастаться. И блюдом. Мы на него овощи выложили. В разных видах. И жаренные, и тушеные, и маринованные и просто свежие. Огурцы, помидоры, баклажаны, перцы, капуста, кабачки, морковь... все, что выросло в огороде попало на это огромное блюдо. Очень живописно получилось.

Девочки, конечно же, тоже пришли не с пустыми руками. И пироги с кашей, и каша с разными приправами. Богатый по меркам этого мира стол накрыли. А Сайка наливочку принесла...

И обновы тоже каждая свои принесла похвастаться.

Глава 32

Рыска все ленты новые в волосы вплела, а концы свободными оставила. Получилось что-то вроде украинского венка, в котором мы в детве в танцевальном кружке народных танцев танцевали. Я туда недолго ходила, правда, оказалось, что костюмы за свой счет покупать нужно. А у моих родителей возможности такой не было.

Витка туфельки новые надела. Такие же, как у нас троих. Темные кожаные лодочки на тонкой подошве с небольшим каблучком из клеенной бычьей кожи, украшенные стеклянными бусинами. Красивые. И видно было, что гордиться Витка своей покупкой. Она когда шла непроизвольно носки вперед так сильно тянула, чтоб туфли во всей красе представить, что немного забавно это выходило.

Сайка купила себе платье роскошное. Все такое квадратно-гнездовое, пышное и объемное. И казалось бы, совсем не мелкая Сайка должна в нем смешно выглядеть, но не тут-то было. Где надо утянула, грудь в декольте выставила и свои красны бусы повесила, прическу высокую сделала... красавица. Прямо королева на старинных картинах. Оказывается такие наряды аристократки на балы надевали. Здесь, оказывается, такое развлечение тоже очень распространено. А то что обувь под платьем вдовья – деревянная, не видно.

У каждой вдовушки было показать. И я видела, как сияли

их глаза. И вдруг поняла, что дело вовсе не в самих обновках. Дело в том, что они впервые за долгое время почувствовали себя не хуже других. И именно поэтому изменился взгляд, движения стали другие и что-то еще, неуловимое ни одним органом чувств. Но я видела, что даже Дайра в платье-мешке, которая пришла со своей гуделкой на нашу вечеринку, стала другая.

Как будто бы в их глазах появилась жизнь...

Господин Гририх говорил мне, что вдовы доживают свой век во вдовьих поселениях. А сейчас, я видела, они начали не доживать, а жить.

– Салина, скажи, – отвлекла я сестру, – почему, когда королевский возница предлагал отношения, ты не позволила ему ничего. А от Варна приняла не самый дешевый подарок?

– Не знаю, – пожалала плечами Салина и рассмеялась, – наверное, Варн мне понравился, Малла. А вознице нужны были сыры, а не я сама... и вообще, он это не всерьез говорил.

– А Варн всерьез?

– Не знаю, – она притоптывала каблук в такт мелодии, которую наигрывала Дайра, – поживем – увидим.

– Верно, – мне стало так хорошо, от этого ее «поживем – увидим» и так захотелось поделиться тем, что поднималось откуда-то огромной волной. И я обняла сестер, сидевших с двух сторон от меня, – Рыска, Салина, я вас так люблю!

– Мы тебя тоже, Малла, – чуть ли не хором ответили, смеясь, сестры и прижали меня к себе, – пошли танцевать! Дай-

ра, сыграй-ка нам что-нибудь повеселее.

Все остальные вдовушки одобрительно загудели, а Дайра, улыбнувшись, легким движением руки изменила спокойную мелодию на задорную плясовую.

Натанцевались мы до упада. А когда все снова расселись за столом, я примостилась рядом с Дайрой.

– Дайра, скажи, а ты могла бы научить меня играть на гуделке?

– Могла бы, – улыбнулась она, – я слышала, как ты поешь, у тебя может получиться. Только это, Малла, труд. Долго учиться надо.

– А петь? Ты могла бы собрать несколько вдов и учить с ними песни? Чтоб потом перед всем поселением вы их пели...

– Ты имеешь в виду хор? – со смешком подняла бровь Дайра, – мой отец, Малла, руководит королевским театром. И у меня самой Дар очень сильный. Как ты думаешь, я умею руководить творческим коллективом?

– Но почему тогда ты здесь? – я никак не могла понять логику местных жителей. Зачем заживо хоронить тех, кто может принести пользу.

– Мне семнадцать было, – Дайра все так же улыбалась. Но улыбка стала грустной, – Глай пришел на спектакль и увидел меня. Нашел меня за кулисами. Он был так настойчив, Малла. И так красив.

Она помолчала немного, но я не знала что сказать, и бо-

ялась, что из-за моего неосторожного слова, Дайра перестанет рассказывать.

– Он ухаживал за мной, как за королевой. Засыпал цветами, подарками, и я сдалась. Влюбилась до сумасшествия. А отец, когда узнал, что Глай воин, запретил мне с ним встречаться. А тут еще его величество как раз в десятый раз овдовел. Всех воинов на границу отправили. И Глай уехал. Я думала с ума сойду. И как отец не отговаривал, собралась к нему. И отец поклялся Оракулу, что если я поеду, он меня из семьи вычеркнет. В сердцах сказал, эмоциональный он очень, несдержанный. Но Оракул принял его клятву. А я уехала. Без Глая, казалось мне тогда, жить не смогу.

– Он погиб, – прошептала я, чувствуя, как в груди снова печет от боли.

– Нет, – улыбнулась Дайра и смахнула слезу, – мы потом почти десять лет вместе прожили. А погиб он три года назад. Страшное тогда что-то намечалось на границе. Хорошо, что его сиятельство успел вовремя. Остановил хадоа...

– Остановил?

– Да. Мы тогда гонца отправили из крепости. Шустрый мальчишка, он по всему Гвенару мотался, его сиятельство разыскивал. И нашел. Долго мы ждали. Уже отчаялись, думали все погибнем. И мужчины, и женщины... Мы-то рядом встали. Никому не хотелось вдовой оставаться. Но его сиятельство успел вовремя. Мой Глай с друзьями впятером хадоа сдерживали, по герцог Оракула на помощь призвал.

Его светлость очень сильный. Почти, как его величество.

– Прости, Дайра, – я почувствовала себя виноватой. Напомнила, разбередила душу несчастной вдове.

– Не извиняйся, – Дайра плакала и улыбалась одновременно, – я радуюсь, когда про Глая вспоминаю. Жаль только, что не ушла я с ним, как остальные женщины... вытащил меня его сиятельство.

– Дайра, – обняла я вдову, – приходи завтра на собрание колхозное.

– Не сильна я в поле-то, Малла...

– Все равно приходи. Нам люди не только в поле нужны. Придешь?

– Я подумаю, – ответила Дайра.

– Дайра, хватит грустить! Сыграй-ка плясовую! – вклинилась между нами счастливая Сайка. Пока мы беседовали, остальные уже отдохнули и снова хотели танцевать,

А потом мы пели песни. Красивые в Гвенаре песни. Очень на наши народные похожи. Слушала я, а сама все про Дайру и ее Глая думала. Все же настоящая любовь она и в Гвенаре есть. Вот бы мне хоть когда-нибудь такую найти. Чтобы вспомнить о ней счастьем было, даже сквозь слезы, чтобы улыбаться.

– Малла, – Салина прижималась ко мне, – а ты чего не поешь?

– Так не знаю я ваши песни, – вздохнула я.

– А ты нам свою спой, которую знаешь. Девочки, – Салина

повысила голос, прерывая гул застолья, – Малла, нам сейчас песни из Хадоа петь будет. Давай, Малла...

И я дала. Все чувства, что мне сейчас душу жгли, выплеснула.

– Расцвели яблони и груши, поплыли туманы над рекой...

На втором куплете запела вместе со мной гуделка Дайры, и вдруг почувствовала я что-то... что-то такое, огромное и необъятное, будто бы вижу я столько много, сколько человеческий глаз увидеть не может... а потом показалось мне на мгновение, будто бы я в руках уголек держу. Почти потух он, одна только искорка мигает, вот-вот погаснет. А от дыхания моего искорка вспыхнула и загорелась чуточку ярче...

И тут песня кончилась. Замолкла гуделка.

А бабы-колхозницы сидят за столом улыбаются радостно со слезами на глазах, так на них музыка Дайры подействовала.

– Ох, Малла, какая песня, – вытерла слезы Салина, – я как будто бы с Ярком моим увиделась.

– А я с Валисом, – счастливо улыбнулась Нана и всхлипнула.

– А я с Крием, – даже моя тяжелая на эмоции Рыска плакала.

И все остальные тоже закивали подтверждая, что и они сейчас вспомнили тех, кого любили.

После такого как-то закончилось наше застолье. Ни пить

уже, ни плясать, ни петь не хотелось. Стали по домам все расходится, шепчась и делясь друг с другом дорогими воспоминаниями.

А я осталась Салине помочь прибраться, Дайра в уголке так и сидела, струны перебирая, словно с инструментом разговаривая.

– Пойдем, Дайра, – позвала я ее, когда мы закончили. Слишком сильно увлеклась она беседой с гуделкой и ничего вокруг не замечала. Я давно знала, все музыканты немного с придурью. Был у Орландо знакомый гитарист. Играл, как Бог, а пил как дьявол.

Попрощались мы с Салиной и вышли вместе с Дайрой во двор. А там ночь уже давным-давно наступила. Густая, темно-синяя, и звезды высоко-высоко в небе искорками светили, не складываясь в знакомые созвездия. Луна здесь тоже была, но очень маленькая, и от того ночи казались мне гораздо темнее, чем в нашем мире. Ветерок еле слышно шелестел нескошенной травой во дворе, надо будет завтра с горбушкой в гости наведаться. Некогда сестре двором заниматься, целыми днями она в правлении торчит. То с купцами договаривается, то овощи принимает с огорода, то сыры от Сайки, то отгружает купцам заказы.

Я зевнула, как-то внезапно навалилась усталость и хотелось побыстрее попасть домой и лечь в кроватку...

– Малла, не знала я, что песенница ты, – обняла меня за воротами Дайра, – Приду я завтра на собрание. Обязательно.

И рассмеявшись, убежала прочь по улице. А я не поняла, что она имела в виду, но переспрашивать не стала. И, широко зевая, пошла к себе, думая, как хорошо, что я живу по соседству. И через все поселение мне домой возвращаться не надо.

Я уже взялась за калитку, как кто-то схватил меня за запястье и резко дернул в сторону.

Глава 33

От неожиданности я не удержалась и кулем повалилась на землю. Но господин Орбрэн, а это был он, не дал мне упасть, схватил за плечи, затряс, как грушу, и зашипел зло:

– Ты что творишь, дура безмозглая! – а глаза фиолетовые прямо сверкали от негодования, – идиотка бестолковая! Хорошо, что я сегодня в поселении был, вовремя заметил и прикрыл!

Ну до чего наглый! Мне даже рот открывать не пришлось, я как раз зевала в этот момент, так что сходу зашипела в ответ. Хотела заорать, но мгновенно поняла, потом не отмоешься, Все соседи увидят нас вдвоем с этим негодяем, и все, пиши пропала. Ни в жисть никто не поверит, что у нас ничего не было.

– Вы, бесстыжий негодяй! Немедленно отпустите меня, и не смейте ко мне прикасаться! – я даже шею вытянула, и глазами сверкала не хуже чем господни Орбрэн до этого, – и, вообще, что вы делаете возле моего дома?! Следите, чтобы потом все доложить его сиятельству? Так вот, запомните, и доложите своему начальству. Я слово держу, молчу и никому ничего не рассказываю. И от вас мне ничего не нужно! И пусть герцог даже не вздумает приезжать за мной через год! Я лучше на всю жизнь вдовой останусь, чем по его указке замуж выйду.

Я уперлась двумя руками в твердую и мускулистую грудь господина Оргрена и изо всех сил толкнула опешившего от моей отповеди шпиона в сторону, прямо в заросли крапивы у калитки. Как-то упустила я этот момент... надо бы и за забором горбушкой пройтись. Папа-то постоянно между обкашивал...

Пока господин Орбрэн барахтался в крапиве, я, гордая одержанной победой, прошмыгнула во двор и закрыла калитку. Сразу стало спокойнее. И я даже вздохнула свободно. А то адреналин-то в крови плескался концентрированный. Очень уж нешуточной мне показалась эта ситуация.

Я еще раз сделал глубокий вдох и расслабленно выдохнула. Все закончилось. Все хорошо. Сейчас я пойду домой и лягу спать.

Сделала шаг по двору в сторону дома и услышала, как еле слышно скрипнул забор за моей спиной. Сердце рухнуло в пятки, во рту пересохло. Неужели это еще не конец?! Я медленно повернулась...

Господин Орбрэн вплотную к калитке, держась обеими руками тонкие бревнышки забора. И смотрел на меня с каменным лицом. Только глаза, светящиеся во тьме каким-то потусторонним светом, выдавали его злость... или даже ненависть.

Страх снова шевельнулся во мне, шустрой змейкой пробежав по позвоночнику вниз, собираясь ледяным облаком в районе копчика. Резко ослабли колени и захотелось сбежать

и спрятаться далеко-далеко. Чтобы никто не нашел меня. Но я не могла перестать смотреть в глаза господина Орбрена.

Не знаю, сколько времени то продолжалось, но мне показалось, что прошли годы или даже века. Но тут резко, так что я вздрогнула, взвизгнула дверь у Салины. Сестра выскочила на крыльцо и тихо крикнула:

– Малла, ты забыла тарелку из-под блинов! Малла... все хорошо?

Господин Оррен выругался одними губами и, еще раз особенно недобро взглянув на меня, исчез в темноте, будто бы его и не было.

– Малла, – встревоженная Салина, шипя от укусов крапивы, разросшейся с ее стороны вдоль заборчика между нашими дворами, окликнула меня снова.

Я, как замороженная, с трудом ворочая вдруг ставшим непослушным телом, посмотрела в сторону сестры. Сердце колотилось, дышала я так, как будто бы пробежала стометровку на время.

– Малла, что с тобой?

– Все хорошо, – выдавила я онемевшими губами, – все хорошо, Салина. Просто задумалась.

Я забрала тарелку и, пожелав сестре спокойной ночи, пошла домой. Надо было спокойно подумать о том, что случилось.

А дома, чинно-важно сидя на лавочке, меня ждали арровы ведьмы. Но они выбрали не тот день, и я готова была уже

выгнать их из дома и запретить входить без моего ведома, как Грайя вскочила, шагнула ко мне и заглянула в глаза.

– Орбрен?! – цокнула она недовольно, – не переживай, Малла, мы сможем защитить тебя от братьев. Давай, дочка, выпей отвар. – Мушка поднесла мне кружку. – И ложись спать. Нам нужно поработать. Это наглый мальчишка почти размотал наши нити.

Горький отвар привычно обжег язык. Но сегодня я безропотно выпила все до дна. Я не знаю, чего хотят арровы ведьмы. Не знаю, добры ли их намерения или они тоже держат камень за пазухой. Но господин Орбрен, шпион двух братьев: короля и герцога, наглядно показал мне, что церемониться со мной не будут.

Меня снова передернуло от той злобы и ненависти, что плескалась в его глазах. Пощады мне не будет Моего сына, или дочку, заберут сразу и еще неизвестно, что сделают со мной. Я никогда не увижу своего ребенка, а этого я допустить не могу. Пока ведьмы на моей стороне, просто потому, что против братьев. А когда я почувствую угрозу от них... не знаю, но почему-то не верю я в их бескорыстную доброту. Хотела бы, но не верю. И я что-нибудь придумаю.

А сейчас послушно легла в постель, закрыла глаза и приказала себе: «Спать». Сейчас главное, чтобы ведьмы снова наложили свои чары, или поколдовали, или что там они делают, чтобы никто не заметил, что я ношу под сердцем ребенка. А завтра я подумаю и о том, что случилось сегодня

ночью во дворе, и о том, как мне сбежать от ведьм.

Только проведем с господином Гририхом колхозное собрание...

И надо еще помидоры пасынковать, уже два дня откладываю...

И огурцы подвязать...

И школку свою проверить. А то с этими треволнениями уже несколько дней мельком только смотрела...

И еще овцы у меня... надо с ними то-то решать.

И...

– Проклятые арровы ведьмы! – мелькнула последняя осознанная мысль.

Глава 34

Утром я проснулась с первыми лучами солнца удивительно отдохнувшей. Казалось каждая клеточка тела звенела от переполнявшей ее энергии. Я потянулась и положила ладони на живот... надо же... у нас с Орландо будет ребенок.

Мой зайка-алкоголик где-то там далеко-далеко, так далеко, что я никогда его больше не увижу. Но он смог оставить мне частичку себя. И я сделаю все, что угодно, лишь бы у меня никогда не забрали нашего малыша.

Я немного полежала, прикидывая как выкрутиться из этой ситуации. Но вот так сходу ничего не придумывалось. Тем более вчерашний вечер вспоминался как сквозь туман. А ведь вчера я видела не только ведьм. Был же еще кто-то. Немного раньше...

И тут я вспомнила. А даже села на кровати от неожиданности. Это что получается, я забыла и то, что встретила господина Орбрена, и то, что было потом? Но почему все стерлось из моей памяти? Ведьмы же не стали бы этого делать? Или стали? Проклятые арровы ведьмы! И господин Орбрэн с его сиятельством! Как же меня это злит. А вдруг и раньше было что-то подобное. И я просто не запомнила, как видела этого негодяя? Или ведьм!

– Малла, – в спальню заглянула Салина, – вставай. Сегодня же собрание.

На собрание идти было страшно. Как же иначе, ведь мне снова придется держать речь перед всеми. А я не привыкла к публичным выступлениям. Их было-то в моей жизни по пальцам руки пересчитать. И все здесь, в Гвенаре. Ну... не назвать же выступлениями мое тихое бляенье у школьной доски. У меня всегда коленки тряслись и я забывала все, что учила. А сейчас... сейчас же надо было не просто рассказать, но и убедить вдовушек, что не нужно сидеть на попе ровно, нужно двигаться и развивать колхоз. И помогать тем, кто не может работать в поле. Как Дайра. И привлекать другие поселения вдов...

А тут еще куча других нерешенных вопросов в голове крутилось. Ох уж этот Гвенар! Как я хочу обратно домой, чтобы не думать, не выступать, жить своей тихой и спокойной жизнью... Орландо тоже ведь там остался. А у нас ребенок теперь. И хотя умом-то я понимала, что ничего моя беременность не исправила бы, где-то в сердце жила надежда – «а вдруг!»

– Малла, ешь быстрее, – это снова Салина меня отвлекла, – уже идти пора, а ты еще завтракать не закончила.

Я вздохнула. Надо как-то решать все эти вопросы. А может забить на все проблемы? И пусть все идет так, как идет? Я же всегда так делала раньше. И тут мне поплохело. Это что же получается, я просто никогда ничего не решала, перекладывая ответственность за свою жизнь на других? Сказала мама: иди на швею – пошла. Сказала подруга: иди про-

давцом в торговый центр – пошла. Сказала другая подруга: не отказывай Орландо, он же красавчик...

– Малла! – снова позвала меня Салина.

– Подожди! – отмахнулась я, – успеем! Мне надо подумать!

Но подумать так и не получалось. То, что я поняла о себе оказалось гораздо важнее тех проблем, что меня окружали. И я будто бы со стороны увидела всю свою жизнь там. Всегда не сама. Всегда на поводу у других. И я никогда не задумывалась, устраивает ли меня результат чужих решений. Что вышло – то вышло. Я просто плыла по течению дальше, не замечая, что выбранная другими дорога привела меня в болото. Ненавистная работа, муж алкаш, смертельно скучная жизнь. И я не выбралась бы из этой трясины, если бы не... не кто? Его величество, который притащил меня сюда? Его сиятельство, который привез меня во вдовье поселение? Господин Гририх, который почему-то поверил малознакомой девице и поддержал ее глупую идею?

Или... я сама все это сделала. Сама поставила подножку его величеству. Сама сказала, что не пойду замуж за Илью Муромца. Сама придумала колхоз и убедила господина Гририха, что это стоящая идея.

Вот странно. Вроде бы то же самое. А как все изменилось!

А по поводу господина Орбрена и ведьм... возьму у господина Гририха листочек выпишу, все что меня беспокоит и подумаю. Я же как-то видела рекламу про «съесть лягуш-

ку» Заинтересовалась. Заглянула. Тогда мне все эти разговоры про поделить большую проблему на мелкие кусочки и решать все по частям, показались скучными до зевоты. И я посмотрела не больше десяти минут. И то, потому что мама читала мне очередную нотацию по поводу родить ребенка. А я делала вид, что меня очень интересует то, что вещает дядька в телефоне. Но кое-что я запомнила. Жаль мало. Он, наверное, говорил много полезного.

– Все, – решительно поднялась я из-за стола, – пошли, Салина.

– Уже подумала? – усмехнулась сестра.

– Да, – спокойно и серьезно ответила я. И увидела, в глазах Салины мелькнуло что-то похожее на удивление.

– Ну, пойдем тогда, – задумчиво ответила она, – пойдем, Малла.

И чего это она?

На собрание мы пришли почти последними. Но с другой стороны, у меня не осталось времени бояться. Я сразу же прошла к столу господина Гририха, потому что мы решили, что именно я буду проводить собрание, продвигая свои идеи.

Все колхозницы сразу же зашушукались и стали смотреть на меня. А мне почему-то совсем не было страшно. И я, несколько не стесняясь, рассматривала вдовушек, сидящих передо мной, отмечая, что пришла Дайра. Она сидела в самом дальнем углу, не выпуская из рук гуделку, и беззвучно перебирала струны, как будто бы наигрывая какую-то мелодию.

А еще там же, рядом, стояла Зарна, соседка Глаи. Мы уже отчаялись привлечь ее в колхоз, но сегодня она пришла сама. И вид у нее был... ну, как будто бы она готовилась прыгнуть с обрыва в незнакомую реку. Восторг от собственной смелости или безрассудства и панический страх одновременно. Интересно.

Рядом было еще несколько вдовушек. Думаю, это те, которым пришла очередь вступать в колхоз. Или, скорее всего, как раз те, кто лучше всех прядет, ткет и шьет. Уж в способности господина Гририха привлечь именно тех, кто нам нужен, я нисколько не сомневалась.

– Кхм, – прокашлялся господин Гририх, – итак, колхозницы... бабоньки, очередное колхозное собрание объявляю открытым. И сегодня Малла расскажет нам о своих новых предложениях, которые могут быть нам полезны.

Я согласно кивнула и вышла вперед:

– Девочки, – начала я с воодушевлением, – я думаю, что мы не должны останавливаться на достигнутом. Сыры, мясо птицы и овощи – это все приносит нам очень хорошие деньги. Но мы можем больше...

Я говорила и говорила. Рассказала, что такое клуб, и чем будет заниматься Дайра в колхозе. И я видела, как загорелись ее глаза, когда бабы одобрительно зашумели на предложение открыть в колхозе клуб. Петь-то у нас многие умели и любили. А под руководством Дайры мы, вообще, как соловьи запоем. Этого я, конечно, не сказала. Побоялась, что

вместо соловьев «Малла Вильдо из Хадоа» получится. Нет здесь таких птиц.

– Девочки, – подмигнула мне Салина, я ей немного рассказывала о планах, – а ведь мы можем в другие вдовьи поселения ездить, песнями нашими и музыкой Дайры вдов радовать. Вспомните, как мы сами до колхоза жили. Да разве не рады были бы, если бы к нам хор приехал?

Не забыли вдовы. И понимали прекрасно, о чем Салина говорит. И постановили, что быть у нас в колхозе клубу. И хору. Вдовьему хору. Чтобы все помнили кто мы и откуда.

За клуб проголосовали единогласно. И тут же, не откладывая дело в долгий ящик, записались почти все колхозницы в хор. И я тоже. Не хотела, конечно, не так уж хорошо я пою, но Дайра так умоляюще смотрела на меня, что я не нашла силы отказаться. Теперь буду ходить на репетиции два раза в неделю. И зачем оно мне надо было.

После хора перешла я к рассказу о мастерской ткацко-швейной. Рассказала о наших с господином Гририхом расчетах, о стандартных размерах, о пошиве линий одежды. Тут меня Вилина поддержала. Она-то тоже в курсе была, мы когда с господином Гририхом доходность подсчитывали к ней за помощью обращались.

Слова лились легко и непринужденно, словно я всю жизнь только и делала, что выступала перед публикой. И мне даже понравилось видеть восторг в глазах Наны и госпожи Гририх от возможности проявить свои Дары в полной мере, радость

в глазах вдов, которые пришли вступать в колхоз, когда они понимали, что для них тоже есть место среди нас.

За мастерскую тоже проголосовали дружно. Тут же распределили обязанности. Нана стала бригадиром ткачей, а Вилина – швей. И права я оказалась, все вдовушки, которые пришли к нам на собрание, шустро по бригадам распределились. И озадачили Салину закупом шерсти и тканей.

– Бабоньки, – поднялась со своего места Сайка, – только у меня к вам просьба, давайте сначала себя сарафанами обеспечим. А то сейчас у каждой по одному да по два платья. Приходится и в мир, и на работу одно и то же надевать...

И тут меня озарило. Спецодежда!

– А давайте мы нашьем накидки из такой ткани, чтоб грязь сходила легко. И будем их на работе надевать? Поработала, сняла и все чисто. А то сарафаны передевать долго. А так можно даже в поселении быть красивой.

– Так можно и в старом, – возразил кто-то. Но Сайке моя идея понравилась. И благодаря ее настойчивости, у нашей мастерской появился первый заказ.

Собрание подходило к концу. Я открыла рот, чтобы поблагодарить вдов за доверие. И в этот самый момент, перебывая меня и отвлекая внимание слушателей, в правление вошла бригада строителей во главе с господином Орбреном.

– Привет, колхозницы, – весело и непринужденно, сияя белозубой улыбкой, поприветствовал он моментально потерявших голову от мужского внимания вдов.

Бабы, расплывшись от счастья, конечно же забыли про все дела и застреляли глазками в мужчин-строителей и их бригадира.

А я закипела. Почувствовала прямо, как злость во мне поднимается нешуточная.

– Что вам нужно?! – громко зашипела я, а этот негодяй, спокойно прошел ко мне, и слегка толкнув плечом, задвинул назад. Я едва сдержалась, чтобы не ударить эту сволочь как следует. В руках просто ничего не было. А то бы по голове-то огрела.

– Бабоньки, мы закончили строить ваш коровник, – словно сожалея развел руками господин Орбрэн, – и нам пора уезжать.

Что тут началось. Бабы взвыли, запричитали, мол, как же так, договаривались же, что строить они у нас и сыроварню будут. И все остальное.

Я тоже огорчилась. Ее неизвестно, какая бригада нам попадется, а господин Орбрэн, хотя и негодяй первостатейный, но работу свою выполнял честно и качественно. И так быстро, что я диву давалась. Явно у господина Орбрэна Дар подходящий. Коровник у нас получился как игрушка. Добротный, красивый и даже резьбой украшенный. Прелесть какой коровник. Если бы в нашем мире такой коровник построить, то можно гостей из города приглашать на экскурсию. Чтоб полюбовались, молочка свежего попили, коров посмотрели. Были у меня подружки городские, никогда в жизни их не ви-

девшие.

А господин Орбрэн еще раз взмахнул рукой, баб к тишине призывая и продолжил:

– Но мы можем и остаться, и более того не возьмем с вас денег за строительство коровника, если, – он выдержал многозначительную паузу, оглядывая баб, забывших как дышать от ожидания, – если вы нас всех к себе в колхоз примете.

И конечно же никто не услышал мой возмущенный вопль. Потому что бабы орали, как на концерте любимой группы. Мне на секунду даже показалось, что они сейчас строителей наших качать начнут.

А я не выдержала и треснула господина Орбрэна кулаком по спине. Несколько раз. Ну, да... он даже не почувствовал. Что ему мой кулачок. Хмыкнул только и даже не повернулся. А то бы я ему глазенки-то выцарапала бы.

Когда бабы проорались, этот негодяй снова поднял руки, призывая к тишине. Позер бесстыжий! Ух! Как я его ненавижу! Своими руками придушила бы!

– Если вы одобрите наши кандидатуры, то в таком случае указом его величества вдове поселение при городе Варде упраздняется с даты нашего вступления в колхоз. А земли и само поселение отдаются во владение колхозу «Светлый путь» за развитие сыроделия и овощеводства в Гвенаре.

После этих слов в правлении воцарила тишина. Я даже слышала, как у меня сердце стучит. Я совсем не поняла, что означает этот дар, но то, что он меняет нашу жизнь, перево-

рачивая все с ног на голову, осознала. Теперь колхоз «Светлый путь» не просто кружок предприимчивых вдов, а предприятие, одобренное королем Гвенара, а значит... что-то это значит. Что-то очень важное. Нужно будет потом спросить господина Гририха.

А то, что все будет так, как хочет его величество – очевидно. Все бабы единогласно проголосуют за то, чтобы этот нехороший человек, господин Орбрэн, со своей бригадой стали колхозниками. Если бы не глубоко неприятная мне личность бригадира, то я бы тоже обрадовалась. Все же мужчины нам в колхозе нужны. Слишком много физически тяжелой работы в колхозе. Но вот чтобы Он был членом нашего колхоза, мне жутко не хотелось.

Но по-моему не вышло.

Через секунду молчания, бабы в правлении заорали так восторженно, что чуть окна целы остались. А потом единогласно проголосовали за то, чтобы принять в колхоз господина Орбрэна и его бригаду. Почти единогласно. Я проголосовала против.

После того, как новоиспеченные колхозники, довольно гогоча, расселись на скамейках, господин Гририх встал, чтобы закончить собрание. Все равно после таких новостей никому дела на было ни до каких дел. Бабы наперебой зазывали мужчин в свои бригады, хотя было очевидно, что они как строили, так и будут строить.

– На этом все, бабоньки, – махнул рукой господин Гри-

рих, – расходитесь.

– Подождите, пожалуйста! – раздался отчаянный крик Зарны.

Это прозвучало так неожиданно, что все на мгновение замолкли, а Зарна бледная до синевы решительно вышла вперед.

– Вот, – она бросила на стол господина Гририха горсть бус из бутылочного стекла, – я умею варить стекло...

И замолчала. И она, и все остальные тоже. И только я опять ничего не поняла. Ну, умеет, и что? Как же я плохо знаю этот мир! Все же трех месяцев недостаточно, тем более, я не особо и вникала. Не интересно же. И подумаешь, немного странного вокруг происходит. Да только сейчас этих странностей накопилось столько... не забыть бы бумаги взять у господина Гририха.

– Я... – Зарна прокашлялась в абсолютной тишине, – могу делать бусы. Если у меня будут красители, а я знаю секреты, то сумею сделать и цветное стекло.

Она закончила и замолчала, опустив голову и ожидая вердикта. Все молчали, словно признание Зарны их шокировало.

Глава 35

– Зарна, – я попыталась прояснить ситуацию, но тут на Зарной навис грозный и ошеломленный господин Орбрэн.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил он сверкая своим фирменным взглядом, которым прожигал меня вчера вечером, – кто тебя научил?

– Никто, – прошептала Зарна и вжала голову в плечи.

– Да ну? – с усмешкой произнес господин Орбрэн, нависая на несчастной вдовой, – не может быть. Врешь?

– Нет. Не вру, – вскинулась Зарна, а потом опустила голову и призналась шепотом, – никто меня не учил. Я сама... я.. я за соседом-стекольщиком тайком подглядывала... у меня Дар...

Орбрэн хмыкнул, Зарна вспыхнула, а бабы вокруг как-то неприятно заулыбались. А я снова ничего не поняла.

– Дар, значит, незарегистрированный? – мерзко хохотнул негодай.

Зарна мотнула головой из стороны в сторону. Она все так же стояла, опустив взгляд в пол, и чуть не плакала.

– Только как носитель... поварского. Семейного.

Тут до меня стало доходить... Салина же говорила, что есть способы. Кошмар меня подери! Это что же получается, что Зарна... и это в Гвенаре, где походы налево страшно порицаются? Ведь изменщиков сразу сдает справедливый Ора-

кул! Бедная... Ей же всю жизнь приходилось скрывать свой Дар. Вон даже училась тайком. Потому что ее Дар раскрывал то, что ее родители сумели как-то скрыть. Интересно, как ей это удалось?

Впрочем какая разница! У нас теперь есть стекло! И бутылки эти даром колхозу не сдались, а вот банки! Бутылки! О! Это же золотое дно! Если еще найдем кузнеца какого-нибудь. Или кого там... чтоб нам крышки сделал. Кстати, о крышках... у меня в рюкзаке крышки жестяные были. Тетя Клава передала... и, вообще, почему это за столько месяцев я даже ни разу туда не заглянула? И вещи мои... даже в руки ни разу не взяла. Словно забыла про них напрочь. Не иначе происки проклятья герцогского... чтоб ему пусто было! Я даже про авторучку сколько раз вспоминала, а сама ее ни разу не доставала даже. Но я подумаю об этом позже. Вечером. Когда «лягушку» буду препарировать. Пока надо разобраться здесь. Со стеклом.

– Зарна, – кинулась я к соседке моей подруги, оттесняя в сторону господина Орбрена. Точно так же, как он меня чуть раньше, – это же замечательно. Скажи, а ты сможешь сделать емкости из стекла? Я тебе форму нарисую.

– Емкости? – удивилась Зарна, – не знаю. Смогу наверное... я не знаю силу Дара, Малла. Никто же не проверял никогда. Но зачем тебе стеклянные емкости? Хрупкие же. Лучше из глины...

– Нет, – мотнула я головой, – не лучше. Господин Гририх,

можно мы сегодня с Зарной к вам придем? У меня есть еще одна идея. Надо посоветоваться.

Господин Гририх сокрушенно вздохнул и согласно качнул головой... ну, да. Я же его уже сколько дней допоздна мучаю. И это помимо уроков по чтению и письму на гвенарском. А сейчас у меня еще вопросы появились. Другие. С которыми я больше ни к кому пойти не смогу, потому что больше никто не знает, насколько я чужда этому миру.

– Может быть я смогу тебе помочь, – вкрадчивый голос негодяйского негодяя почти заставил меня подпрыгнуть от неожиданности, – мы же теперь тоже колхозники. И ты можешь прийти ко мне за помощью или советом в любой момент...

И тут бабы, до этого молча поворачивающие головы, отследившая реплики, понимающе заулыбались и захихикали. Кошмар меня подери! Салина же говорила, что уже сплетни ходят про меня и господина Орбрена. И хорошо, если вчера ночью никто не видел негодяя этого возле дома моего...

– Нет, спасибо, – как можно более холодно ответила я. Почему в присутствии этого человека во мне будто бы включалась другая я? Я даже говорила с ним по-другому, – я не нуждаюсь в вашей помощи.

А господин Орбрэн громко хмыкнул и подмигнул с наглой, похабной улыбочкой. И конечно же, все это увидели все. По правлению мгновенно зазвучали смешки.

Что на меня нашло? Не знаю. Я размахнулась и со всего

маха вlepила этому грубияну пощечину.

И такую сильную, что голова у него мотнулась в сторону. И такую звонкую, что ее, наверное, в другом конце поселения было слышно.

В правлении мгновенно все застыли. Тишина воцарила – мычание коровы на дальнем лугу, как гром прозвучало. Это же получается я, простолюдинка, руку на дворянина подняла. Пусть даже он самого низкого уровня и бедный, как мышь церковная.

А моя рука уже замахивалась для второго удара. Но господин Орбрэн еще раз ударить себя не позволил, перехватил мою руку. И снова знакомо зашипел, сверкая фиолетовыми глазами:

– Ты что творишь, дура?! Ты на кого руку подняла?! Ты хотя бы представляешь, что тебе грозит за такое?!

Я не представляла. И уже даже пожалела о своем поступке. Надо было словами высказать ему все, что я думаю. Ну, или тихонько, так чтоб никто не видел, треснуть его по спине кулаком. Не больно ему, но зато я бы сейчас не стояла перед всеми, как оплеванная.

Но прощения просить я у этого негодяя ни за что не буду. Пусть лучше меня Оракул испепелит на месте.

– За непреднамеренное публичное оскорбление представителя аристократии, тебе, Малла, полагается три дня в кутузке, – быстро и как-то даже торопливо произнес господин Гририх, – но в город мы тебя повезти не можем, поэтому бу-

десь отбывать наказание здесь. Пойдем, Малла.

– Я не согласен, – вальяжно заявил негодяйский негодяй и довольно осклабился, – я отвезу ее в столицу и пусть...

– Вы забываетесь, господин Орбрэн, – резко перебил его господин Гририх, выделяя интонацией слово «господин». – Это мое поселение, и здесь я наделен правом решать судьбу каждой вверенной мне вдовы. А с указом его величества, в котором возможно и есть изменения, я еще не ознакомился.

А мне было все равно. Я слушала, но не слышала, что они говорят. Вот так вот, Малла, впервые в жизни попадешь в тюрьму. И за что? За то, что впервые в жизни посмела постоять за себя не на словах, а на деле. Но ничего, господин Орбрэн. Я злая и память у меня хорошая. Запомню я. Не забуду.

Бабы сидели молча. Да уж... собрание сегодня выдалось. Скандал на скандале. Теперь год будут косточки перемывать и Зарне, и мне, и господину Орбрэну. Надеюсь, хотя бы перестанут говорить, что у нас с ним что-то есть. Должна же быть хоть какая-то польза от того, что я трое суток в камере отсижу.

В камеру, оказавшуюся вполне себе приличной комнатой тут же в правлении, меня отвел господин Гририх. Молча. Вот перед ним мне было ужасно стыдно. Все же именно этот человек завоевал мое искреннее уважение и доверие.

– Господин Гририх, – остановила я его, когда, тяжело вздыхая, комендант нашего вдовьего поселения собрался

выходить, – простите меня. Я не хотела.

– Я знаю, дочка, – грустно улыбнулся мне господин Гририх, – Орбрен молодой, горячий. Торопится. Сначала делает, а потом только думать начинает. Прости его, дочка. Он ведь не со зла.

– Нет, господин Гририх, – мотнула я головой, – не могу я его простить. Я, конечно, виновата, что не сдержалась, но он меня нарочно провоцировал. Вы же тоже видели.

– Видел, – вздохнул господин Гририх, – да только... э-эх...

Он сокрушенно вздохнул, махнул рукой, показывая свое отчаяние, и вышел, закрыв меня на засов с той стороны.

А я осталась отбывать наказание.

Комнатка, где мне предстояло прожить три дня, была небольшая. Площадь не больше восьми-деяти шагов. Кроме кровати и стола с табуреткой ничего и не помещалось. Небольшое окошко напротив двери было обычное, без решетки. И если забыть про закрытую на засов дверь можно подумать, что я просто в гостях у господина Гририха.

– Малла, – услышала я приглушенный шепот, и в окно затарабанили, что было сил, – Малла...

– Салина, – тоже почему-то зашептала я, взявшись руками за раму. А то сестра так сильно стучала, что я даже испугалась, как бы все не вывалилось. – У меня все хорошо. Не переживай за меня. Ты овец отведи, пожалуйста, Варле. Пусть присмотрит пока я здесь. А то пропадет скотинка. И

пару ведер воды бы им отнести в обед. Я там на лугу колоду поставила.

– Хорошо, – громкий шепот Салины было удивительно хорошо слышно, – если тебе что-то надо, ты скажи, мы здесь с Зарной, она сможет вытащить стекло и вставить обратно так, что никто ничего не заметит.

– Нет, – рассмеялась я, – спасибо. Мне ничего не нужно. Хотя... Салина. Попроси, пожалуйста, у господина Гририха несколько листов бумаги и перо.

– Хорошо, Малла. Я скажу.

Сестра с Зарной убежали, а мне стало так легко и хорошо. Что такое три дня? Да ничего. Я как раз успею не спеша мысли в порядок привести. Зато как я негодяю этому пощечину влепила! От души!

Наверное, Салина сразу же пошла к господину Гририху с моей просьбой, потому что не прошло пяти минут, как он заглянул ко мне на дольку и передал несколько листов бумаги и перо с чернильницей.

Я присела за стол и положила перед собой чистый лист. Было немного страшно. Я растерялась даже, не зная что, как и в каком порядке писать. Посидела немного, глядя на пустые строчки и одинокую кляксу посреди листа... я пока не научилась не ставить кляксы.

И решила, что запишу вопросы в том порядке, в каком они придут ко мне в голову. А уж потом буду разбираться, в каком порядке нужно искать ответы. Писать решила по-

русски. Никто не прочитает, и на генарском я еще читала и писала с трудом.

Но все вопросы исчезли. И если утром у меня голова пухла от вопросов и нерешенных проблем, то сейчас я не могла вспомнить толком, о чем тогда думала. Поэтому первый вопрос звучал: «Почему я забываю о том, что было, о том, что я хотела, о том, о чем я думала?» Все же я никогда не была забывчивой. И я всегда любила помечтать, пофантазировать, представить как мы с Орландо будем жить, если он перестанет пить. А сейчас я стала какой-то чересчур приземленной. И мысли у меня исключительно о сегодняшнем дне. И даже сейчас я уже забыла то, что беспокоило меня буквально пару часов назад.

И это как-то совсем неправильно. Может быть это побочный эффект от ведьминского колдовства, от кокона этого, которым они мою беременность от глаз людских прячут? Вот и второй вопрос.

А еще они обещали спрятать меня до самых родов. Но вот что я буду делать потом? Я ведь сколько раз пыталась об этом подумать, но... всегда находилось что-то более важное, чем мое собственное будущее. Пасынки какие-нибудь на помидорах... или подготовка к колхозному собранию...

Я сидела, размышляла, записывая все непонятные для меня моменты. Например, зачем ведьмы мне помогают? И почему я так слепо доверяю им? И зачем за мной следят его величество и его сиятельство? Ведь если они не знают о моей

беременности, а они о ней не знают, то зачем им это нужно? Да, даже если знают. Сомневаюсь, что они следят за каждой вдовой, которую определили во вдове поселение. А значит нужно узнать, чего они хотят от меня?

Листок очень быстро покрывался вопросами. Я не думала над ответами, сосредоточившись только на записи сами вопросов. И с каждым мигмом понимала, эта непонятная забывчивость неспроста. Так не бывает, чтобы память работала там избирательно.

Потому что все мои вопросы однозначно складывались в четыре группы: ведьмы, братья и господин Орбрэн, ребенок и... Дар. Или Дары? Ведь Дар огородничества у меня никуда не делся. А еще я очень быстро стала довольно сносно разбираться в местных травах, и если постараюсь, смогу определить состав ведьминского напитка, осознала я только что глубину своих знаний. А еще Дайра назвала меня песенницей. А когда мы ехали из города я вылечила господина Гририха. Я же слышала, как Вилина говорила, что ему стало намного лучше и он перестал стонать по ночам от боли. И это совершенно неправильно. Уж то, что у каждого человека может быть только один Дар, я за эти три месяца узнала точно.

Глава 36

Чем больше я писала, тем быстрее вспоминались вопросы, и тем яснее становилось: кто-то каким-то образом зачем-то воздействует на меня. И этими кем-то могут быть либо ведьмы, либо братья с господином Орбреном.

– Ты не понимаешь! – услышала я крик последнего прямо под моими окнами. Причем даже по одной фразе было понятно, что ссора продолжается довольно долго. – Ее нужно отвезти в столицу, чтобы вывести на чистую воду!

– Это ты не понимаешь, Орбрэн, – тихо отвели господин Гририх. – Ты давно виделся с братьями?

– Месяца четыре назад, – буркнул господин Орбрэн. Наш председатель умел в два счета успокоить даже самого крикливого купца, это мне Салина говорила.

– А Указ? Я думал, это ты постарался.

– Нет, – зашипел сквозь сжатые зубы негодяй, – это не я... Я только перехватил его в канцелярии в Варде...

– Так съезди в столицу, – слышались легкие хлопки. Кажется, наш председатель похлопывает собеседника по плечу, – покажись, сообщи, что жив и здоров.

– Они знают, – еще более мирно ответил негодяйский негодяй, – у меня их амулет.

Я машинально схватилась за свой. Тот, который мне повесил на шею его сиятельство. И о котором я совершенно...

забыла?

– А ты все таки съезди, – господин Гририх явно улыбался, – узнаешь много интересного. Может от девочки отста-
нешь.

– Эта.. девочка, – язвительно произнес господин Ор-
брэн, – может быть совсем не та, за кого она себя выдает. И,
возможно, ты зря прикрываешь ее.

– Но ведь ты тоже прикрываешь ее. Не смотри на меня
так. Я старый, но не тупой. И хотя не вижу, но логически
мыслить способен.

– Это было всего один раз... два раза...

– Но ведь было. И значит ты сам чувствуешь, что зла от
нее никакого нет. И если бы не упирался в результаты своих
поспешных выводов, ты бы уже давным-давно все понял. А
сейчас тебе нужно навестить его величество.

– Хорошо, – вздохнул Орбрэн, – если ты так считаешь...
я поеду. А сейчас пошли домой, а? Я голоден. Барана бы в
один присест съел.

Они ушли. А я так и осталась стоять у окна, держась за
забытый амулет и понимая, что, кажется, господин Орбрэн
не шпион. Ведь он в последний раз видел его величество за
месяц до моего появления в Гвенаре. Но тогда кто? Или...
что?

Я медленно разжала ладонь... Как там говорил господин
Орбрэн? «Они знают. У меня их амулет»

Вот же... может быть это он причина моей забывчивости?

Очередное проклятье герцога? Придушив на корню порыв тут же снять проклятый амулет, я села за стол и записала все, что услышала. И поняла, что в моей истории появилась еще одна сторона с неясными намерениями: господин Орбрэн, который прикрывал меня от кого-то. Два раза.

И тут я вспомнила, вчерашний вечер. Он же так и орал, что мне повезло, он оказался в поселении и прикрыл меня. Но я вроде ничего не делала? Только... пела.

Кошмар меня подери! Дайра сказала, что я песенница. Значит я вчера проявила Еще Один Дар, и господин Орбрэн помог скрыть это от... кого?

Да, что же такое! Я схватилась за голову, в которой низко гудел работающий трансформатор, вызывая тошноту. Чем больше я узнаю, тем больше непонятного. Силы воли хватило только, чтобы записать последние выводы и я повалилась на кровать.

В виска стучала кровь, пульсирующей болью отдаваясь во всем теле. Как же плохо! Значит точно на меня кто-то воздействует. Или воздействовал. Я сто раз такое в фильмах видела. Правда, там на моем месте всегда были огромные мужичищи, какие-нибудь спецназовцы или спецагенты, которых правительство принудительно отправляло на отдых, заставляя забыть о какой-то гадости. А потом они вспоминали и бежали спасать мир.

Я представила себя на месте этих мужиков, и поняла – я не хочу спасать мир. Я хочу просто жить в колхозе, и меня все

устанавливает в этом мире. Лишь бы ребенка у меня не забрали и дали жить спокойно.

Отдыхала я недолго, громыхнул засов и в комнату вошла Вилина с обедом.

– Малла, ты как? – встревоженно спросила она меня, поставив наполненный тарелками поднос на стол. – ты уж потерпи немного, три дня быстро пройдут. И не вздумай переживать. Орбрэн сам виноват. Я бы ему еще и подзатыльник добавила, да сбежал он от меня сразу после обеда. Охламон.

– Все хорошо, Вилина, – улыбнулась я подруге, присаживаясь за стол. Несмотря на большую разницу в возрасте и в статусе, мы сдружились. А уж стряпню нашей госпожи Гририх я полюбила всем сердцем. Таких вкусных пирожков я еще ни у кого не едала. – я не переживаю. Даже хорошо, отдохну, мысли в порядок приведу. А то, знаешь, какая-то я забывчивая стала. Ничего не помню, все забываю. Мысли все путаются...

– Мысли, говоришь, путаются? Может ты с Грайей, ведьмой арровой общаешься? Ты смотри. Она такая, Малла, мягко стелит, да спать жестко.

– Нет, – мотнула я головой, чувствуя холодок в солнечном сплетении, – не общаюсь. Переутомление, наверное. Вилина, а вот скажи, почему ведьмы арровы в поселении живут? Раз они такие... ну, плохие?

– А куда же им деваться-то? Они же тоже вдовы. Вот и живут.

– Тоже вдовы?

– В Хадоа нет арровых ведьм? – удивилась Вилина, – я думала они по всему миру есть... Малла, ты хоть знаешь, откуда ведьмы арровы берутся?

– Нет... Я их никогда раньше не встречала, Вилина. Только здесь.

– Давай я вечером, когда ужин принесу, расскажу. Тогда-то времени побольше будет. А сейчас мне бежать надо. Мастерскую мы решили в пустом доме открыть, раз уж теперь все здесь наше. Сейчас Сайка с Виткой там порядок наводят. Потом я пойду, столы да скамейки расставлять. И надо еще подумать фасон накидок этих...

– А я помогу тебе, – я быстро начиркала на одном из листов бумаги халат, – вот смотри. Если желать его достаточно широким, чтоб можно было поверх платья надевать, то очень удобно и практично получится. А на самые грязные работы можно и фартук поверх... только не такой, как здесь носят, а вот с такой надставкой сверху, чтобы и грудь прикрыть...

– Хм, – хмыкнула Вилина, – как интересно. Должно получиться. Только откуда ты это знаешь, Малла? Таких одежд я еще нигде не видела. А фартуки... такие у нас тоже носят. Служанки в домах знати.

Я молча пожала плечами, понимая, что сейчас из моего рта снова вылетит надоевшее до зубовного скрежета «Я, Малла Вильдо из Хадоа...»

Вилина ушла, забрав пустую посуду. И я хотела было при-

лечь, но на улице вдруг раздался визг, который приближался ко мне. Как будто бы визжащий человек, бежал сюда со всех ног. Так и вышло. Это была Салина.

– Малла! Малла! – снова затарабанила она по стеклу, – ты что спишь что ли?! Вставай давай! У нас такие новости! Ии-и! – снова тоненько заверещала она.

– Что случилось, Салина, – подскочила я к окну, – тут я. Говори!

– У нас в поселении купцы поселиться хотят и лавки открыть. К господину Гририху сейчас зашли. Говорят, бумага у них от его величества есть, с разрешением. Представляешь?!

– Нечего себе, – охнула я. Как же захотелось побежать на площадь и своими глазами увидеть то, что происходит. И зачем я только негодяю этому пощечину дала. Ну стерпела бы еще чуточку. – А Варн твой, Салина?

– Да! – счастливо взвизгнула Салина, – представляешь?! Он теперь будет здесь лавку держать! Хоть бы господин Гририх разрешил...

– Ну, – почесала я затылок, – если бумага от самого короля есть, то разрешит. Куда денется-то?

– Ага, – согласилась Салина, – ну, я побегу, посмотрю что там. Послушаю, о чем бабы судачат. Может Варна увижу. Потом тебе расскажу.

Сестра убежала. А я чуть не взвыла от желания быть там, в гуще событий вместе с ней. Но вместо этого сижу взаперти. И прошло еще не больше нескольких частей. Впереди еще

три дня. Да за эти три дня, уже и лавки откроются. Пропущу я все.

И если совсем недавно я думала, что буду наслаждаться покоем, то сейчас больше всего хотелось выйти на свободу. И быть там вместе со всеми на площади.

Я в нетерпении, ожидая новостей от Салины, мерила свою тюремную камеру шагами. А когда где-то там на площади раздались восторженные крики вдов, я чуть не разрыдалась от обиды. Там же происходит что-то интересное. А я сижу здесь. Из-за этого негодяя. Или из-за своей несдержанности.

Пока дождалась хоть каких-нибудь новостей почти сгрызла ногти до локтей. Восторженные вопли раздавались еще несколько раз, и я умирала от желания узнать, что же там такое происходит. Но вот крики стихли, а ко мне все никто не приходил. Я подставила стул к окошку и сидела, наострив ухо.

Наконец, послышались торопливые шаги:

– Малла?

– Рыска?! – обрадовалась я, – что у вас там случилось? Рассказывай!

– Господин Гририх указ его величества зачитал. Теперь мы не вдовье поселение при городе Варде, а деревня Колхоз «Светлый путь». Еще там было написано, что если какие-то вдовы не захотят вступить в колхоз, или мы откажемся, кого-то принять, то их переселят в другие вдовьи поселения.

– Кошмар меня подери! Рыска, но ведь у нас в колхозе

чуть больше половины вдов пока.

– Уже нет, – Рыска довольно улыбалась, я слышала это даже по голосу, – господин Гририх предложил нам всех желающих принять. Мы согласились. Работу, сказал, найдем. Не я, сказал, так Малла работу вам придумает, очень уж беспокойная вдовушка, сказал, но всегда с пользой суетится.

Сестра рассмеялась, и я вместе с ней захихикала.

– И что потом? Я же слышала, как вы там несколько раз кричали.

– Ну, да. Новостей много. Купцы у нас в поселение лавки открывать будут. Трое уже приехали и торговые ряды строят. И ярмарка у нас теперь будет постоянная, как в городе.

– Как здорово! – я даже на стульчике подпрыгнула от восторга, – а еще?

Глава 37

– А еще, – Рыска помолчала, а потом тихо добавила, – медведь к Сайке посватался. Прямо там на площади, при всех. С самого первого дня, говорил, тебя приметил. И думал, как работу закончим, приду к тебе. Заберу хозяйкой в свой дом. Люба ты мне. А раз уж мы теперь колхозники с тобой, так не хочу, сказал, тянуть больше.

Рыска всхлипнула. И у меня слезы на глазах показались. Как же хорошо, что Сайка теперь замуж выходит. Или...

– А она согласилась?!

– Конечно! Разрыдалась, на шее у медведя своего повисла, вместе они ушли уже. Свадьбу решили на Седьмой день сыграть. Как раз успеют подготовиться.

– Так быстро? – удивилась я, все же по своему миру знаю, что подготовка к свадьбе долгое мероприятие. Да и проверить надо чувства свои.

– А чего тянуть-то? – удивилась Рыска, – Сайка этого дня уже сколько лет ждет. Да и медведь ее тоже... Да и не дети, чтоб на долгие ухаживания время тратить, да под окошками друг друга караулить.

– Ну, да, правильно... и все? Больше ничего нового?

– Тебе этого мало? – Рыску я не видела, только слышала, но она точно вскинула бровь, как делает обычно, – Малла, у нас столько событий раньше за десять лет не бывало. А с тех

пор как ты колхоз придумала, скучать нам некогда. И работы интересной много, и людей новых... а сейчас так, вообще... мы теперь даже не вдове поселение.

– Не мало, – вздохнула я, – только мне тоже хочется быть с вами, а не сидеть здесь.

– Вот не хотела я этот разговор сейчас начинать, но раз уж ты сама об этом заговорила, – сейчас Рыска была абсолютно серьезна, – ты хотя бы понимаешь, что натворила?

– Что-что, – забурчала я, не люблю, когда меня учат. Даже если это Рыска, – пощечину негодяю этому дала! За хамство.

– Нет, Малла. Ты на аристократа руку подняла при всем честном народе. Если бы ты его ударила, когда вы вдвоем были...

– Да с чего, вообще, все взяли, что я с ним?! – взвилась я, – и от тебя, Рыска, я такого не ожидала!

– Я не о том, что есть или нет между вами, Малла, а о твоей пощечине. Нельзя было при всех на господина Орбрена руку поднимать. Если бы никто не видел, он бы волен был простить тебя. А тут уж делать нечего было. Пришлось ему тебя наказать.

– Пришлось?! Да этот негодяй негодяйский хотел меня в столицу отвезти! Если бы не господин Гририх, то была бы я уже в столичной тюрьме для особо опасных преступников! И за что он меня так ненавидит?! Я же ему ничего не сделала!

– С чего ты так решила? – Рыска удивилась.

– Слышала. Они тут с господином Гририхом прямо под

окнами моими мило беседовали.

– Может ты что-то не так поняла? С чего тебя в столицу-то по такому делу везти? Не такой уж важный человек этот господин Орбрэн... или... – Рыска замолчала.

– Что или? – я вцепилась в оконную раму, еще чуть-чуть и вынесу ее на улицу от нетерпения.

– Ничего, – отмахнулась Рыска, – пойду я. Ах, да, Салина просила передать, что попозже забежит. Они с Варном лавку свою придумывают.

– Что?! И ты молчала?! Рыска, расскажи, что там у Салины с Варном?!

Но Рыска уже не слышала, она ушла. Моя серьезная-пре-серьезная сестра просто взяла и ушла, оставив меня грызть ногти дальше. И, наверное, в воспитательных целях. Чтоб лучше запомнила, что проклятых аристократов, будь они тысячу раз негодьями, при всем честном народе по лицу бить не надо.

И как теперь дожидаться Салины? И когда она придет-то? А я бы могла бы сама все увидеть своими глазами! И зачем только я пощечину дала этому негодяю прямо в правлении. Надо было вечером к нему заявиться и надавать от души. Хотя тогда он бы меня скрутил и в столицу увез. И не смог бы господин Гририх меня здесь, в поселении оставить.

Нет! Не в поселении! В деревне! Как же мне не хватает знаний! Понятно же, что деревня – это совсем не вдовье поселение. И что-то должно измениться. Но что? И почему?

Я снова подсела к своему листочку. Записала вопросы. Подумала и добавила еще парочку, про ведьм арровых и про аристократов. Надо же узнать, что можно, а что нельзя. Поздновато, конечно, я спохватилась, но лучше поздно, чем никогда.

Пока ждала Салину, думала сойду с ума. Время тянулось, как размякшая на солнцепеке жвачка. Я перечитала свои вопросы и переписала их на лист. Разделив по группам. Хотела было подумать над ответами, но голова не работала. Она хотела думать только о том, что происходит у Салины с Варном. Почему Рыска сказала, что они «свою» лавку продумывают. Неужели Салина тоже замуж выходит. А мне ничего не сказала? Нет. Не может быть. Но тогда что?

– Малла, – шепот Салины заставил меня подпрыгнуть. Оказывается я, измучив себя ожиданием, задремала полулежа в кровати.

– Тут я, – подскочила к окну, – Салина, Рыска сказала, что вы с Варном...

– Да, – тихо рассмеялась она, – мы с Варном решили стать партнерами. Он сам предложил мне равное партнерство. Его отец против был, так он от наследства отказался в пользу младшего брата. Сказал, что сам всего добьется. Вместе со мной. Малла, он такой замечательный! И-и-и!

Салина снова запищала от восторга. Вот, что любовь с людьми делает. Адекватная ведь была. А сейчас визжит и пищит, как восторженная девчонка.

– Салина, успокойся! Скажи, как вы собираетесь лавку открывать, если оба теперь без денег?

– Почему без денег? – обиделась Салина, – мало, конечно, мы же должны были равными долями вложиться. Но я же скопила немного... я же о лавке мечтала. Теперь вот пригодились.

– Погоди, – вдруг подпрыгнула я от озарения, – а ты что же теперь из колхоза уйдешь?

– Нет, конечно! – возмущенно зашептала Салина, – лавкой будет Варн заниматься. Я только подменять его буду на несколько часов, пока он за товаром уезжать будет. А потом, глядишь, продавца возьмем... А потом вторую лавку откроем... Варн сказал, что не боится предрассудков, и если разрешат, то откроем лавки в каждом вдовьем поселении Гвенара.

– Это будет так здорово, Салина, – я заулыбалась, представив радость несчастных женщин, которые смогут купить нормальные вещи.

– Это будет доходно, – резонно заметила купчиха Салина.

– А что у вас на личном? – задала я вопрос, который меня интересовал, пожалуй, больше, чем все лавки в Гвенаре.

– Ничего пока, нельзя торговлю с личными отношениями мешать. Но, – Салина хихикнула, – самые крепкие партнерские отношения – брачные.

– Салина! Немедленно превращайся из купчихи в себя прежнюю, – топнула я ногой, – я тебя не узнаю! Ты же пони-

маешь, о чем я спрашиваю.

– Он мне нравится, – исправилась она, – я ему тоже. А дальше посмотрим, Малла. Все так сильно изменилось, что я немного боюсь вот так сразу соглашаться...

– Что?! – я снова подпрыгнула на стуле, – ты ему отказала?!

– Не отказала, – назидательно ответила Салина, – а взяла паузу на раздумье.

Я застонала. Ну почему я заперта! Столько всего мимо меня прошло!

– Малла, – зашептала Салина, – ты только не говори никому, что Варн мне предложение сделал. А то бабы меня на лоскуты порвут. Я даже Рыске ничего не сказала. Только тебе...

– Хорошо, – вздохнула я, – не скажу. А ты долго думать-то собираешься?

– Я решила, что соглашусь, когда вторую лавку откроем... Ну, все, я побежала. Скоро купцы за сырами, да овощами приедут. Работы теперь невпроворот, – Салина довольно рассмеялась и ушла, оставляя меня одну. Как же не вовремя я надавала пощечины этому негодяю! Кошмар меня подери! И еще целых два с половиной дня!

Но пострадать не получилось, почти сразу загремел засов. Вилина открыла дверь и сунув голову внутрь, сказала:

– Малла, идем с нами поужинаешь. Нечего тут тебе сидеть. Сегодня все мальчишки у Сайки с Дирком, отмечают.

Уговаривать мне не пришлось, я тут же подскочила и пошла за хозяйкой. Так даже лучше, у меня много вопросов накопилось к господину Гририху. А Вилина еще обещала рассказать, откуда берутся арровы ведьмы.

Господин Гририх не любил болтать во время еды, поэтому разговоры говорить получилось только после ужина, когда пили чай.

Я пришла с листочками и под усмешки господина Гририха делала пометки подаренным мне карандашом. Вилина была категорически против, чтобы я ставила чернильницу на ее белоснежную скатерть. Просидели мы допоздна. Беседа получилась весьма содержательной и интересной. Зато я прояснила для себя информацию про права аристократов-простолюдинов и про статус деревни.

Вопрос про арровых ведьм, я оставила напоследок, ведь об том мне обещала рассказать Вилина. И мне даже спрашивать не пришлось, когда мы остались на кухне одни, она сама начала этот разговор.

– Я тебе обещала рассказать, откуда ведьмы арровы берутся... еще интересно?

– Да, Вилина, очень. Ты сказала, что это вдовы...

– Да, – вздохнула Вилина, – знаешь, каждая женщина любит по разному. Некоторые, как Сайка наша, любят так, кто готовы жизнь отдать за любимого. И не жалеть об этом. Кто-то, как наша Нана, любит такой светлой и чистой любовью, что даже потом она как огонечек светит для тебя всю твою

вдовью жизнь. А бывают такие... как наша Дайра... Они любят неистово, безудержно, они живут только рядом с любимым, дышать без него не могут, и умирают вместе с ним. Она ведь рассказывала тебе свою историю?

– Да, – согласилась я, – она сказала, что ее спас его сиятельство...

– Спас, – кивнула Вилина, – и привез сюда, к Гририху. А она здесь таять стала... постепенно. Бледнела, худела, на тень свою похожа стала... Не держится душа у таких женщин в этом мире. Тянет ее к мертвому-то. Тянет так, что жизнь не мила становится.

Вилина замолчала, с ожесточением скребя сковородку. А я чувствовала, что для нее эта тема очень болезненна и тоже молча ждала продолжения.

– И если Дар у вдовы сильный, начинает он ей помогать, с мертвым связывать. Иногда вдова просто умирает. Но чаще перерождается и ведьмой арровой становится. Полуживой и полумертвой. Одной ногой они в этом мире стоят, другой – в Том. И если заглянуть ей в глаза, то можно увидеть, что смерть через них в наш мир смотрит.

– Но Дайра же не стала ведьмой...

– Нет, не стала, – улыбнулась Вилина, – ты же заметила, что у нас почти все вдовы с Даром? Умеет мой Гририх таким помогать... я ведь тоже, Малла, почти пропала. Если бы не Грайя, быть бы мне ведьмой арровой... и много тут нас таких. Его сиятельство всегда сюда самых проблемных везет.

Но за все время, пока Гририх комендантом, только Грайю и не смог вытащить... и то не его вина это. Он тогда только-только в поселение приехал. Не знал еще ничего толком.

– А чья?

– Ведьм арровых. Их в каждом вдовьем поселении много, кроме нашего. И когда вдова с сильным Даром появляется, начинают они осторожно ее к гиблому пути подталкивать. Меня сначала не сюда определили. И сны мне сниться стали, будто бы я, как раньше с Янушем живу. Каждый день, Малла. Я начала сон и явь путать. Не понимала, где настоящая жизнь, а где колдовство аррово. А ведьмы каждую ночь в кокон снов меня закутывали... А потом Грайя меня увидела. Мы с одной деревни, только она раньше овдовела. Она меня тайком из того поселения увезла сюда, к Гририху. А пока он меня вытаскивал, поняли мы, что друг без друга не можем уже...

Вилина рассказывала, а я с каждым словом чувствовала как леденеют от ужаса руки. Три арровы ведьмы, кокон, моя странная забывчивость... где правда-то?

Глава 38

После разговора с Вилиной, не получилось даже позаниматься с господином Гририхом. Я не могла сосредоточиться. В голову безостановочно крутились арровы ведьмы со своим коконом, и слова госпожи Гририх о наведенных снах.

И вернувшись в свою камеру, в сопровождении коменданта, я хотела подумать над этим вопросом. Но не тут-то было. Стоило мне остаться одной, еще даже шаги господина Гририха не стихли, как в окно кто-то зашептал:

– Малла... Добрый вечер... Простите, я могу с вами поговорить?

Кто это такой, интересно? Голос незнакомый. Мужской. Да еще и на вы...

– Кто вы? – нахмурилась я. У меня и так уже каша в голове со всеми этими событиями. Разобраться надо, что и где правда.

– Это Варн... купец.

– Варн? – удивилась я. А этому-то что от меня нужно?

– Да, – Варн вздохнул, – Малла, я к вам с просьбой. Салина меня сегодня за подарок благодарила, да только не я его сделал. Но я решил, что выкуплю у вас этот мех за любые деньги. Если ты, конечно, мне его продашь. Или куплю тебе точно такой же... пожалуйста.

Тьфу, ты. Кошмар меня подери! Да, пусть забирает эту

шкуру. Она даром мне не нужна. У меня тут проблемы по-серьезнее. Договорились мы на десять грот, сколько шкура и стоила. Я и от денег отказаться хотела, но поняла, что прав Варн. А то получится, что не он, а я Салине подарок сделала. А вот кто ее тогда мне подарил?

Довольный Варн ушел, а я прилегла на кровать и, наконец-то, смогла попытаться проанализировать то, что узнала.

Перво-наперво, ведьмы. Очень уж не хочется мне становиться ею. А вдруг кокон этот сны мне наводит? Я ведь на самом деле, как узнала про беременность на прошлой неделе, так постоянно про Орландо думать начала. Скучала даже по зайке-алкоголику. Так где правда-то? Может я и не беременна вовсе? Я пыталась вспомнить, были или нет критические дни, но так и не смогла. Я даже не знаю, чем здесь в Гвенаре женщины в таких случаях пользуются. Значит не были? Или меня заставили забыть? Нет, вряд ли...

И, вообще, почему-то уверена я, что в этом мне ведьмы не соврали. И в том, что детей забирают – тоже. Салина же подтвердила. И, возможно, меня озарило, в этом и есть разгадка молчания ведьм о том, что будет потом. Потом я стану такой же, как они.

О! я даже села на постели от неожиданного озарения! Возможно у ведьм не получается сделать меня арровой ведьмой. Потому что они не знают, что мой зайка-алкоголик вовсе не умер? Он жив-здоров и прекрасно себя чувствует. Еще бы. Жена перестала пилить и требовать перестать пить. И, вооб-

ще, у него теперь железный аргумент для алкоголизма есть – женушка любименькая исчезла, испарилась, будто бы ее и не было. И теперь оплакивает он судьбу свою горькую, водкой заливает. Тьфу... кошмар меня подери! Да на кой ляд он мне сдался? Не получится у ведьм своей меня сделать. Совершенно точно не получится.

А еще согласно указу его величества, у колхозниц теперь особый статус. Мы больше не изгой общества, можем носить особую одежду – сарафаны, заниматься торговлей, сельским хозяйством и другими ремеслами.

Дальше. Кроме статуса самих колхозниц, изменился статус поселения. Теперь Сайка с Дирком после свадьбы смогут жить здесь, хотя раньше это было категорически запрещено. А значит, сейчас многие колхозницы обзаведутся семьями... Ведь теперь мы не изгой общества.

И третье... если будут семьи, значит будут дети. Так может быть мне уже можно не скрывать свою беременность? И не пить противный ведьминский отвар... кошмар меня подери! Так может быть в этом и есть причина моего состояния? Я уже несколько дней пью эту гадость! И живу, как в тумане! Что же... значит у меня есть возможность убедиться в своей правоте.

Я уже засыпала, когда мелькнула какая-то мысль. Попыталась поймать ее, но ничего не вышло. Она исчезла, оставив вместо себя только легкий след, как самолет в небе. А ведь она была очень важная... кажется... а еще я засыпаю

на новом месте... на новом месте приснишь жених невесте, – шепнула я и уснула.

Снился мне господин Орбрэн. Как будто бы он зашел ко мне в камеру, долго-долго пристально смотрел на меня, сверкая фиолетовыми глазами, в которых поочередно мелькали недоверие, злость, раздражение и ненависть. Странный какой-то сон про суженного...

Утром я чувствовала себя разбитой. Как будто бы сегодня понедельник, а мы все выходные провели на фазенде. Болело все тело, каждая мышца гудела, требуя отдыха... или отвара веьминского? Я ведь вчера вечером не сделала глоток из заветной бутылочки.

Когда Вилина принесла мне завтрак, я все еще лежала в постели, даже не посетив закуток за занавеской.

– Малла, с тобой все в порядке, – встревожилась она, подошла и потрогала лоб, определяя температуру. От этого жеста, такого знакомого, домашнего, мамино, защипало в носу и я нечаянно всхлипнула. – Может Грайю позвать? – Испортила впечатление Вилина.

– Нет, – истерично взвизгнула я. Несмотря на откровенно плохое самочувствие, я ощущала себя более здоровой, чем вчера. Потому что все помнила. Помнила свои вопросы, записанные на листочке, ответы и решения. – Не нужно. Все хорошо, Вилина. Просто немного устала.

Госпожа Гририрх сокрушенно покачала головой, но настаивать не стала. Наверное, она передала всем, что я при-

болела, потому что весь день меня никто не беспокоил. И я отлеживалась, весь день проведя в легкой полудреме. И к вечеру стала чувствовать себя довольно сносно. Осталась только страшная усталость, но мышцы перестали ныть и скручиваться в жгуты.

Как хорошо, что я нахлобучила негодяя по лицу, и меня посадили под замок. Зато теперь я точно знаю, ведьминский отвар пить нельзя. А еще проклятые ведьмы не приходили ночью и не укутывали меня в свой кокон из золотистых нитей. И это тоже приведет к каким-то последствиям. Или уже привело...

На следующее утро, в конце вторых суток моего заточения, стало еще лучше. Дурман спал окончательно, прошла головная боль, и я даже поболтала с Салиной, когда она закончила с делами в правлении. Правда, сестра говорила только про свою лавку. И это было невыносимо скучно слушать. Я пыталась спросить у нее как дела в колхозе, но получила ответ, что в колхозе все хорошо. Все работают. Сыры-овощи отгружают. За стадом-огородом-курами следят. А вот Варн сказал, что в лавке надо приступочку сделать, чтобы покупатели корзинки могли на них ставить, а не на сам прилавок или не на землю. Мол, это новое слово в торговле, и в столице все так делают.

В конце-концов, я заскучала и поддакивая Салине, перестала ее слушать. Точь в точь, как муж через десять лет после свадьбы. Мне даже Варна жаль стало.

Приходила Рыска. Новости в ее исполнении были намного содержательнее. Сайка всю готовится к свадьбе, остальные строители тоже время не теряют, и, возможно, у нас скоро будут еще свадьбы.

Господин Орбрен, как исчез, так пока и не вернулся, чему я очень радовалась. Ненавижу его. А его бригада начала строить сыроварню. Обещают к концу следующей недели закончить.

Вилина с Наной почти закончили с оборудованием мастерской. На днях должны привезти станки ткацкие, прялки, немного льняной ткани и шерсть. Оказывается, льняное волокно просто так не купить, каждый ткач сам выращивает и обрабатывает лен для своих тканей.

Зарна всю плавит бабам бусы. У нее уже получились синие и красные. Так что Варн локти себе кусает, он-то набрал кучу бус, думал колхозницам продать, как на ярмарке последней. А еще Зарна ждет, когда я выйду и расскажу ей про неведомые емкости из стекла. Очень уж ей интересно, что я с ними делать буду.

С животными и птицей в колхозе тоже все замечательно. Все прекрасно себя чувствуют. И можно уже еще коров покупать, потому что работниц в колхозе теперь хватит на все задумки.

Ушла Рыска, когда стало совсем темно. Мне оставалось переночевать взаперти одну ночь и завтра к обеду я буду свободна.

А ночью я проснулась от жгучей боли в сердце. В груди горело и пекло так сильно, что я стала задыхаться от этого жара. В горле пересохло, и воздух, казалось, царапал бронхи сотнями коготков, разрывая легкие.

Я еле-еле столкнула себя с кровати и на четвереньках поползла к двери, с трудом передвигая конечности между вспышками нарастающей боли. Крошечная комната вдруг стала огромной, и до цели я добралась, из последних сил удерживая себя на грани сознания.

Попыталась постучать и позвать на помощь, но руки уже не слушались. И я смогла только дотронуться до двери, неслышно царапая деревянную поверхность ногтями. Мир вокруг стал схлопываться, заполняясь чернотой... Вот и все... Кажется пришло время умирать.

Утром я открыла глаза с первыми лучами солнца. Лежала я все там же на пороге комнаты, у двери, в которую пыталась постучать, вызывая помощь. Тело от неудобной позы затекло и я еле встала. Добрела до кровати и повалилась, чувствуя, как забегали по рукам и ногам мурашки.

Что это вчера такое было? Сердечный приступ? Инфаркт? Но сердце не болело, а бодро и весело гоняло кровь по телу. И я откуда-то знала, что с ним все хорошо. Здоровее, чем было. Вообще, мой организм работал как часы. Заросла даже небольшая язва, которая мучила меня в моем мире, и пропала анемия. И с ребенком все в порядке. Развивается, как положено, ручки-ножки на месте, все органы тоже. И ведьмы

правы были. У меня сын.

Я снова, как тогда в телеге, когда случайно вылечила господина Гририха провалилась в какое-то другое состояние. И все видела своими собственными глазами... нет... не глазами, а... а... чем-то.

А вдруг я стала арровой ведьмой?! Прислушалась к себе... нет, все чувства такие же. Ничего не изменилось. Крови не захотелось, на луну выть тоже, и умирать я не хотела. Даже зайка-алкоглик не вызывал никаких новых чувств. Все как обычно... вроде бы... потому что, что-то было не так. Как будто бы где-то далеко на грани слышимости звучал неясный шепот. А на грани видимости, сновали какие-то неясные тени. Я даже головой повертела, стараясь нащупать направление звука и эти тени. Ничего не получалось, но чем больше я прислушивалась, тем сильнее звучали голоса. А вдруг это и есть мир мертвых? Кошмар меня подери! Как же жутко! Я зажмурилась от страха и закрыла уши руками, желая, чтобы голоса стихли. Хотя, конечно, слышала я тоже совсем не ушами. Но стало легче. Голоса замолкли, а тени пеерстали мотаться на периферии взгляда.

Когда Вилина зашла кормить меня завтраком, я старательно заглядывала ей в глаза, надеясь, что если стала арровой ведьмой, то она увидит смерть в моих глазах и скажет мне об этом. Но Вилина вела себя как ни в чем ни бывало. А спросить я не решилась. Струсила. Страшно оказаться полуживой-полумертвой.

Последние пару часов до конца срока, я просидела в одиночестве. Так хотелось на свободу, даже про свои страхи забыла. И когда за дверью раздались шаги господина Гририха, готова была прыгать и визжать от радости. Наконец-то я вернусь домой, и меня там ждет чистая одежда и бочка с водой. Ура! На свободу с чистой совестью!

– Выходи, Малла, – господин Гририх тоже довольно улыбался, выпуская меня из заточения, – твое наказание исполнено.

От радости я кинулась обнимать председателя, а потом бегом побежала к выходу, очень уж домой хотелось.

Глава 39

На крылечке возле правления меня, радостно улыбаясь, ждали сестры, Глая, Варла и мои девочки из бригады.

Я кинулась обниматься с сестрами, но Варла была быстрее всех. Она повисла на моей шее и запричитала:

– Малла, они великолепны! А особенно мамочка! Она же чистопородная скирла. Она прекрасна! Идеальна! Восхитительна!

– Варла, – Салина и все остальные улыбались во все тридцать два зуба, – да, погоди ты! Дай нам Маллу обнять и освобождением поздравить.

Я так растрогалась, чуть не до слез. Наобнималась со всеми. Как же я соскучилась по подружкам. Кажется не три дня не виделась, а целую вечность. Когда очередь снова дошла до Варлы, она опять запричитала про каких-то скирл.

Рыска неожиданно подмигнула мне и обратилась к нашей подружке-пастушке.

– Варла, ты бы объяснила Малле про что ты говоришь. Она-то не поймет ничего.

И подруга снизошла до объяснения, сияя широкой, счастливой улыбкой:

– Овцы, Малла. Ты купила не смешных лысых овец, ты купила самую редкую, самую уникальную породу овец. Скирл охраняют как казну государства. И такого ягненка ни купить,

ни украсть невозможно. Их держат в горах, на самых отдаленных пастбищах, под магической охраной. И про них почти никто не знает.

– Про лысых овец? – удалось мне вставить слово.

– Нет! Про скирл. Скирлы! У нас в колхозе скирлы! Мне до сих пор не вериться! – Варла закружила по крыльцу. А потом вдруг остановилась и спросила встревоженно, – Малла, ты же их для колхоза купила? И если даже нет, ты же позволишь мне за ними ухаживать?

– А они кому-то нужны? Я же их пожалела просто, Варла. Все смеялись же...

– За одну такую овцу можно половину бывшей лавки Варна купить, вместе с товаром, – серьезно ответила Салина. С такими вещами она никогда не шутила, – а за стадо – весь колхоз. Вместе с домами и жителями. – И вдруг расхохоталась, – вот мужик продешевил!

А я долго не думала. Зачем мне овцы? И если их в колхоз хотят взять, то почему бы не отдать? Колхоз-то и мой тоже. Хотя...

– А может нам их продать? Раз уж они такие дорогие?

– Нет, – с сожалением вздохнула Салина, – продать их, зная, что это скирлы, мы не можем. И еще как только станет известно, что у нас появились эти животные, нам придется держать ответ перед Оракулом, что мы не знали, кого ты покупала.

– Почему?

– Малла, – Варла улыбалась, – я же говорю, скирлы охраняемая порода. У моего отца дар побольше моего, он пастухом работал у семьи Великого Мастера Скирла, который эту породу создал. А я видела их за всю жизнь пару раз всего. И так потом огребала, что сидеть не могла.

– Ничего себе, – удивилась я. Вот же, не было печали, купила баба поросю... нет, овцу лысую. – и что мы теперь с ними будем делать?

– Разводить, – Варла довольно улыбалась, – они очень быстро размножаются, в еде и уходе нетребовательны. Мне папа говорил.

– А потом? – я посмотрела на всех. Ну, не может же быть, что никому не пришла в голову такая мысль.

– До этого еще долго, – вздохнула Салина, – и еще неизвестно какими свойствами будет обладать их кожа. Они же не чистопородные... Обычно кожа скирл идет на доспехи для одаренных воинов. Она очень прочная, а вместе с Даром делает воина почти неуязвимым. А еще кожа скирл способна поддерживать нужную температуру и влажность. В таких доспехах не будет жарко в самую жару и не будет холодно в самый сильный мороз. Спрос на кожу скирл огромный. Семья Великого Мастера нарочно ограничивала количество животных, чтобы поддерживать цену на кожу.

– А ты откуда все знаешь? – удивились все едва ли не хором.

– Мой отец, – смутилась Салина, – торговал кожей скирл.

И всегда возмущался, что из-за высокой цены, доспехи из кожи скирла есть не у всех воинов. Говорил, что если бы не великая жадность Великого Мастера, то можно было бы одеть в доспехи всех воинов королевства.

– Салина, – ахнула Варла, – так ты знала, что это скирлы?

– Нет. Конечно же нет! – возмутилась Салина, – я даже представить не могла, что скирлы – это лысые овцы. Мне казалось, что это какие-то другие животные. Ну, вроде есть овцы, есть коровы, а есть еще и скирлы... Я же раньше только шкуры видела, а целую скирлу ни разу.

– Малла, – Варла обняла меня еще раз, – я очень рада, что ты, наконец-то вышла. Я хотела было к тебе прийти сразу, как их увидела, когда Салина в стадо пригнала, но меня господин Гририх не пустил. Ты подумай, что с ними делать будешь... все же дорогие они очень. Мы всем колхозом будет год работать, чтобы с тобой за этих овец расплатиться. А я побежала. А то я скотину на бабушку Ланку оставила...

Варла убежала в луга к стаду, Глая отправилась к инкубаторам, мои бригада на огород, а я осталась с Салиной и Рыской, меня до дому проводить вызвались.

– Салина, Рыска, – как только все ушли, обратилась я к сестрам, – срочно посмотрите мне в глаза. Мне кажется, я стала арровой ведьмой. Мне сегодня так плохо было утром. Я почти умерла.

Салина с Рыской переглянулись и расхохотались. А мне обидно стало. Сами мне ничего не рассказывали, а теперь

смеются. Почему я про арровых ведьм от Вилины узнала, а не от сестер? И конечно же я испугалась, а они даже не услышали, что мне плохо было.

– Малла, – Рыска опомнилась первая, – прости. Ты не аррова ведьма и никогда ею не будешь. Можешь даже не бояться.

– Арровыми ведьмами просто так не становятся, – поддержала Салина, – ты бы с первого дня другая была. И чернота в глазах у тебя бы давным давно проявилась. Нет, Малла, ты не аррова ведьма. А утром... рассказывай, что случилось.

– Ничего, – буркнула я. Обида не прошла совсем. И пошла прочь. Одна.

– Малла, – Рыска положила мне руку на плечо, – мы же сестры.

– Вот именно, – ответила – мы сестры. А вы ничего мне не рассказываете! Только смеетесь, когда я делаю что-то не так! А как я могу делать все так, если я... я Малла Вильдо из Хадоа, – опять вырвалось у меня изо рта проклятье герцога. А все потому что я в сердцах забылась и хотела закричать, что я из другого мира, – Ненавижу! – Проорала я, имея в виду его светлость с гадким проклятием, – Ненавижу!

И убежала в слезах. Сколько же можно! Я радовалась, что нашла здесь семью и друзей, думала, что стала им своей, родной и близкой. А на самом деле все не так. Они все равно чужие. Другие. Не такие как я. И я даже не могу им рассказать, что не так! Потому что этот негодяйский герцог, как я

его ненавижу, наложил на меня это дурацкое проклятие. А ведь Салина с Рыской никому не рассказали бы мою тайну... зато поняли бы, что я в Гвенаре все равно, что младенец, рожденный три месяца назад.

Я бежала домой не разбирая дороги. Мне захотелось спрятаться от всех, скрыться, чтобы никто меня не видел. И выплакаться.

Позади меня кто-то несся галопом на лошади прямо по поселению. Если бы я не рыдала, то удивилась бы. Господин Гририх за такое не похвалил бы. У нас в основном ходили пешком, господин Гририх даже на своей лошадке редко ездил, чтобы не разбивать тропинки.

Но сейчас я даже не видела, что это был господин Орбрэн. Весь черный от усталости, запыленный, как будто бы проехал тысячи вех, не слезая с коня. Он мчался ко мне, сверкая глазами, в которых была видна отчаянная тревога. И злость.

Он догнал меня, когда я взялась за калитку. Спрыгнул с лошади. Развернул к себе, всмотрелся в глаза и выругался:

– Арра! Это сделала ты одна! Проклятые ведьмы!

– Да, что вам от меня надо? – завизжала я, вырываясь из рук негодяя, – как же вы все меня достали! Я хочу домой! Пустите!

– Мала, подожди, – господин Орбрэн сильнее сжал меня за плечи, – ты должна поехать со мной в столицу к его величеству. Слышишь? Прямо сейчас. А то будет поздно. Я расскажу тебе все по дороге.

– Да, не хочу я в столицу! И уж тем более к его величеству не хочу! Что вам всем от меня нужно? Оставьте меня уже в покое, в конце-то концов! Как я вас всех ненавижу! – заорала я.

– Малла, я понимаю, что вел себя глупо, и ты не веришь мне, но Гвенару угрожает опасность. И только ты можешь всех нас спасти. Ты Последняя, Малла.

– Я никого не собираюсь спасать, – вырвала я руку, – хватит с меня. Я только и делаю, что пытаюсь всем помочь, как последняя дура! А толку? Сестры смеются надо мной, господин Гририх запирает в кутузке, вы постоянно меня в чем-то обвиняете, а герцог со своим проклятьем делает мою жизнь невыносимой!

– Проклятьем? Каким проклятьем?

– Все. Я больше так не могу, – меня трясло, я так орала на господина Орбрена, что выплеснула на него все, что было: обиды, боль, негодование, злость... осталась пустота. И я как-то резко устала. Измучилась. Мне захотелось спрятаться в самый темный уголок и никого не видеть.

– Ты же хочешь замуж за его величество? – господин Орбрэн все не унимался, – хочешь жить во дворце? Его величество скоро будет готов жениться на тебе. И ты станешь королевой. У тебя будет куча нарядов и драгоценностей. К твоим услугам будут лучшие портные и ювелиры Гвенара. Если захочешь, можешь забрать с собой сестер...

– Я никогда не хотела за него замуж, – почти спокойно

ответила я. Кажется, этот человек просто не слышит меня, когда я кричу. – Даже, когда он посчитал мои безобидные сны злодейскими планами, на самом деле я не хотела за него замуж, и не хочу. И даже если он вдруг опомнился и захотел на мне жениться, то я не выйду за него ни при каких условиях. Лучше умру. Клянусь Оракулом! Так ему и передайте.

Мое кольцо полыхнуло зеленым, принимая клятву. Ошеломленный, онемевших от моих слов господин Орбрэн наконец-то замолчал и остался стоять у забора открывать рот, как рыба. Кажется, он был оглушен моим заявлением. Я молча стряхнула с себя его руки и медленно пошла домой.

Я зашла во двор, закрыла калитку, и побрела к крыльцу. Я еще никогда не чувствовала себя настолько чужой в этом мире. Настолько не на своем месте. И этот дом, в котором я прожила больше трех месяцев, вдруг показался мне чуждым. Я налила в таз воды, ополоснулась и достала со дна сундука свою одежду.

Все. Хватит. Я больше не могу здесь оставаться. Пойду искать лучшую долю. Передо мной целый новый мир, а я завязла в этом колхозе. Как удачно Варн заплатил мне за подаренную неизвестным поклонником шкуру. Я заглянула под крыльцо в условленное место, достала деньги.

Варн оставил мне в мешочке двенадцать грот и записку, что знающие люди оценили меха на два грота дороже, чем считали мы. Что же... это хорошо, деньги мне пригодятся.

Сунула в полупустой рюкзачок кусок сыра, хлеб, набрала

в баклажку воды... завернула сапоги в пуховик и подвязала к рюкзаку. Жарко, пойду в туфлях, но сапоги оставлять жалко.

Вот и все... Прощай «Светлый Путь», прощайте сестры, прощай господин Гририх... и все остальные.

Глава 40

Я побоялась, что господин Орбрэн или еще кто-нибудь, ждет меня у калитки, и тогда придется объяснять им свое желание уйти из деревни. А я сама не знала причину. Просто очень хотелось.

Поэтому выбираться из дома решила огородами, чтобы никто не заметил. Выставила в сенях окно, смотрящее в глухой забор. Оно давно гремело на ветру, и я собиралась как-нибудь закрепить его, чтоб не выпало. Хорошо, что не успела.

Выбросила рюкзак, и следом вылезла сама. Никто меня не заметил. Осторожно пробралась в огород, чтобы сорвать себе несколько помидоров и огурцов в дорогу. В последний раз прошлась между грядками, прощаясь с растениями, как с самыми близкими. Ведь они тоже, как и я были здесь чужими. Но им тут будет хорошо, я это чувствовала.

Накидала в рюкзачок овощей и перелезла через забор. Хорошо, что мой дом угловой на окраине, а с этой стороны буквально через несколько метров начинались поля с цветочной кашкой. Туда я и нырнула, спрятавшись ото всех.

Цветочная кашка невысокая едва доставала макушками до талии, и я поползла на четвереньках, чтобы меня никто не заметил. Зачем я так сделала? Не знаю. Голова не думала, разум словно отключился, еще тогда, когда я сбежала от гос-

подина Орбрена, остались одни голые инстинкты. А еще какая-то неведомая угроза, совсем легкая, почти незаметная, как маленькая занозка в пальце.

Но в какой-то момент заноза стала очень быстро расти, угроза становилась все больше с каждой секундой. А я чувствовала себя все беспокойнее.

Поэтому я ползла на четвереньках по полю. Сначала медленно, потом быстрее. Инстинкты вопили от страха за жизнь, заставляя прятаться в цветочной кашке и спешить в безопасное место.

– Беги! – кричала я сама себе, – Беги!

Я даже направление точно знала, куда мне нужно бежать. И расстояние... Если бы в тот момент, я смогла бы подумать, проанализировать свои поступки... но все вышло так, как вышло.

Я ползла, все шустрее перебирая конечностями, но опасность, становилась все ближе. Она надвигалась на меня быстро и неотвратно. В колени впивались острые камни, раздирая джинсы в клочья. Ладони горели и кровоточили, от мелких порезов. Я задыхалась и выбивалась из сил, но сбежать от чего-то страшного, грозного и ужасно опасного никак не могла. Оно догоняло меня.

Проползла по полю до самого края, и, вскочив на ноги, нырнула в лес. Но даже густые заросли кустарника на опушке не могли спрятать меня от того, что желало моей смерти. И я так и не отдышавшись, побежала дальше в глубину леса.

Туда, где меня ждало спасение.

Бежать было намного легче, чем ползти, но интуиция все равно кричала, что я двигаюсь слишком медленно. Оно, то страшное, все равно настигало меня. И хотя я уже перестала оббегать препятствия, чтобы не терять время, и бежала напрямик, перепрыгивая через коряги и ямки, до моей цели было так же далеко. А Ему до меня совсем близко.

– Быстрее... быстрее... – стучало в висках, – беги, не оглядывайся.

Нервы натянулись до предела, я вздрагивала от каждого шороха. Я давно потеряла где-то рюкзак с припасами и деньгами. Но даже не заметила. Мне надо было быстрее Туда... куда-то Туда, в безопасное место... чтобы спрятаться от этого страшного чего-то...

Я никогда не была спортивной, и когда решила заняться бегом пару лет назад, моего запала хватило только на покупку спортивной формы. А сейчас, несмотря на усталость, на заливающий глаза пот и сбившееся дыхание, я все еще была на ногах и бежала вперед. Страх гнал меня, не давая упасть. Быстрее... быстрее...

Мне стало казаться, что даже деревья расступаются передо мной, освобождая дорогу, чтобы я успела добежать и спасти свою жизнь и жизнь моего сына.

Я мчалась изо всех сил. Но опасность приближалась... Еще немного и она меня настигнет. И в какой-то момент я поняла, все... конец. Сейчас я увижу то, что угрожало мне.

И Оно скорее всего меня убьет. Потому что я не добежала Туда, где было безопасно. Туда, где было мое спасение. И уже не смогу. И жить мне осталось считанные минуты. Я чувствовала, как приближается смерть.

И страшно разозлилась. Да сколько можно бегать? Сколько можно закрывать глаза на то, как ко мне относятся Салина и Рыска? Где их поддержка, такая, которая была раньше? Где они сами, когда так нужны мне? Сейчас, я знала, они должны стоять рядом со мной, держать за руки, помогая защититься... а они остались там... дома... и им тоже грозит опасность. Им тоже грозит то, что сейчас так сильно пугает меня. И всем остальным тоже. И господину Гририху... И Вилине... и другим...

Уже знакомый нестерпимый жар, поднимающийся откуда-то изнутри, был ответом на мое решение не прятаться, а встретить Угрозу лицом к лицу. Я далеко от Того, что может мне помочь, но если постараюсь, то смогу дотянуться... не руками нет, а чем-то... чем-то название чего я не знаю. А Там есть Что-то, что может избавить нас от Угрозы. Если ему дать этот Жар, сжигающий меня изнутри.

Только его нужно много. Очень много. Надо только выложиться полностью, потому что по пути туда Жар, рассеется, слишком велико расстояние.

Жар стал скручиваться, формируясь надо мной в огромный Шар, впитывавший всю энергию, которую я ему отдавала. И не только мою, вдруг поняла я. Мой мальчик, мой

нерожденный сын тоже насыщал этот Шар своим Жаром... но малышу не хватало сил, и еще немного и ему придется отдать жизнь, чтобы я смогла спасти себя...

– Нет! – заорала я, безуспешно пытаясь остановиться, – Нет! Не-ет!

В последнюю секунду материнский инстинкт, выкопанный мной из недр перепуганного подсознания, взял вверх над Шаром, и я смогла прервать поток энергии от моего сына к Шару, чтобы мой малыш жил.

Это не прошло даром. Равномерно и стабильно растущий Шар запульсировал, заколыхался, ему не хватало той энергии, что он получал от моего ребенка... Шар надо было как можно быстрее надо отправить Туда, чтобы Оттуда он уничтожил Угрозу, но Жара в нем было еще слишком мало, чтобы справиться с этой задачей...

Моего Жара, моей энергии в Шаре становилось все больше. И он пошел вразнос, готовый взорваться прямо здесь. И я боялась представить, к чему это может привести. Мы просто испаримся, исчезнем, будто бы нас и не было.

Я пыталась удержать Шар, но у меня получалось все хуже. Биение Шара становилась сильнее, и я поняла, что мне нужно прямо сейчас либо бросить его Туда, и надеяться, что силы Шара хватит, чтобы преодолеть путь до Туда и потом еще уничтожить Угрозу. Либо сейчас он попросту взорвется от избытка моей энергии.

И тут я ощутила совсем рядом Источник. Источник, ко-

торый мог поделиться со мной тем, чего мне так не хватало. Да, он был чужой, и поэтому неподходящий. Но я снова откуда-то знала, что должна сделать, чтобы связать, сроднить наши энергии. Нужно всего лишь объединить капли наших сил: Источника, мою и моего сына.

– Малыш, прости, я возьму только капельку, – прошептала я, потянувшись к моему совсем еще крошечному, но такому сильному сыночку, – ты у меня настоящий боец. Я горжусь тобой, мой маленький... И люблю... больше всех на свете.

Смешать три капли Жара оказалось очень просто. Я сделала все легко и быстро. И нужная, мужская энергия стала вливаться в Шар щедрым потоком, уравнивая и успокаивая его биение.

Шар рос. Теперь я была уверена, что справлюсь. Когда Шар накопил достаточно энергии, я отправила его Туда, чтобы Оттуда он уничтожил Угрозу. И он гудя, как трансформатор, оторвался от меня и улетел куда-то далеко.

А я вдруг поняла, что смогла. Смогла остановить то, что угрожало мне и тем, кто стал мне родным в этом мире.

Все... теперь все будет хорошо...

Колени подогнулись, и я рухнула на траву... нет... на руки землисто серого господина Орбрена.

Я пришла в себя, когда пошел дождь. Мелкий и теплый летний дождь, который даже не замечаешь, работая в огороде. Но сейчас он нагло и бесцеремонно запустил тонкие

ручейки мне в нос, отчего я села и закашлялась, мгновенно пробудившись.

Рядом, на боку лежал мертвый господин Орбрэн. Нет, не мертвый, но едва живой. Я каким-то внутренним чутьем услышала его дыхание и тихий, едва заметный стук сердца.

Что произошло? Как я очутилась здесь, рядом с кромкой этого незнакомого леса? У нас в округе совершенно точно не было таких огромных деревьев, похожих на дубы. Я не понимая ничего, огляделась. И вдруг кто-то громко фыркнул мне в затылок.

Я заорала и подпрыгнула на месте, в прыжке вставая на ноги и разворачиваясь. На меня смотрела удивленная и испуганная лошадь господина Орбрэна. Она сделала шаг назад и уже присела, готовая бежать от этого страшного существа, только что лежавшего рядом с хозяином. Я увидела в ее глаза свое отражение – грязная, разорванная одежда, растрепанная коса забитая репьями, спутанные грязные волосы, выбившиеся из косы и окружавшие мою голову страшными нечесаными космами... бедная лошадь. Она уж точно не ожидала увидеть такую красоту.

– Не бойся, – просипела я, сорванные связки отозвались болью. Я кричала? Не помню...

Лошадь мотнула головой и сделала шаг вперед. Ко мне. Ткнулась мягким слегка влажным носом в протянутую руку. Я провела ладонью по морде, а она сделала еще шаг и положила голову мне на плечо, шумно выдохнув в ухо.

Я заскользила руками по голове и шее, чувствуя, как полились слезы, освобождая меня от какого-то нечеловеческого напряжения. Я не знала, что за чертовщина произошла со мной совсем недавно, но понимала, Это потребовало от меня внутренних ресурсов на грани возможного. И чудо, что я осталась жива, что мы остались живы. Я, мой сыночек и негодяйский господин Орбрэн... который каким-то образом нашел меня здесь. Следил, наверное. Хотя я убегала не от него. Он просто не мог быть такой Угрозой.

Иппотерапия помогла, я совсем пришла в себя. И пришли в себя естественные надобности: попить, поесть и помыться. Я огляделась. Как искать в лесу ручеек? Или речку? Я никогда не была в лесу так долго и так далеко, чтобы я не могла потерпеть до возвращения домой.

Может быть здесь рядом есть деревня? Я прислушалась. Чтобы лучше слышать, закрыла глаза. И «увидела». Здесь на расстоянии дня пути пешком нет ни одной деревни. Зато совсем рядом небольшое лесное озеро. Хм... как интересно. Это я всегда так могла или у меня снова проснулись новые способности? А они были. Я ощутила как Жар пробежал легкой волной по кончикам пальцев.

– Пить, – прошелестел господни Орбрэн, отвлекая меня от мыслей, – пить...

Он все еще был на грани жизни и смерти. Кошмар меня подери! Это что же с ним такое случилось? Вроде бы ни ран никаких нет. Неужели Шар забрал у него всю силу, как чуть

не забрал у моего сыночка?

Я положила руку на живот. Мой мальчик чувствовал себя превосходно. Просто немного устал и теперь спал, слабо шевеля крошечными ручками и ножками. Как интересно, я теперь сама себе УЗИ получается? Еще полюбовалась ребеночком. Какой же он у меня хорошенький...

А теперь надо позаботиться о себе и господне Орбрене. Я его, конечно, ненавижу, но не бросать же человека здесь, в лесу.

–Эй, лошадь, – позвала я кобылу, – иди сюда, помоги оттащить твоего хозяина к озеру.

Глава 41

Намучились мы с лошадыю изрядно. Закинуть ей на спину такую тяжелую тушу господина Орбрена не получалось. Сил у меня хватало только чтобы поднять его руку или ногу. А лошадь наотрез отказалась садиться, чтобы стать ниже. Пришлось искать другие способы.

Сначала лошадь тихо ржала, глядя, как я пытаюсь сплести волокушу из веток или обвязать негодяя лифчиком. Других-то веревок у меня не было.

А у лошади было все: и попона, и веревка, и сумка с неизвестным содержимым, и даже мой рюкзак со всем имуществом. Когда ей надоело смотреть на мои безуспешные потуги, она ткнула меня носом в шею и повернулась боком, показывая свои богатства. Первым делом я достала из рюкзака баклажку с водой, попила сама и напоила господина Орбрена. А потом, перекатила его на попону, привязала уголок попоны к лошади, и мы потащили нашу полуживую поклажу к озеру. Вернее, лошадь потащила поклажу, а я потащила себя. Все же я и сама все еще была слаба после... после чего? Вот что это было? Что за Угроза, и где это неведомое Там, куда мне нужно было. Сейчас я ничего такого не чувствовала.

Круглое лесное озеро оказалось совсем близко, шагов триста, не больше. Кристально чистое, свежее от бьющих со дна ключей, с пологим каменистым берегом с нашей сторо-

ны и крутым обрывом напротив. Немного дальше и правее из озера вытекала небольшая речушка, заросшая по берегам осокой.

Ужасно хотелось помыться и вычесать репы из косы. Поэтому захватив сменную одежду и гребешок, я оставила господина Орбрена под присмотром лошади под крайним дубом, и пошла к берегу. По камушкам дошла до самой кромки, скинула грязную одежду и принялась распутывать волосы, сидя на огромном валуне, наполовину утопленном в воде.

Вечернее, предзакатное солнце приятно грело спину. Я наслаждалась покоем, неспешно приводя себя в порядок. На волосы у меня ушло часа два времени, не меньше. Поэтому когда искупавшись в зябко-прохладной воде и простирнув изодранные джинсы и футболку, я вернулась к дубу, уже вечерело. Еще немного и станет совсем темно. Придется ночевать здесь. Хорошо, что ночи в Гвенаре теплые, а у меня с собой пуховик, не замерзну.

Пришлось идти за дровами и разводить костер. Повезло, я научилась топить печку, а то бы никогда не смогла разжечь огонь в лесу. Я же не охотник или не лесник какой-нибудь. Набрала столько дров, чтобы хватило на всю ночь. И чуточку больше. Благо сухих веток в округе валялось довольно много.

Перекусила хлебом с сыром и молоком, присев на попону рядом с негодяем. Лошадь тоже хрумкала травой, горестно

вздыхая. Ее, наверное, надо было распрячь, но я не знала, как это делать.

Неспешные хлопоты успокаивали, и давали ощущение, что все хорошо. Спокойно. Хотя на самом деле мне было страшно. Я же никогда не ночевала в лесу. И, вообще, где я? И как очутилась так далеко от дома?

Когда ночь окончательно опустилась на полянку возле озера, а я дремала под едва слышное потрескивание костра, сидя на корточках и уткнувшись в колени, очнулся господин Орбрэн.

– Малла, – позвал он меня, а когда я наклонилась над ним, спросил, – что ты опять наделала?

– Я не знаю, – пожалала я плечами и подбросила дров в огонь. Даже злиться на негодя не было сил, – мне было страшно.

Пламя вспыхнула освещая небольшой круг, отчего тьма за пределами света стала еще более темной.

– Мне кто-то угрожал. И я бежала куда-то. Туда, где безопасно. Но не успевала, и это страшное стало совсем близко. Тогда я что-то сделала... сама не знаю что. И уничтожила угрозу.

– Как ты это сделала? – он попытался встать, но у него не получилось, и он снова упал на попону, – и кто ты, Малла?

Я снова пожалала плечами и честно ответила:

– Я Малла Вильдо из Хадоа, мой муж работал на Гвенар. Погиб три с половиной месяца назад. Меня вывезли и назна-

чили пенсию. О делах мужа ничего не знаю, в Гвенаре никогда не была.

– Ты не из Хадоа, – покачал он головой.

– С чего вы взяли? – спросила я, чтобы разговор продолжался. Молчать страшно, потому что тогда становились слышны жуткие звуки из леса.

– С чего? – господин Орбрэн, рыкнув от напряжения, все же смог сесть, а я услышала, как его желудок пропел, выдавая желание поесть, – Ты ничего не знаешь об их традициях. Я положил на твое крыльцо самый лучший мех, который могу себе позволить. А ты подарила его Салине. Хотя любая девушка из Хадоа сразу бы поняла, что я имел в виду.

– Что?! – я как раз вытаскивала из рюкзака половину краюхи хлеба, сыр и молоко, которые оставила для господина Орбрэна, – так это были вы?! Но зачем?

– Я проверял тебя. Если в Хадоа свободной женщине кладут шкуру, то она ее либо забирает в дом, либо оставляет лежать на крыльце. А ты отдала подруге.

– Может быть я нарочно это сделала? Чтобы ввести вас в заблуждение?

– Нет, – господин Орбрэн мгновенно проглотил небольшой бутерброд и запил молоком. А я еле сдержалась, чтобы не дать ему еще и огурец... из мести. – Я тогда следил за твоей реакцией. И не сомневаюсь, ты не знаешь, что значит этот обычай.

– Знаю, – из вредности мне не хотелось соглашаться, –

взяла – значит замуж готова выйти, не взяла – значит нет, – пришло на помощь воображение.

Господин Орбрэн замер, а потом расхохотался, пугая окрестную живность.

– Нет, Малла, все гораздо неприличнее, – хмыкнул он.

Я зашипела и отвернулась. Вот ведь негодяй!

Мы замолчали. Мне говорить не хотелось. Было обидно, разве я давала повод думать о себе так?

Чего молчал господин Орбрэн мне было не интересно. И чем он там шебуршал, роясь в переметных сумках, тоже было не интересно. И как заставил лошадь лечь, чтобы ему не нужно было вставать... и, вообще, мне всё было не интересно, что касалось этого негодяйского господина Орбрэна.

– Апп! – подал он голос, порывшись в сумках, – Малла, у тебя амулет его светлости цел?

Я машинально схватилась за то место, где раньше висел амулет герцога. Но его не было. Его не было еще тогда, когда я купалась в озере.

– Нет, – ответила я и спохватилась, – а откуда вы знаете, что он у меня был? Вы что залезли мне под рубашку?! – ужаснулась я.

– Да, – спокойно ответил негодяй, возвращая в сумки вещи.

Меня аж подбросило от негодования.

– Вы... вы... -вы... – задохнулась я от возмущения, – как вы могли?!

– Не переживай, – фыркнул он, – кроме амулета там у тебя нет ничего интересного.

Я как раз ворошила угли в костре. Палкой. И так мне захотелось огреть этой палкой господина Орбрена по голове... как же было хорошо, когда он был без сознания.

– Мой амулет тоже рассыпался, – сокрушенно произнес Орбрэн, – и запасной я не взял. Значит нас скоро найдут...

– Кто? – испугалась я. Теперь мне снова стало страшно.

– Его светлость, – довольно хмыкнул господин Орбрэн, – уж одновременная пропажа двух амулетов не даст ему спать спокойно. Когда я услышал тебя было примерно три части пополудни. Ну, пусть часть ты куролесила, выпив меня без остатка. Тогда амулеты, скорее всего и спалила. Сейчас стемнело, значит части через три – полночь. Вот к полуночи он и явится. От кого спасалась-то?

Господин Орбрэн так резко перевел разговор, что я даже не сразу поняла о чем он спрашивает.

– Я же говорила, что не знаю. От чего-то.

– А меня зачем выпила? – Кажется он чувствовал себя намного лучше, потому что завозился, усаживаясь поудобнее.

– Не знаю, – соврала я, не желая рассказывать, что использовала его Жар вместо Жара малыша. Вдруг получится скрыть беременность. Незачем ему знать, что у меня будет ребенок. – Я сама не понимала, что делала.

– А сын-то цел? – как бы между прочим задал он вопрос.

– Что? – вздрогнула я снова, спине резко стало холодно,

как будто бы мне за шиворот сунули горсть снега, – не понимаю о чем вы...

– Малла, – господин Орбрэн разлегся на попоне, положив руку под голову, и смотрел в небо с чужими звездами, – я знаю, что в тебе невероятно сильна Древняя Кровь, что ты беременна, что срок тринадцать недель и что у твоего сына тоже очень сильна Древняя Кровь. Может все же расскажешь, кто ты такая на самом деле?

– Я Малла Вильдо из Хадоа, – зло повторила я, – мой муж работал на Гвенар. Погиб три с половиной месяца назад. Меня вывезли и назначили пенсию. О делах мужа ничего не знаю, в Гвенаре никогда не была. И ни про какую Древнюю Кровь не знаю, – добавила я. Хотя вдруг вспомнила, что ведьмы что-то говорили об этой древней крови.

Я бросила палку и отвернулась. Слезы жгли глаза, но я не хотела плакать при нем. Только не при нем. И, вообще, раз здесь вот-вот появится его светлость, значит мне нужно бежать. Господин Орбрэн еще слаб, он не сможет меня догнать. И может быть меня получится спрятаться. Я не отдам ребенка. Даже если мне придется скитаться всю свою жизнь.

– У тебя не получится сбежать, даже не думай, – ответил мне господин Орбрэн так, как будто бы я рассуждала вслух. Но это я точно ничего не говорила. И я мысленно взвыла, кажется потеря амулета привела к тому, что мои мысли снова можно прочесть. Как тогда...

Я вскочила на ноги и медленно, не отрывая взгляда от на-

сторожившегося господина Орбрена, попятилась в темноту, за пределы освещенного костром кольца. Бежать!

– Не стоит, Малла, – медленно, словно боясь испугнуть, сказал он, – у тебя сейчас тоже остались только крохи способностей, но через несколько дней они восстановятся, и его светлость найдет тебя очень быстро. Но если ты мне расскажешь правду, я постараюсь помочь тебе остаться рядом сыном. Ты ведь именно поэтому пошла к арровым ведьмам?

Я замерла, нутром чувствуя, что он не лжет. Что же делать? У меня два варианта: сбежать и тогда меня найдут через несколько дней, это я тоже чувствовала. Либо... либо поверить ненавистному господину Орбрену и попросить у его светлости отпустить меня и моего сына домой, в бывшее вдовье поселение... или в какую-нибудь другую самую глухую деревушку. А если нет... если нет, я все равно что-нибудь придумаю. Вотрюсь в доверие. Узнаю. И сбегу позже. Когда буду знать где и как спрятаться. У меня еще есть время. Не запрут же они меня под замок на самом деле. Надо только... тш-ш-ш... надо только не думать о своих планах... только не думать... потом... когда у меня будет амулет...

Я сделала шаг обратно, вступая в освещенный круг.

– Умница, – господин Орбрен неотрывно смотрел на меня, ожидая что я решу, – Расскажи мне, Малла, откуда ты. Я должен знать правду, чтобы помочь тебе.

– Я не могу, – выдавила я пересохшим горлом от волнения и страха перед будущим, – это проклятие его светлости. И

вы же поехали к нему, чтобы узнать кто я. Я слышала, как господин Гририх говорил вам...

– Я не доехал. Кое-что случилось, пришлось изменить планы. Что за проклятье?

– Каждый раз, когда я хочу сказать откуда я, у меня получается «Я Малла Вильдо и Хадоа...».

– Хм... Значит его светлость в курсе откуда ты? – Я кивнула. – Не понимаю... но как же он тогда отпустил тебя?

Я пожала плечами...

– Он всю свою жизнь мотается по Гвенару в поисках таких, как ты... и при этом отпустил. И ты не врешь. Не понимаю. Что-то не сходится... Ты не из Хадоа, его светлость отпустил тебя, при этом навесив амулет. Значит... нет, не сходится... откуда же ты взялась, Малла...

Господин Орбрэн ушел в себя, хмурился, а иногда шевелил губами. Я решила подсказать, если смогу.

– Я... я вместе с королевой, – прошептала я, – я поставила подножку его величеству. Думала, он хочет обидеть девушку. А потом оказалась здесь, вместе с ними... в этом мире...

– Что?! – господин Орбрэн даже подпрыгнул, – повтори.

Я повторила.

– Аарр! – зарычал господин Орбрэн и ударил кулаком по земле, – они все таки открыли портал в Мидгард! Вы с нынешней королевой оттуда?

Глава 42

Я кивнула:

– Не знаю, что такое Мидгард... но, наверное, вы правы...

– И он просто повесил амулет и привез тебя во вдовье поселение?!

– Его величество велел выдать меня замуж... за конюха... я отказалась, я замужем... была... там... он сказал, что я вдова. Вот и...

– Это был не вопрос... за конюха... он сошел с ума. Ты влила в... во что-то, – он запнулся. – в три раза больше энергии, чем забрала у меня... твой ребенок в возрасте трех месяцев от зачатия, влил в два раза больше меня... Arr!

Он снова что-то бормотал, а потом, словно споткнувшись о свои мысли, спросил:

– Малла, а как ты смогла добавить к вашим энергиям мою? Она же чужая?

– Я смешала, -ответила я, – по капле: вашу, мою и моего сына.

– Смеш... смешал-ла? – господин Орбрэн побелел так, что это было заметно даже в темноте, освещенной всего лишь всполохами пламени, – и... и как? Легко смешалось?

– Да, – пожалала я плечами. Мне стало зябко, я достала пуховик и накинула на плечи.

– Замерзла? – как-то сдавленно спросил он.

– Замерзла... господин Орбрэн, я вас очень прошу, не говорите им, что я беременна. Я не хочу, чтобы у меня забрали ребенка. Я просто хочу растить его сама, – взмолилась я, чувствуя, как слезы бегут по щекам, – это все, что я прошу. Со всем остальным я справлюсь.

– Я постараюсь, Малла. Я же обещал.

Я кивнула, соглашаясь, изо всех сил подавляя мысль, что Я Не Доверяю Ему. Он не должен знать об этом. Они не должны знать.

Мы замолчали. Костер почти потух. До полуночи оставалось совсем мало времени. Скоро появится его светлость. Поднялся небольшой ветерок, зашелестели листья, зашлепало волнами об прибрежные камни озеро. Жаль, здесь нет лягушек, вдруг подумала я... если бы они пели, было бы не так страшно. Наверное. Маленькая луна еле-еле освещала небо.

И я вдруг вспомнила о своих способностях. Закрыла глаза и прислушалась, потянувшись Жаром вокруг. Никого. На день пешего пути только пустой лес, насекомые, забившиеся в щели... и, я вздрогнула... Источник. Теплый, мягкий и такой родной, совсем рядом. Нет... Я Не Доверяю Ему.

– Малла, – подал голос он, – тебе холодно? У меня есть одеяло. Садись рядом, вдвоем теплее. Обещаю, я тебя не трону.

Я Не Д... но я должна быть хитрее – мелькнула и тут же усилием воли погасла недодуманная мысль. Я молча подвинулась, садясь рядом с ним на попону. Сжала зубы, чтобы

удержать разбегающиеся мысли. Как тяжело не думать про черную кошку...

– Господин Орбрэн, – спросила я, чувствуя плечом жар его плеча. Сидеть вместе под одним одеялом на самом деле было теплее. Хотя теперь меня колотило от нервов, – что такое Древняя кровь?

– А ты не знаешь? – удивился он, – разве его светлость тебе ничего не рассказал?

– Нет, – помотала я головой, – ничего. Он просто отвез меня к господину Гририху и оставил там...

– Кхм... но хоть что-то он тебе рассказал? Про Гвенар и про законы, порядки, обычаи?

– Нет, – тепло расслабляло, и я меня мгновенно стало клонить в сон, – и еще, его светлость сегодня не придет.

– Почему ты так думаешь?

– Мы слишком далеко от людей, – зевнула я, – так вы расскажете мне про Древнюю кровь?

– Расскажу, – усмехнулся он, – слушай. Тысячу веков назад жили в Гвенаре люди счастливо да богато. Землю пахали, кашку да сады растили, детей рожали. И были среди них люди силы великой, что все секретами природы ведали и взмахом руки стихиями управляли. Реки текли, куда им Ведающие приказывали, ветра дули так, как им Ведающие повелевали, земля урожаи богатые родила... И только солнце и луна Ведающим не подчинялись.

Тихий голос господина Орбрэна, потрескивание костра,

легкий ветерок с ароматом ночных цветов – все смешалось, и я провалилась в сон. Яркий красочный сон, в котором увидела то, о чем говорил.

Много сделали Ведающие для Гвенара, заслужив любовь и уважение простого люда. Порталы по всему миру создали, так, чтобы из одного конца в другой мгновенно силой мысли перемещаться. И ни болезней в мире не было, ни горестей, ни бед.

И правил Гвенаром самый достойный из Ведающих. Самый сильный, самый знающий. Продолжалось так много тысячелетий. И продолжалось бы больше, если бы Ведающие не решили подчинить себе солнце и заставить его не только освещать и обогревать Гвенар, но и защищать и помогать людям.

Они создали Оракул – артефакт, который должен был сделать мир чище, добрее и справедливее. А потом, открыв гигантский портал к светилу, закрепили его рядом с солнцем, чтобы оно передвигало над всем миром.

Да не учли одну маленькую деталь. Заработавший артефакт стал высасывать магию из мира. Ведающие стали слабеть с каждым веком все больше и больше. Они срочно перепроверили свои расчеты, и оказалось, что в них вкралась обидная ошибка. И для заполнения артефакта магией нужно не пятьсот лет, а пятьсот тысячелетий.

Впереди у Гвенара было не самое лучшее будущее... Магии почти не оставалось. Начались голод и болезни.

Но один из Ведающих, по имени Арр, предложил открыть порталы в другие миры. Чтобы зачерпнуть магию оттуда. Сомневались Ведающие, говорили, мол, слабы мы, но Арр упорно продвигал свою идею. И в конце-концов Ведающие приняли его предложение. Арр уже даже нашел подходящий мир, и провел все расчеты, ему нужны были только силы, потому что в одиночку, как он сказал, портал не открыть.

И тогда добровольцы из самых старых Ведающих принесли себя в жертву. Они верили, что их смерть будет не напрасна.

Но Арр обманул всех. И портал, который открыли Ведающие, вел в мир Хадоа. Оказывается, Арр уже был в том мире, и ему обещали власть над всем Гвенаром, если он совершит такую подлость.

Воины Хадоа вторглись на беззащитный Гвенар, в котором испокон веков не было никаких сражений. Они убивали людей и жгли все, что видели вокруг, превращая мир в черную пустыню.

Ведающие поняли, что ничего не могут противопоставить жестоким захватчикам, ведь их силы были ослаблены Оракулом, который все так же заполнялся магией, чтобы потом заняться защитой Гвенара. И тогда Правящий Ведающий – Рамха, предложил увести людей в недавно открытый им новый мир – Мидгард.

Это было Великое переселение. Ведающие, падая с ног от усталости, истощая себя до бессилия по всему миру от-

крывали порталы в Благословенный Мидгард, уводя за собой людей. А последними ушли сами. Это было шестьсот тысячелетий назад.

Гвенар обезлюдел. И обозленные воины Хадоа выжгли его дотла, не оставив ни единой живой души, ни единой травинки, на много веков превратив Гвенар в черную пустыню.

Когда Арр понял что натворил, то почернел от горя. Он совсем не хотел быть правителем пустого мира, но сделанного было уже не вернуть. Хадоа сдержали свое слово, назвав Арра королем уничтоженного мира. Они бросили его в выжженной пустыне. Одного на всем свете.

Раскаялся Арр, но было уже поздно. Сделанного не исправить. И тогда он стал собирать по всему миру то, что осталось от прежней жизни и оставлял в тайнике в самом отдаленном от портала на Хадоа месте. Так была собрана Великая Библиотека Гвенара, которая и сейчас еще изучена не полностью. Утраченные знание не восстановлены, и многое еще не понято.

Но воины Хадоа убивали не всех. Часть людей они поработили, забрали с собой маленьких детей, чтобы вырастить их лояльными к Хадоа рабами. Многие тысячелетия люди провели в рабстве в том, другом мире, прислуживая ненавистным захватчикам.

Около двухсот тысяч лет назад хадоа решили, что их люди, могут работать на своих хозяев не только в том мире, но и в этом. И началась колонизация Гвенара. Черные выжжен-

ные земли, которые к этому времени так и не восстановились окончательно, по новой заселялись людьми, но теперь они не были свободными, они были рабами хадоа.

Люди-рабы возделывали поля, растили цветы и скот для своих хозяев. И искали способ избавиться от них.

Хадоа даже не подозревали, что по возвращении в Гвенар в людях стала просыпаться магия. В ком-то больше, в ком-то меньше, ведь слабые Ведающие были и среди поработощенных.

Люди тщательно скрывали свои силы. И чтобы усилить магию стали сознательно планировать пары среди тех, у кого способности проявлялись наиболее ярко.

Много тысячелетий продолжался такой отбор. Люди собирали Дар по крупницам. Постепенно появилось несколько родов, в которых магия была очень сильной, по сравнению с остальными.

А однажды родился ребенок, который владел многими Дарами, и управлял стихиями, так же, как древние Ведающие. И люди поняли – это проснулась Древняя Кровь, и появилась у них надежда на возрождение мира и возвращение свободы.

Утром я проснулась с первыми лучами солнца. Господин Орбрэн еще крепко спал. И это радовало. Потому что я лежала на его плече, закинув на него ногу и руку. А он обнимал и прижимал меня к себе. Я зажмурилась, может быть, это сон? Но нет...

Наверное, нам было холодно ночью, попыталась я убедить

себя, медленно выползая из «постели», зябко ежась от холодной сырости в воздухе. Обильная роса намочила и края попоны, и одеяло.

Прямо над нами влажные листья дуба повисли кончиками вниз, удерживая толстые капли воды и грозя при малейшем неосторожном движении устроить холодный душ прямо здесь.

Стряхнула капли росы с рюкзака,хватила холстину, заменяющую полотенце, и, приподняв подол измятого сарафана, чтобы не замочить об траву, побежала к озеру. Охладиться. Я же не бревно какое-нибудь... а господин Орбрэн далеко не урод... да... если бы не его негодяйский характер...

А вода в озере оказалась теплой, как парное молоко. Теплее, чем воздух, и от этого над поверхностью даже вилась легкая дымка.

Солнце вставало, окрашивая макушки деревьев редкими мазками розового золота, втискивая лучи в редкие прорехи небесной хмари. Ветра совсем не было, и тучи наверху бугрились темными боками влаги. Скоро пойдет дождь.

Это было видно и так, невооруженным глазом, но еще я это знала. Мое обострившееся вчера шестое чувство кричало о том, что дождь будет обильный и затяжной. Я теперь сама себе Гидрометцентр. Как удобно, оказывается, когда у тебя в жилах Древняя Кровь. Интересно, а почему в нашем мире это никак не проявлялось?

– Доброе утро, – перебил мои мысли господин Орбрэн.

Он, хмурясь и зевая, стоял на мокром от росы камне, на котором я вчера обнаженная расчесывала волосы... А потом поднял угрюмый взгляд и посмотрел на меня. Кошмар меня подери! У меня внутри все полыхнуло так, что казалось вода сейчас вскипит. Ну уж нет! Не дождешься! Я кивнула, отвернулась и поплыла на середину озера. Там прохладнее.

Позади раздался плеск, а потом мимо меня, мощно загребая воду резкими взмахами, пролетел господин Орбрэн. Меня снова кинуло в дрожь, либидо, казалось сошло с ума, возжелав непременно заполучить этого негодяя в свои лапы. Срочно рванула на берег, прочь от этого негодяя.

– Малла, – недовольно окликнул меня он, – чтобы никто не мог читать тебя, ты должна мысленно оградить себя стеклянными стенами...

Какой позор! Я мгновенно выставила между нами пластиковое окно. Большое, трехстворчатое. Машинально, как-то само получилось. А потом подумала и окружила себя со всех сторон такими же окнами.

Сразу стало легче дышать. Желание не ушло, но стало как-то глуше. А вот стыд... я покосилась на господина Орбрэна, который тоже уже плыл к берегу, ведь он «слышал» мои неприличные мысли. Какой позор!

Быстро обтерлась одной половиной холстины, натянула сарафан и, стуча зубами от холода, побежала к костру. Хотелось согреться и поесть. У меня в рюкзаке остались огурцы и помидоры.

Кажется, я все таки разбудила господина Орбрена, когда выползала из его объятий, потому что он уже развел огонь, вбил в землю ветку с сучком и достал из своих сумок мешочек с цветочной кашей. Словно намекая, что нужно согреть воду и заварить эти треклятые цветочки. А в чем? Я огляделась, никакой посуды. Хоть в горсти воду грей.

– Залезай под одеяло, – господин Орбрен подкрался неслышно, – холодно же.

Обошел меня и подвесил закопченный котелок над костром. А совсем мокрую холстину на ветку... и тут я покраснела. Я же раньше так делала, когда мы с зайкой-алкоголиком купаться ходили: вытиралась одной стороной полотенца, а он другой. И сейчас поступила так же. Неосознанно. Кошмар меня подери! Хорошо, что окна так и стоят вокруг меня, закрывая мысли.

Глава 43

– У тебя отлично получилось, – сказал он, пристально оглядев меня, – я больше не слышу, о чем ты думаешь. Интересно, почему ты не умела прятать мысли от других? У вас разве принято думать вслух?

– У нас никто не умеет слышать, о чем думают другие люди, – я закуталась в одеяло. От него пахло господином Орбреном. Это просто ужас какой-то.

– Почему? – Он с хрустом ломал ветки, чтобы подкинуть их в костер. Их осталось совсем мало, и если мы хотим остаться здесь, пока идет дождь, после завтрака нужно будет идти за дровами.

– У нас в мире нет ни магии, ни Даров, ни Ведающих... пока не поселилась в Гвенаре, я даже не знала, что такое бывает на самом деле. У нас это всего лишь сказки.

– То есть ты не знаешь, как управлять своими силами?

Подложив дрова в огонь, он сел напротив меня на кусок костра и принялся обстругивать палочку, стряхивая стружку прямо в жадное пламя. Наверное, нож тоже был у него в сумках. Господин Орбрен оказался готов к моему путешествию гораздо больше, чем я.

– Нет, – я помотала головой, – я даже не знала, что они у меня есть. До вашего рассказа вчера вечером.

– Но ведь уже управляла стихиями?

Костер разгорался, стало немного суше и теплее. И вода в котелке покрыла пузырьками стенки посуды, готовясь закипеть.

– Никогда в жизни.

– Разве? – он удивленно приподнял брови, – я видел это своими глазами. Вчера деревья расступались перед тобой, овраги поднимались, а холмы выравнивались. И ты сворачивала пространство. Именно потому мы так быстро оказались здесь. Кстати, куда ты бежала? – господин Орбрэн ловко поддел котелок с закипевшей водой, опуская его на землю, насыпал горсть синих цветков и размешал палочкой.

– Не знаю, куда-то... а вы уверены, что это делала я?

– Уверен, Малла, – он достал из сумки ложку и подвинул котелок мне, – я тоже Ведающий. И я видел.

– Вы Ведающий? – я распахнула глаза, – правда?

– Правда, – улыбнулся он уже второй раз. Не иначе в лесу что-то сдохло. – Бери, ешь. У меня только одна ложка и один котелок. Так что ты первая.

– У меня овощи в рюкзаке, – пробормотала я, осторожно подтаскивая горячий и покрытый свежей сажей котелок ближе. Господин Орбрэн кивнул, залез в рюкзачок и ловко разрезал помидоры и огурцы, складывая половинки на сдернутую с ветки мокрую холстину.

– Если вы Ведающий, то почему об этом никто не знает? – я подула на кашу. Есть хотелось так же, как знать, что, вообще, происходит. – мне Салина совершенно точно рассказала

бы об этом.

– Кому надо, те знают, – усмехнулся он, – а остальным не обязательно.

– Почему?

– Потому что не только наши шпионы есть в Хадоа, Малла, – вздохнул господин Орбрэн, – но и их у нас. Ешь, я за дровами. Нам еще его светлость сидеть и ждать.

Я замолчала. Небо хмурилось, прорехи в тучах совсем пропали. И воздух потяжелел от влаги. Вот-вот начнется дождь. И это не самое лучшее время для прогулки. Хотя, я снова, закрыв глаза, осмотрела округу, его светлости нет.

Насытившись, я отодвинула котелок, поставив его на угли, чтоб не остыл, и, хрустя огурцом, тянула время. Вылезать из-под теплого одеяла и идти в холодный мокрый лес за дровами ужасно не хотелось. И не пришлось. Господин Орбрэн справился сам, в два приема натащив кучу веток и бревен раза в два больше моей вчерашней.

– Господин Орбрэн, – вырвалось у меня, когда он уселся завтракать, – идемте сюда, под одеяло, вам же холодно.

Я сошла с ума, кошмар меня подери! Язык мой – враг мой.

Под одеяло господин Орбрэн залез только, когда доел кашу, помыл котелок и соорудил навес над костром. А я все это время приходила в себя то ли от своей смелости, то ли от дурости. Не понимаю, почему я так реагирую на него? Нет, он, конечно, чисто внешне мне очень нравится, но ведь внешность не главное. Это я, благодаря моему красавчику-Орлан-

до знаю. А все остальное мне в бригадире строителей не нравится совершенно.

– Да, не трясись ты так, – неправильно понял меня господин Орбрэн, – ничего я тебе не сделаю.

– Господин Орбрэн, – прокашлялась я, надо было срочно перевести мысли другую плоскость, – раз вы Ведающий... и я тоже... вы научите меня управлять силой?

– Научу, – улыбнулся он, – а ты расскажешь мне о своем мире? Потом, когда сможешь?

– Расскажу, но вряд ли вам будет понятно. У нас технологический мир.

– Тех-но-ло-ги-чес-кий? – с трудом выговорил господин Орбрэн по-русски, – что это значит?

– Это значит, что у нас жизнь построена на основе технологий. Механизмы, а не магия.

– Любопытно. Я хотел бы больше узнать о мире без магии, – он улыбнулся мне.

– Зачем это вам? – я насторожилась. Чего это негодяй стал таким любезным? То всегда меня обвинял в чем-то, вел себя, как мерзавец, а сегодня вдруг стал добреньким? – Не стоит делать вид, господин Орбрэн, что вам это интересно. Я знаю, вы меня ненавидите, можете не притворяться.

– Я тебя не ненавижу, Малла. Ты слишком сильно отличалась от всех остальных вдов... ничего не умела, но это можно понять, ты могла быть из богатой семьи, как Салина. Но откуда ты брала свои идеи... я ведь знаю, в нашем мире на

территории Хадоа, а ты говорила, что прибыла к нам оттуда, ничего подобного не существует. А еще твое поведение... то ты была вполне нормальной, обычной, как все остальные вдовы, то вдруг становилась надменной, как аристократка в далеко не первом поколении. Сначала я думал, ты шпионка из самого мира Хадоа. И я начала следить за тобой. А потом ты пришла на площадь, и потребовала у Оракула изменить статус вдов.

– Не правда, – перебила я его, – я не требовала, а просила, и не изменить статус вдов, а разрешить носить сарафаны. А статус... это нечаянно получилось. Я не хотела.

– Нечаянно?! – удивленный возглас из ближайших кустов заставил меня подпрыгнуть. Если бы господин Орбрэн не вскочил следом, не поймал меня и не прижал к себе спиной, обнимая и лишая последних мыслей, а то я бы убежала куда глаза глядят. Как вчера. Ведь не далее как час назад в дне пути от нас не было ни единой человеческой души.

Сейчас же его светлость, ругаясь на кусты осыпающие его влагой, вышел к нам из леса, причем выглядел так, будто бы вышел из двери своего кабинета во дворце его величества. Против него мы, с господином Орбрэном в своих помятых в походе одеждах смотрелись откровенно убого.

А еще герцог – угроза моему ребенку. Господин Орбрэн, конечно, обещал, но... где герцог и где простой господин Орбрэн. И еще Я же Не Доверяю Ему! Может быть я зря не сбегала, пока имела такую возможность?

– Не бойся, – шепнул он мне на ухо, – я скрыл ребенка. Пока никто и ничего не узнает. – И продолжил вслух, – Ваша светлость, – радость на лице негодяя теперь читалась большими буквами, – позвольте представиться: господин Орбрэн и колхозница из вдовьего поселения Малла. Мы вас ждали.

Кажется, его светлость ожидал увидеть здесь кого-то другого. Иначе с чего бы ему быть в таком шоке? Но он явно был удивлен, когда увидел нас.

– Очень рад познакомиться, господин Орбрэн, – он внимательно осмотрел нас, и на холеном лице его светлости явно вспыхнула довольная усмешка. А у меня возникло чувство, что я снова что-то упускаю. И этот негодяй попросту издевается надо мной. Так же как тогда, когда привез во вдове поселение. – Почему ты думаешь, что это она? – резко посерьезнел он.

– Я был там и все видел, – пожал плечами мой негодяй, – это она, ваша светлость.

– Как интересно, – пробормотал его светлость и пристально посмотрел на меня. Так пристально, что я невольно съехала, вжимаясь в грудь господина Орбрэна. А еще я увидела глазах герцога смертельную усталость. Он явно давно не позволял себе даже выспаться, не то, что полноценно отдохнуть. – А в последний Первый день, это не ее ли художества случайно?

– Ее, – подтвердил негодяй, – и вчера – тоже ее.

– Я ничего не делала, – решила я вмешаться. А то обви-

няют меня в не пойми чем.

Оба негодяя слажено фыркнули, показывая, что не верят мне ни на грош.

Оказалось, что его светлость отлично умеет сворачивать пространство. Поэтому-то и подобрался к нам незамеченным. И поэтому, оставив на потом все объяснения, мы стали собирать вещи, чтобы успеть уйти до дождя. Благо их было совсем мало.

Пока собирались оба негодяя подтрунивали надо мной, посмеиваясь над моими попытками огрызнуться и не оскорбить проклятых аристократов. А его светлость еще подшучивал над господином Орбреном. И от этого возникало ощущение, что я чего-то не понимаю. Ну, не могут герцог и безземельный дворянин так поддевать друг друга. Даже если они знакомы сто лет. Ни в одном фильме про нравы аристократов подобного отношения я не видела.

А потом я вспомнила, что господин Гририх не гнушался и навоз за коровой покидать, и возле правления траву скосить, и, вообще, кто сказал, что аристократы здесь такие же снобы, как и у нас? Может быть для них такое поведение – норма?

Закончив сборы, мы шагнули в кусты на полянке и вышли из кустов в другом месте. Явно не очень далеко, потому что тучи все еще нависали и грозили пролиться дождем. Но явно не близко, потому что дождь здесь будет совсем коротким и не таким проливным, как на полянке.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, – взмах-

нул рукой герцог, и я увидела огромный двухэтажный дом на небольшой поляне среди леса.

Огромный, конечно, по меркам моего мира. Квадратов двести, не меньше. Светлые стены, перечеркнутые темно-коричневыми деревянными балками. У нас такой стиль называют фахверк. В жизни бы мне такое слово не запомнить, да однажды хозяйка магазина, котором я работала, со своим мужчиной по телефону ругалась. Мол, ты мне обещал фахверк и не сделал. Я тогда в интернете смотрела, что это за зверь такой, сексуальный... вдруг мне тоже надо Орlando на фахверк уговорить? А оказалось, что все совсем не так романтично.

Внутри тоже все было так же «фахверково»: массивные балки по потолку, темное тяжелое дерево и светлые ткани.

Встречал нас сухонький старичок, сгорбленный и седой, как лунь.

– Ваша светлость, – обратился он к герцогу. Говорил он медленно, с трудом, тихим и дребезжащим голосом, – комнаты для...

– Господина Орбрена и его спутницы, – невежливо перебил старичка его светлость, – спасибо, Леард. Вели подать обед через полчасти, мои гости голодны.

– Для господина Орбрена и его спутницы, – продолжил несчастный Леард, он, кажется даже не понял, о чем говорил с ним его светлость, – готовы. Обед будет подан через полчасти, ваша светлость...

У-у-у! Негодяйский негодяй этот ваша светлость. Да разве же можно так со старым человеком? Он уже должен на пенсии сидеть, а не работать. Видно же и сил у него нет, и органы, вон, изношены совсем, еле-еле работают. Это у меня режим УЗИ включился. А рядом с сердцем черное что-то... убрать надо... а то дойдет до сердца и все. А старичок этот на соседа нашего похож. Дядю Васю... Один в один почти. Жалко...

В общем... подправила я кое-чего... штучку эту черную убрала... потом позвоночник, где дедушка Леард разогнуться не мог, подлечила. Там у него отросток, что от спинного мозга отходит, воспалился давно. Ох и больно ему, наверное, было. Сердце мне его тоже не понравилось. И почки. Получилось все быстро, дедушка Леард только вздохнуть успел. И ахнуть.

Его светлость аж подпрыгнул на месте. Развернулся, впился в меня взглядом. И так страшно мне стало, что я шаг назад сделала и за спину господина Орбрена спряталась. Он, конечно, тоже негодяй. Но я к нему уже привыкла.

– Вот так, – развел руками господин Орбрэн и рассмеялся.

– Что ты сделала, Малла? – зашипел как стая гадюк его светлость.

– Ваша светлость! – ахнул Леард и выпрямился.

– Я ничего не делала, – я опять пошла в отказ. Ну, я же на самом деле ничего плохого не сделала. А если его светлость желает, чтобы Леард умер прямо на рабочем месте... ну уж

нет. Тем более, за спиной господина Орбена, оказывается, легко быть смелой.

Глава 44

– Тромб рядом с легочной артерией. сердце, почки и позвоночник. Как ты себя чувствуешь, Леард?

– Ваша светлость, господин Орбрэн, – Леард обескураженно переводил взгляд с его светлости на господин Орбрэна, – х-хорошо... спина не болит совсем... легко так стало... госпожа, – заглянул он за спину господина Орбрэна, – благодарствую!

И поклонился. А я чуть сквозь землю не провалилась. Не привыкла же, когда мне кланяются. Чуть было не кинулась к дедушке Леанру поднимать его. Да только, как тогда с господином Орбрэном, откуда что взялось, и я только кивнула важно.

А довольный старичок мой рюкзак из рук вырвал и рукой приглашающе взмахнул:

– Прошу, госпожа, ваши покои готовы, – и засеменил впереди меня, не оглядываясь.

И если бы сама лично не видела, что дедушка на шаг от смерти стоял, никогда бы не поверила, что этот живенький старичок только что помирать собирался.

– Ох, госпожа, мне же с утра раннего сегодня нездоровилось. Поясница из-за дождя разболелась спасу нет, а... господин Орбрэн давненько у нас не был, он-то меня подлечивает помаленьку. А вы-то в лекарском деле посильнее гос-

подина Орбрена будете. Дар, поди, у вас? Хороший Дар для женщины, всегда пригодиться. Детки здоровыми будут.

Старичок болтал, сам не зная, что только что сдал с потрохами господина Орбрена и его светлость. Значит был уже мой негодяй в гостях у второго негодяя. И врут они мне как два сивых мерина. А значит надо сейчас же, во время обеда за грудки их взять и все вызнать.

Комната, которую дедушка Леард назвал громким словом «покои», была на втором этаже, первая дверь слева от узкой и тесной пристеночной лестницы, где едва могли разминуться два человека.

Дедушка Леард распахнул дверь и, пропустив меня вперед, замер у входа.

– Госпожа, здесь есть наряды на любой вкус, – он кивнул на большой двустворчатый шкаф с распахнутыми дверцами по правую руку, – вы можете выбрать себе что-нибудь. Гувернантки у нас, к сожалению нет, но я могу позвать Нарлу, мою жену, она поможет вам принять ванну и одеться.

– Н-нет, спасибо, – растерялась я, вот уж нет. Я не немочь, справлюсь. Еще не хватало, чтоб такая же сгорбленная старушка, вроде дедушки Леарда помогала мне мыться и одеваться. – Я сама.

Старичок кивнул и вышел, неслышно закрыв дверь. Я огляделась.

Комната мне понравилась, небольшая совсем, но такая светлая, уютная. Большое окно, застекленное почти привыч-

ным стеклом, стены покрыты светло-бежевой льняной тканью от пола до потолка закрепленной вертикальными узкими деревянными рейками в цвет массивной потолочной балки. Светлый же потолок и темный, как будто бы лакированный пол. Узкая односпальная кровать накрытая темным покрывалом с горой подушек в изголовье, стояла так, чтобы открытая дверь слегка ее прятала.

А напротив, за шкафом пряталась еще одна дверь – в крошечную ванную комнату. Вот тут-то я чуть не завизжала от радости. Ну, пусть вместо привычной ванной деревянная бадья, но зато она большая и наполненная теплой водой. И что особенно порадовало, из стены торчал кран. Не совсем привычный, но узнаваемый. И слив тоже был.

Я мгновенно скинула с себя все и залезла в воду... Ох! Какое же это блаженство! А еще вода почему-то не остывала. Наверное, какое-то волшебство поддерживает в бадье постоянную температуру. Я бы, наверное, просидела там до вечера, но бадья не ванна, ноги не вытянешь, да и есть вдруг захотелось со страшно силой. А его светлость там что-то про обед говорил. Надо поторопиться, как бы эти два бугаища без меня все не съели.

В шкафу висели платья всех размеров. Были и такие, в которых ходили горожанки, виденные мной во время ярмарки, и чуть получше, и, вообще, пару шикарных и даже мешок незабвенный. Надевать чужое мне не хотелось, тем более у меня в рюкзаке лежал второй комплект сарафан и рубаш-

ка. Когда волосы слегка подсохли, заплела косу и осторожно выглянула за дверь. Никого не было. Внизу еле слышно разговаривали его светлость и господин Орбрэн. И я решила, что подслушать о чем они говорят будет совсем не лишним. Слишком уж много странностей накопилось...

Я на цыпочках спустилась по лестнице, изо всех сил уговаривая ступени не скрипеть, и прокравшись к столовой, мне кажется ничем иным не может быть комната, в которой кроме стола и нескольких шкафов с посудой ничего нет. Тихонько остановилась в дверях и наострила ушки.

– Давно уже, – вздохнул его светлость, продолжая какой-то разговор, – уже с полгода, как вся эта кутерьма началась с королевой, с Оракулом...

– Она ждет. Все очень сильно изменилось, Брантир. Она теперь совсем другая. Они там все совсем другие. Съезди еще раз. Поговори.

– Не хочу... а если она хотела бы, чтобы я приехал, намекнула бы. Письма-то она мне каждый Первый день шлет.

– Донесения, – поправил его господин Орбрэн.

– Донесения, – согласился его светлость печально, – писем я недостоин...

– Ты же понимаешь, что ведешь себя глупо. Вообще, вся твоя ситуация глупость несусветная. Ты вправе сам выбирать с кем прожить жизнь.

– Сам-то выбирал? – невесело хмыкнул герцог.

– Не выбирал... но, знаешь, может быть так даже лучше.

По крайней мере, она мне симпатична. И внешне, и как человек.

– И Совет одобрит...

– Верно.

– В отличие от нас. Хотя она дочь Великого Мастера...

Иногда мне кажется, что именно поэтому Дайра мне и отказывала. Даже попытаться не захотела...

– Все изменилось, Брантир... и изменится еще больше.

Поверь, я знаю, о чем говорю. Моя...

Кошмар меня подери! Я даже рот себе закрыла ладонями, чтобы не закричать. Это Дайра за мной следила? Вот... вот же... никогда бы не подумала! А еще тихую из себя строила! А что же это получается, у них с его светлостью роман что ли? Я вспомнила, как сама Дайра говорила о его светлости. И как он ее спас. И какое выражение лица у нее при этом было. Мечтательное. Одухотворенное. Влюбленное. Кошмар меня подери! То-то она ему дифирамбы пела.

А негодяй-герцог на ней жениться не хочет, потому что не дворянка и ниже его по статусу... Или он хочет, да она за него не идет, потому что не дворянка... и какой-то Совет их не одобрит, в отличии от господина Орбрена... кошмар меня подери, он что женат?! Меня даже в жар кинуло. А притворялся-то, притворялся! Малла, иди ко мне, согрею... тьфу! Негодяй! А еще они делали вид, что не знакомы друг с другом! Кругом ложь и обман!

– Госпожа, – раздался дребезжащий голос дедушки Леар-

да, не давая услышать еще что-нибудь полезное, – проходите в столовую. Его светлости и господин Орбрэн ждут вас. Велели подавать только, когда вы спуститесь...

В столовую я вошла молча. Боялась, что если открою рот, то забуду про три дня в камере господина Гририха и выскажу этим негодьям все, что о них думаю. И так, как о них думаю. Нецензурно.

– Малла, – негодяй номер один сделал вид, что встревожился, – что с тобой? Все хорошо?

Я улыбнулась, стараясь, чтоб улыбка не получилась похожа на оскал, и села за стол. Мне нельзя с ним ссориться, потому что он прячет мою беременность от негодяя номер два. И я должна постараться быть любезной.

Но как только окажусь дома... придется Дайре отдуваться за все: и за свое предательство, и за обман своего ненаглядного негодяя, и за моего негодяя тоже. Ну... за господина Орбрэна. Ей-то я смогу высказать все, не боясь снова оказаться запертой. Нет, ну как она могла?! Что я ей плохого сделала?

– Я хочу домой, – ответила, старательно скрывая мысли за пластиковым окном.

– Завтра я вас переведу в столицу, а оттуда порталом в Вард уйдете, – ответил мне его светлость, – и развел руками, как будто бы с сочувствием, – сегодня не могу, сил не хватает. Я же не ты... Кстати, а почему я не вижу, что ты такая сильная Ведающая?

– Я скрыл, – лаконично ответил негодяй номер один, – пока Малла не умеет прятаться от хадоа, я за ней присмотрю.

– А почему ни я, ни его величество не увидели это сразу?

– Прятаться от хаода? – услышала я главное, – но зачем я им?

– Затем, что они уничтожают Ведающих. Я же тебе рассказывал историю Гвенара, не будет нас, не будет надежды на освобождение.

– Они что – я задохнулась от ужаса, – могут убить меня и мо... нас?

– Не просто могут, Малла, – довольно рассмеялся его светлость, – они это уже не один раз проделывали. Не все королевы умерли своей смертью, знаешь ли...

Кошмар меня подери! Куда я попала?! Я хочу домой! В свой мир! В нашу с Орландо грязную и вонючую коммуналку. Там меня и моего ребенка хотя бы никто не хочет убить. У меня даже аппетит пропал от страха. И я застыла с ложкой в руке, так и не притронувшись к супу, который принесла Марла, крепко сбитая хмурая старуха. Она мне не особенно понравилась, в отличие от дедушки Леарда. Сразу видно, та еще стерва.

Господин Орбрэн тяжело вздохнул, подошел ко мне и, развернув прямо со стулом, присел, взяв меня за руки. И заговорил с мягкой улыбкой, словно я неразумный ребенок:

– Не стоит бояться, Малла, во вдовьем поселении господина Гририха было безопасно, там шпионов нет, я проверил

всех. А вспышки я прикрывал. Так что вряд ли хадоа о тебе известно.

Кошмар меня подери! Я чуть ложку не выронила. Вот ведь негодяй. Прикрывал он. А сказать мне не мог?!

– Почему вы мне не сказали?! – возмутилась я.

– Потому что я думал, что ты делаешь это нарочно. Не понимал для чего: то ли передаешь информацию в Хадоа, пряча ее в этих вспышках, то ли хочешь, чтобы тебя раскрыли, то ли у тебя есть какие-то другие цели. Тем более твои способности виделись мне гораздо менее значимыми. Кто же мог подумать, что арровы ведьмы ведут свою игру и отпаивают тебя опийным зельем. Оно очень сильно успокаивает и замедляет проявление способностей.

– Арровы ведьмы? – вмешался его светлость, – ты уверен?

– Абсолютно, – господин Орбрэн мельком взглянул на герцога, – но я пока их не трогал. Правда, пришлось запереть Маллу на трое суток, чтобы спал дурман... хотя, конечно, я хотел отвезти ее в столицу. К тебе.

– Так вы... вы... вы нарочно?! – задохнулась я. Вот же день откровений. И неведомые хадоа, которых я воспринимала как сказочную пугалку, хотят меня убить. И ведьмы травили меня наркотиками. А господин Орбрэн вроде как герой: спасал меня не щадя живота своего и даже в кутузку засадил ради моего блага... вот негодяй!

И опять, навлекая на мою пятую точку проблемы, тело оказалось быстрее разума. И я изо всех сил шандарахнула

господина Орбена ложкой по лбу.

– Ой! – вжалась в стул и, наконец-то, выронила ложку, – простите... я нечаянно...

На мгновение в столовой воцарила идеальная тишина. Кажется меня сейчас расстреляют... нет, у них нечем. Значит повесят. Прямо тут, в столовой на потолочной балке. Не зря этот охотничий домик сделан в стиле фахверк. Здесь очень удобно казнить бестолковых дур, не умеющих справиться со своими эмоциями.

На лбу ошалевшего от моей наглости господина Орбена наливалась фиолетовым огромная шишка...

Глава 45

Первым молчание прервал его светлость. Нет, он не закричал, что меня надо казнить, не позвал стражу, чтобы бросить меня в подземелье... он зафыркал от сдерживаемого смеха, а потом не выдержал и неприлично громко расхохотался, закидывая голову назад.

– П-простит-те, – я попыталась отползти от господина Орбрена вместе со стулом. Исчезнуть. Испариться.

А он молча встал, хмуро зыркнул на его светлость, мгновенно подавившегося смехом, и так же молча сел за стол и принялся есть суп.

Я же не знала, что мне делать. Так и осталась сидеть, развернутая от стола. Только хмурая стерва-Марла появилась из ниоткуда и положила перед моей тарелкой еще одну ложку.

– Господин Орбрен, – трясущимся от страха шепотом пролепетала я, – простите, пожалуйста. Я не знаю, что на меня нашло...

– Орбрен, – подмигнул мне его светлость, – не дуйся, от твоей Маллы даже его величеству досталось. Почти точно так же.

И он снова захохотал. Вот же... негодяй. А еще аристократ. Мог бы быть и сдержаннее... как господин Орбрен.

– Все хорошо, Малла, – сухо с каменным лицом ответил он, – ешь.

Ну, да... когда твоя жизнь висит на волоске, самое время перекусить.

Обед прошел в молчании. Только его светлость фыркал в тарелку. Когда закончилась последняя трапеза, господин Орбрэн поднялся, синяка у него на лбу уже не было, и велел.

– Малла, пройдем в кабинет.

Вот и все... надеюсь, они дадут мне отсрочку на полгода... шаркая ногами по полу, я отправилась на казнь.

В кабинете, как и во всем доме, тоже стояла массивная и громоздкая мебель, тем не менее органично вписывающаяся в небольшое пространство. Наверное, потому, что ее было очень мало, как и везде: стол, книжные полки за спиной хозяина дома, занявшего свое место, и два кресла по сторонам от окна напротив.

Господин Орбрэн вольготно расположился в кресле, что ближе к двери, не иначе, чтобы я не сбежала, а я осторожно присела на краешек другого.

– Малла, – его светлость, покрутил перо, – ты должна рассказать нам, что делала, когда просила у Оракула сарафаны.

– Сарафаны? – переспросила я и покосилась на хмурого господина Орбрэна. Мол, чего ты? Давай уже начинай отправлять меня в кутузку.

– Об этом, – он правильно понял мой взгляд, – мы поговорим позже. И очень многое будет зависеть от того, как старательно ты будешь отвечать на все остальные вопросы.

Кошмар меня подери! Вот уверена я, что в этот-то раз он

меня не провоцировал. Я даже сама от себя такого не ожидала. Но как вывернул ситуацию в свою пользу! Попробуй теперь упусти какую-нибудь мелочь, которая окажется важной...

Я вздохнула и начала рассказывать. С самого начала. Раз уж им важно все до мелочей. Как купила ткань, как раскроила, как Салина меня огорчила...

– Малла, – с ехидной улыбкой перебил меня его светлость, – давай опустим подробности и сразу перейдем к самому обращению к Оракулу.

– Хорошо, – «господин, добрый полицейский», добавила про себя...

Теперь рассказ уложился в два предложения: пришла, взяла круг Оракула и, потянувшись силой, попросила.

И вот тут «добрый полицейский» показал свое истинное лицо. Мурыжил он меня целый час, задавая каверзные вопросы и записывая мои ответы на листочек. А потом довольно хмыкнул.

– Ты прав. Это она изменила статус вдов во всем Гвенаре. Но я не понимаю, как она смогла это сделать, ведь для этого нужна близкая мужская энергия равная по силе. А тогда... хм... ее у Маллы не было.

– Была, – Орбрэн встал с кресла и подошел ко мне, – посмотри внимательно.

Его светлость пристально всмотрелся и выругался:

– Арг! И так давно! Я не мог это пропустить!

Я подскочила с кресла в панике. Бежать! Этот негодяй господин Орбрэн сдал меня с потрохами! Я как овца на заклание сама притащилась в эту ловушку, и ведь знала, что нельзя доверять никому. А в особенности господину Орбрэну.

– Тише, Малла, – поймал меня в шаге от двери негодяй, – его светлость никому не скажет.

– Никому, кроме его величества, – уточнил герцог, – ты должна нас понять, Малла. Ты не просто попросила у Оракула разрешения носить сарафаны, ты оказала влияние на все государство. И мы не можем оставить это без внимания.

– Малла, послушай, я все объясню, – господин Орбрэн крепко держал меня, не давая вырваться, – все очень серьезно. Это дело государственной важности. И лучше, если ты выслушаешь нас добровольно. Мне бы не хотелось заставлять тебя.

Я обмякла в его руках. Кошмар меня подери, вот я вляпалась. Как-то Орландо еще в юности проигрался в подпольном казино. И он мне рассказывал, как выбивали из него долги крышующие нелегальный бизнес полицейские... да, ни от меня, ни от моего малыша мокрого пятна не останется, если я сейчас буду упираться. Это не какие-то бандиты, это государство...

Господин Орбрэн, мягко обхватив за плечи, подвел меня к креслу и усадил, присев рядом на подлокотник. Наверное, чтобы я снова не убежала. Но я не побегу. Я может еще не поняла, во что вляпалась, но то, что с его величеством, его

светлостью и господином Орбреном лучше не спорить, догадалась.

Герцог спокойно сидящий за столом, продолжил, как ни в чем ни бывало:

– Оракул это всего лишь артефакт, работающий на магии, и он выполняет заложенные в него функции, но сам ничего не регулирует. Например, сигнализирует, если купец обманывает. Но вот критерии лжи вносятся теми, кто управляет артефактом. Или вдовы... правила для вдов внесены Ведающими еще во время войны с Хадоа, до миграции в Мидгард. Не могу сказать, какие у них были причины, но, Малла, за столько тысяч лет мы ничего не могли изменить в этих правилах. В наших силах было всего лишь сделать жизнь несчастных женщин более-менее сносной. А ты просто захотела сарафан... и сделала так, что вдовы перестали быть изгоями в нашем обществе.

Он помолчал, а потом продолжил с тяжелым вздохом:

– А мы с его величеством чуть с ума не сошли, пытаюсь разобраться, как это у него получилось, – его светлость прикрыл глаза, – решили, что это ее величество, которая как раз накануне услышала рассказ про ваше поселение. Пришлось в спешном порядке готовить указы об изменении статуса вдовьих поселений. Сначала отправили вам, вы же у нас чересчур заметные, с внешним миром общаетесь больше всех остальных. А теперь и во все остальные ушли указы о присвоении вдовьим поселениям статуса деревни.

– Но я ничего такого не хотела, – пролепетала я, замирая в кресле. Поди пойми, хорошо это или плохо в масштабах государства.

– Мы знаем, – теперь добрым полицейским был господин Орбрэн.

– Есть еще один момент, – его светлость взъерошил идеально уложенные волосы, – даже два. Первый, чтобы управлять Оракулом человек должен быть равен сильнейшим Древним Ведающим. И второй, управлять им в одиночку невозможно. Для этого нужно смешать две энергии: мужскую и женскую, двух равных по силе Ведающих.

– Поэтому я и следил за тобой, после этого выступления на площади, – теперь говорил господин Орбрэн, – именно тогда я понял, что ты очень сильная Ведающая. Но у тебя должен быть сообщник. Если бы я знал, что ведьмы закутали тебя в кокон не для того, чтобы скрыть силу...

– У меня нет никакого сообщника, – побледнела я. Как пить дать сейчас обвинят в шпионаже и все...

– Есть, – улыбнулся его светлость, – это твой сын.

Я застыла. Ледяной холод прошелся с головы до ног, выстужая эмоции. Меня никто не отпустит. Я была абсолютно права, не доверяя господину Орбрэну, надо было уходить тогда, на поляне.

Положила руки на живот пряча малыша. Если бы я умела сворачивать пространство осознанно, как его светлость, то воспользовалась бы своим умением и сбежала. Если бы да

кабы... кошмар меня подери!

– Малла, – господин Орбрэн заговорил снова, – не бойся, никто не обидит ни тебя, ни твоего сына. Поверь, нам важно, чтобы ты нам доверяла.

– Верно, Малла, – подтвердил его светлость, – мы позаботимся и о тебе, и о твоём ребенке. Защитим вас от Хадоа.

Я молчала. От хадоа-то они может быть нас и защитят, но кто защитит нас от них? Нет, пока нельзя думать. Не здесь, не сейчас...

– Я ничего не знаю, я не нарочно, – вжалась в спинку кресла. Как же страшно, – мне ведь ничего не нужно. Я просто хочу жить спокойно. Работать в колхозе. Растить сына. Раз теперь вдовы не изгои, я ведь могу оставить его себе!

– Да, Малла, – сокрушенно вздохнул его светлость, – формально ты изменила статус вдов, но готовы ли люди принять эти изменения? Много тысяч лет детей у вдов отнимали, чтобы их не забрала тьма. Смогут ли люди вот так сразу привыкнуть к тому, что дети останутся у матерей? Но не окажутся ли предрассудки сильнее Оракула? И не увидят ли люди в твоём ребенке эту самую тьму? Я, честно говоря, не уверен, Малла.

– Но не нужно паниковать, – господин Орбрэн взял меня за руку, словно желая успокоить, – ты же помнишь, я обещал тебе сделать все возможное, чтобы твой сын был рядом. И я сдержу обещание, Малла.

– Но и ты должна нам помочь, ведь иначе мы не сможем

защитить вас от глупых предрассудков.

– И от хадоа, – господин Орбрэн проникновенно заглядывал мне в глаза, – ты ведь это понимаешь?

– Очень хорошо, – прошептала я помертвевшими губами. Похоже у меня совсем нет выбора, – понимаю...

– А теперь расскажи нам, что именно ты сделала в последний Первый день. Это было вечером на посиделках у Салины. Вспомни, что такого необычного ты чувствовала, – его светлость замер, словно я должна была сообщить что-то важное.

– Я, – я прокашлялась, потому то горло сжал спазм от страха, – ничего такого не делала. Мы просто пели. И у меня даже круга Оракула не было.

– Вот именно, Малла, ты смогла связаться с Оракулом даже без круга. Вспоминай. У тебя должны были появиться какие-то особенные ощущения, не такие как обычно...

– Я просто пела, – попыталась вспомнить я, – песню про любовь девушки Катюши и бойца с пограничья.

Господин Орбрэн и его светлость быстро переглянулись. Явно неспроста. И я, вздохнув, пересказала свои ощущения во время пения. И про то, как увидела весь Генар словно на ладони, и про то как дунула на уголек, который почти потух, и про то, что приняла все это за видения, и про то, что Дайра назвала меня песенницей. Все равно ведь его светлость скоро все знает...

Когда я закончила, в кабинете было тихо. Господин Ор-

берн и его светлость молчали.

– Скажите, а что я сделала-то? – осторожно попросила я.

Но господин Орберн ответил вопросом на вопрос:

– Малла, а ты в этот момент думала ли сама о тех бойцах на границе? И что ты думала?

– Думала, конечно, – пожала я плечами, – из-за этих ваших войн на границах, столько женщин любимых теряют, вдовами остаются. И потом оказываются в ваших ужасных платьях-мешках во вдовьих поселениях без всякой надежды на лучшее. А что все таки я сделала?

– Ты отодвинула границы Гвенара, – сдержанно ответил его светлость, – почти на целую веху по всему периметру...

– И что это значит? – жалобно протянула я, – это хорошо или плохо?

– Это значит, Малла, – господин Орберн снова взял меня за руку, а я еле сдержалась, чтобы не выдернуть ее из его ладони, – что теперь от хадоа свободно немного больше нашего мира. Ты отобрала наши земли у захватчиков. И это очень хорошо.

Глава 46

– Но и это еще не все, – его светлость устало потер переносицу, – вчера ты каким-то образом уничтожила армию хадоа, которая направлялась к нашей границе. И ты должна нам рассказать, что именно ты сделала. Как ты смогла пробудить активную защиту Оракула. Потому что, Малла, хадоа не простят Гвенару подобной выходки. Нападения продолжаться. И мы должны понимать, сможем ли ответить им так же, как вчера. Или нет.

– Я не знаю, – я уже чуть не плакала. В голове вместе с пульсом стучало: «Мне конец!», – я ничего не делала. Мне просто было страшно, очень страшно. И нужно было... куда-то Туда, чтобы сделать... что-то сделать.

– Куда Туда, Малла? – его светлость крутил в пальцах перо, выдавая свое нетерпение.

– Я не знаю, я же не добежала до Туда. Не успела, – я рассказывала о своих ощущениях, о том, что делала в эти самые страшные минуты жизни, вытирая слезы, которые сами лились из моих глаз. Вот что за невезение? Зачем мне это все. Я же просто хочу жить спокойно.

Его светлость и господин Орбрэн внимательно слушали, иногда задавая уточняющие вопросы.

Когда я дошла до того момента, как обнаружила Источник, и как сроднила с ним наши с сыном энергии, его свет-

лость зафыркал от сдерживаемого смеха, а на лице господина Орбрена заходили желваки, словно от тоже сдерживал, но совсем другие эмоции.

– Объясните мне, – не стерпела я, – это что-то значит, да?

– Нет, Малла, – ответил господин Орбрэн, – это почти ничего не значит. Просто так никто до тебя не делал. Но до тебя много чего никто не делал. А на его светлость не обращай внимания. Он просто завидует.

– Чему? – не поняла я.

– Что ему не повезло, – раздраженно ответил господин Орбрэн, ничего не проясняя, – рассказывай дальше.

– А дальше все. Я отправила Шар Туда, чтобы он уничтожил Угрозу. И все.

– М-да, понятно, что ничего не понятно, – снова растрепал волосы его светлость, – куда же ты бежала, Малла... где это это твое Туда. И что это за Шар. И отправила ты его совсем не на границу, где была Угроза, а куда-то в неведомое Туда...

– Ваша светлость, нужна карта. Есть? Хочу кое-что проверить.

– Есть, – его светлость выдвинул ящик и вытащил лист бумаги. Оба мужчины склонились над картой, что-то разглядывая.

– Вот поселение, – ткнул пальцем в карту господин Орбрэн, – вот здесь Малла начала играть с пространством. Дальше, я полагаю она двигалась только прямо для экономии

времени. Здесь наш путь закончился, – отметил он вторую точку.

Его светлость достал линейку и перо и прочертил линию. Они оба одновременно выдохнули, и выругались:

– Апп!

– Все так просто!

Пока они отвлеклись на карту и совсем забыли про меня, я попыталась улизнуть. И медленно, осторожно пятилась к двери, чтобы в тот самый момент, когда оба негодяя были заняты разглядыванием чего-то интересного на карте, рванула прочь, одержимая желанием оказаться как можно дальше.

Я была очень напугана и, возможно, мне удалось бы сбежать, но я с размаху впечаталась в чье-то тело, потерявшись в пространстве от удара.

Тело охнуло и еле удержалось на ногах. Я рванула в сторону, как испуганный заяц, но кто-то снова удержал меня, грубо и больно схватив за предплечье:

— Куда собралась? Мы еще не закончили! Брантир, ты не мог притащить этих двух бродяг сразу во дворец?!

– Ваше величество, – склонили головы негодяи. А я чуть не задохнулась. Да что же такое?! Что же мне так не везет?! Опять я «покусилась» на его величество?! – Я решил, что лучше сначала выяснить все обстоятельства здесь, подальше от дворца.

– И вынудить меня добираться верхом больше двух часов. Орбрэн, – его величество кивнул его светлости и господину

Орброну, отвечая на приветствие. Меня он так и не отпустил и крепко, до боли сжимал за плечо. – Надеюсь, теперь ты здесь, чтобы взяться за ум и прекратить бегать от своих обязанностей?

– Ваше величество, – практически перебил короля сумасшедший герцог, – господин Орбрэн уже приступил к работе.

– Господин? – его величество выразительно приподнял брови, – хм... ну, пусть господин... А девицу-то чуть не упустили. И, вообще, Орбрэн, когда ты успел...

Он резко и безжалостно толкнул меня обратно в комнату.

– Простите, ваше величество, – снова невежливо перебили короля, – все вышло совершенно случайно. Мы сейчас вам все объясним.

– Ясно, – нахмурился его величество и сделав пару шагов сел в кресло, вытянув ноги, – Брантир, надеюсь, моя двухчасовая скачка стоила того? Рассказывайте, что вы нашли, и причем тут эта дурная девица. И надеюсь, – он выразительно посмотрел на господина Орбрэна, – дело не только в твоей женитьбе. Я, конечно, рад, но этому я мог бы порадоваться и позже.

– Ваше величество, может быть мы пока отпустим Маллу? – согласно кивнул его светлость.

– Пусть сидит, – устало махнул король, – а то сбежит еще. Я под защитой приехал, без сопровождения. Все равно мозгов у нее, как у курицы. Одно замужество на уме.

Я даже вздрогнула и проверила свои пластиковые окна. Все на месте. Но как его величество прочитал мои мысли? Ведь я как раз думала, что странные намеки его светлости и его величества... как бы не вышло так, что женился господин Орбрэн на мне, а я и не заметила, как это случилось. Слишком уж все подозрительно...

Его светлость захохотал, а господин Орбрэн зашипел от гнева... Кошмар меня подери! Неужели я права? Но его величество явно заглянул дальше, чем ему позволяли мысленно установленные стекла между нами. Неужели для него это не преграда? Кошмар меня подери!

– Ваше величество, – отсмеявшись, посерьезнел его светлость, – мы выяснили кто виноват во всех этих странных и внезапных изменениях Оракула.

– Да? – король весь подобрался, – и кто же это?

– Она, – господин Орбрэн, кивнул на меня, стоявшую рядом с креслом его величества, – это Малла.

Его величество и два негодя уставились на меня как на неведому зверушку. Я даже сделала шаг назад, в попытке спрятаться от этих пугающих взглядов. И еще... пока не наткнулась на стену. И замерла, прижавшись к ней спиной.

– Она? – удивленно приподнял брови его величество, – вы уверены? Да эта дура способна думать только о поисках мужа.

– Ваше величество, – почтительно склонил голову господин Орбрэн, – совершенно точно, это она. Я присутствовал

при всех трех ритуалах связи с Оракулом...

– Почему не сообщил? – рыкнул король, не давая даже договорить, – мы потеряли столько времени!

– Я думал она Последняя, – виновато повесил голову господин Орбрен, – а вы знаете, как я отношусь к... этому вопросу. Поэтому, когда узнал, арровы ведьмы скрывают ее Дар, решил, что все к лучшему.

– Орбрен, твоя глупая вера в идеалы прошлого, обходится слишком дорого. Продолжай, – тяжело вздохнул его величество и разрешающе махнул рукой.

Рассказ о моих случайных и нечаянных ритуалах занял довольно много времени. Господин Орбрен подробно рассказал о том, что я натворила, неоднократно подчеркнув, что все это было без злого умысла, а по недомыслию. При таких словах, его величество каждый раз довольно кивал, словно соглашаясь, что ничего другого он от такой дуры и не ждал.

Король постоянно прерывал господина Орбрена, задавая уточняющие вопросы. И тогда я поняла, что меня еще жалели, допрос его светлости и господина Орбрена был на порядок дотошнее. И двум негодьям приходилось отвечать на миллиарды вопросов его величества, которые иногда, вообще, никак не относились к тому, что произошло. Ну, мне так казалось. Вот зачем ему было знать, какого цвета сарафан был на мне или что делали все остальные, когда я говорила.

А про меня как будто бы забыли. Но стоило мне сделать только шаг в сторону, как рядом оказался господин Орбрен,

схватил меня за руку и больше не отпускал.

Помимо того, что мне было уже известно, я услышала и кое-что новое. В тот самый первый раз, когда сожгла руки на круге Оракула, я тем самым, вероятно, привязку к артефакту и именно поэтому потом смогла влиять на него без круга. А бежала я, оказывается туда, куда меня хотел доставить господин Орбрэн – в столицу. Потому что именно там главный Храм Оракула, из которого король с королевой следят за Оракулом. Влиять-то они на него не могут, в отличие от нас с сыном.

Разговаривали мужчины долго. Я так устала стоять, что опустилась прямо на пол, спрятавшись за кресло его величества. И задремала. Все же вымоталась и перенервничала знатно.

– Тише-тише, Малла. – Я открыла глаза в тот самый момент, когда он поднял меня на руки. – Я отнесу тебя в спальню. Спи. Завтра утром мы с тобой отправимся домой, в колхоз. Ты же не хочешь пропустить Сайкину свадьбу? – усмехнулся он.

Он шагал легко и мягко, и я мгновенно заснула снова прямо у него на руках, так и не распознав, было все это на самом деле или просто приснилось. Особенно прикосновение его жесткой ладони к моей щеке, когда он уложил меня в постель и укрыл одеялом. И его слова:

– Малла... откуда же ты взялась такая... на мою голову... и толковая, и бестолковая одновременно...

Глава 47

Противное солнце снова разбудило меня, приласкав ярким светом. Наверное, из-за того, что окна были непривычно прозрачными, я проснулась даже раньше, чем обычно. А голод не дал мне уснуть снова. Вчера для меня закончилось без ужина, поэтому есть я хотела даже больше, чем принять ванну.

Наскоро умывшись, приоткрыла дверь и прислушалась. В доме стояла тишина, наверное, все еще спали. Не привыкли аристократы рано вставать, хмыкнула про себя, это не колхозники, у которых столько дел, что с рассвета и до заката присесть некогда.

На цыпочках вышла и, сделав буквально два шага, начала спускаться по лестнице.

– Доброе утро, – голос его светлости позади меня, заставил буквально подпрыгнуть от неожиданности. Я не удержалась и скатилась бы по ступенькам, если бы он не поймал меня за руку, – Малла, – он вздохнул, – ты хоть когда-нибудь бываешь осторожна и внимательна? Как ты, вообще, дожидаясь своих лет со своей способностью влипнуть в неприятности?

– Вы подкрались ко мне неслышно, – тихо ответила я, – я думала, все еще спят.

– Все еще не ложились, – он широко зевнул, – по твоей милости, мы последние две семидневки спим не больше двух

часов в день, разгребая то, что ты наворотила.

– Да, почему опять я? Я ничего не делала! – возмутилась я шепотом. Никак не могла перестать думать, что все вокруг спят.

– Только изменила статус вдов и отодвинула границы на веху? – ехидно спросил его светлость.

– Но вы сами вчера говорили, что это хорошо!

– Малла, – он снова зевнул и энергично потер мочки ушей, – ты хотя бы представляешь, чем обернулось для всех государственных служащих твое «просто захотела сарафан»? Ты создала невероятный объем срочной работы всей королевской канцелярии! И им спешно пришлось переписывать несколько сводов законов и тысячи положений. Ведь вдовы теперь могут и замуж выйти, не в виде исключения, а повсеместно, и переехать, и, вообще, не поехать жить во вдове поселение, а остаться у себя дома. А значит нужно было пересмотреть порядок наследования имущества, все положенные вдовам льготы и пособия, что-то убавить, что-то добавить, и донести это до сведения не только всех глав вдовьих поселений, но и всех остальных городов и деревень. Перераспределить финансовые потоки и пересмотреть бюджеты на всех уровнях. Причем сделать это надо было как можно быстрее, ведь все уже заработало. Да, у нас сотрудники сутками из-за стола не вставали, чтобы все переделать как можно быстрее. А ведь текущую работу тоже никто не отменял, Малла. И мы еще не разобрались окончательно с

этой бедой, как ты нас снова облагодетельствовала, отодвинув границы на веху. На веху! По всему периметру! И все крепости, все блок-посты, все таможенные службы оказались не на границе, а в вехе от нее. А тут, Малла, одной бумажной работой не отделаешь. Вот скажи, сколько времени и ресурсов нужно, чтобы построить пограничную крепость, а? А их у нас двенадцать! И они в один миг превратились в бесполезные и никому не нужные груды камней, потому что перестали выполнять свои функции. И теперь наши пограничники живут во временных лагерях в чистом поле. И если что-то случится, Малла, и хадоа прорвутся, смертей будет на порядок больше. Ведь стены крепости их теперь не защищают. А они прорвутся. К нам уже пришла депеша с претензиями от хадоа. А мы даже не знаем, Малла, что им ответить. Мы же не можем написать, что границы, никого не спросив, подвинула глупая баба, которая пожалела вдов. А уж уничтоженная позавчера армия...

Его светлость говорил, а мне чем дальше, тем больше хотелось провалиться под землю от стыда. Я ведь ни о чем таком не думала и сделала это не нарочно. Но, разве всем остальным от этого легче?

– Вот и думай, Малла, прежде чем что-то делать. Его величество, кстати, настоятельно рекомендовал не забывать об этом, – закончил герцог, когда мы дошли до кухни, – Марла, отнеси завтрак его величеству и господину Орброну. И девичьи глазки не забудь. А то они так и не ложились...

– Что?! – побледнела я. Кошмар меня подери! Пустьят меня сейчас на глазки!

– Не дури, Малла, – устало ответил его светлость, – никому твои глаза не нужны. Это цветы. У нас сейчас во всей столице это самая популярная травка, потому что дает бодрость без сна.

Марла, мимоходом облив меня ненавистью, ушла с подносом наверх, к его величеству, а его светлость, сел за кухонный стол и мгновенно задремал. Не понимаю, почему Марла меня так невзлюбила. Я ведь ей ничего не сделала. Может быть она не рада, что я спасла дедушку Леарда от смерти?

– Доброго утречка, дочка, – хмурый дедушка Леард, словно в ответ на мои мысли, заглянул на кухню. Он увидел заснувшего герцога и перешел на шепот, – ох, и досталось же бедолагам. Почитай две семидневки уже на глазках сидят. Марла ругается. Очень уж это для здоровья вредно. Эх, знать бы кто такую кутерьму устроил... Хорошо, что младшенький образумился. Хотя бы поможет... Садитесь, госпожа, – кивнул он мне на свободный стул, – по утрам не до церемоний, даже его величество здесь завтракает...

И, сокрушенно вздыхая, дедушка Леард принялся собирать на стол. Он все делал тихо, чтобы не разбудить его светлость.

А я сидела и понимала, что натворила. Это только сказать просто, а на деле выходит все совсем не так, как кажется. Вон сколькими бессонными ночами обернулись для короля,

герцога и всех остальных мои сарафаны. И воинов жалко... нападут хадоа... а им и спрятаться негде... И строить теперь надо эти крепости...

И еще неизвестно, что его величество решил на счет меня. Хотя какое это имеет значение... нет... нельзя... Не думай, Малла, о черной кошке. Не думай.

Позавтракала я без удовольствия. Его светлость так и спал, положив руки на стол и уткнувшись в них лицом. А я-то думала, колхозники раньше встают... а этот неправильный король, вообще, не ложился. И герцог тоже у них неправильный. Они должны на балах гулять, с фаворитками зажигать и, вообще, вести праздный образ жизни. А иначе зачем быть королем?

– Малла, – на кухню заглянул хмурый и осунувшийся от бессонной ночи господин Орбрэн, – его величество позволил тебе вернуться домой. Пока не понадобишься. И, держи, надень эти амулеты, – он протянул мне две загогулины на золотых цепочках, которые я со вздохом повесила на шею. – Придется нам своим ходом до дома добираться, его светлость не сможет и нас, и его величество перенести. Выходи сразу во двор, я твою сумку уже забрал.

Меня отпускают... я даже выдохнула. Оказывается все это время я была в напряжении. Но, кажется, у меня получилось! Я постаралась не улыбнуться, чтобы не выдать свою радость. Все будет хорошо, положила ладонь на живот, мама со всем справится, малыш.

– Держите, госпожа, – Марла сунула мне в руки корзинку, – не ел он толком, может хоть в дороге перекусит.

Почему-то я даже не подумала, что ехать придется на лошади. Но когда вышла и увидела телегу, в которой сидел веселый дедушка Лерад, обрадовалась. Ведь я верхом никогда в жизни не ездила. Я, вообще, высоты боюсь.

Мы очень долго пробирались куда-то по лесным дорогам, заросшими тонкими прутиками будущих деревьев. Явно здесь давным-давно никто не ездил, но дедушка Леард правил уверенно, значит этот путь был ему очень хорошо знаком. Жаркое солнце, изредка мелькавшее между кронами деревьев, уже перевалило далеко за полдень, я страшно упрела и очень устала, погодка сегодня оказалась на редкость душной. После вчерашнего дождя так парило, что влажность просто зашкаливала. И было ощущение, что лес – это большая парная.

Когда мы выползли из леса, вдали показались крыши какого-то города, я чуть не закричала от радости. Это явно не столица, потому что я оттуда однажды уезжала, и видела каменные стены вокруг, а здесь крепостные стены были деревянные, а сам городок совсем крошечным.

– Дальше пойдем порталом, – сказал господин Орбрэн, ехавший верхом рядом с нами, – как раз к Сайкиной свадьбе успеем...

– Малла! Малла! – Салина первая увидела нас, когда мы с господином Орбрэном заехали в деревню. Пора привыкать

называть поселение деревней.

Я так устала, от постоянной тряски в телегах по обе стороны портала, что почти ничего не соображала. И поэтому как-то равнодушно встретила сестру. Нет, я была очень рада ее видеть, но вот сил показать эту радость, уже не было. Поэтому просто поздоровалась и вяло махнула рукой.

Но от Салины же так просто не отвяжешься, она запрыгнула в телегу, которая называлась повозкой и которую господин Орбрэн нанял в городе, чтобы доехать до колхоза. И кинулась меня обнимать. Я слабо трепыхалась в ее объятиях.

– Малла, – как всегда громко смеялась Салина, – ты куда пропала позавчера?! Я к тебе пришла, а тебя дома нет. И никто не видел, как ты выходила. Мы до ночи по округе бегали тебя искали. Ты что обиделась? За то, что мы с Рыской смеялись над твоими страхами? Ну, прости! Прости, Малла. Мы же не нарочно! Малла-а! Ну, пожалуйста!

Я, честно говоря, уже забыла про свои позавчерашние обиды. Слишком мелкими они теперь казались. Но не рассказывать же Салине и Рыске о том, что произошло? Мне, конечно, никто не говорил, что молчать нужно, но господин Орбрэн сидел рядом и явно не дал бы мне сказать лишнего.

– Салина, – улыбнулась, – я вас прощаю. Но в следующий раз не нужно поднимать меня на смех, если я вдруг спрошу что-то на ваш взгляд глупое. Я же совсем не знаю реалий этого мира... то есть страны, конечно, Гвенара...

Кошмар меня подери! Я чуть не проболталась. И «Мал-

ла Вильдо из Хадоа...» не включилось. Что же это такое?! Я осторожно украдкой взглянула на господина Орбрена, заметил или нет? Заметил. Вон как хмурится, но ничего не сказал, и не сделал. Нахмурился только.

– Малла! – а вот Саилна ничего не заметила, – а ты не забыла, что у Сайки сегодня свадьба? Она так расстраивалась, что тебя нет. Очень уж песню про Катюшу хочется послушать...

А вот теперь господин Орбрэн дернулся.

– Не знаю, Салина, – вздохнула, – устала я очень.

Сестра пообещала зайти, забрать меня на праздник к Сайке. Свадьбы здесь играли почему-то вечером. Это мне господин Орбрэн рассказал, когда мы еще от домика охотничьего к городку ехали. Я переживала же, что не успеем.

Доехали мы до площади и остановились возле правления. Я с телеги спрыгнула, рюкзачок на плечо и домой зашагала.

И слышу за мной кто-то идет. Оглянулась, а это господин Орбрэн собственной персоной. Взвалил сумки свои на плечо и тащится. Я еще подумала, мол, куда это он, ведь у господина Гририха на постое... А негодяй этот тихо-тихо и в мой двор завернул.

– Его величество велел глаз с тебя не спускать, – ответил спокойно, обошел меня, от удивления посреди двора рот открывшую, и ко мне домой, как к себе направился, – еще одного ритуала он тебе не простит. А будешь упрямитесь, так у меня на этот счет есть четкие указания – и тебе это точно

понравится еще меньше, чем мое присутствие в доме. Так что смирись.

– Я не согласна! – крикнула ему в спину, а он только плечами пожал, через три ступеньки крылечка перешагнул и исчез в сенях. Кошмар меня подери! Да что он творит! Да он же меня так на всю деревню ославит! Мне теперь бабы год кости перемывать будут!

А он из дома с ведрами вышел и к колодцу. И насвистывает еще... как у себя дома... Негодяй!

Глава 48

Пока он воду набирал, я в сени рюкзак закинула и на крыльечке встала стеной. Костями лягу, но в дом его не пущу. Пусть здесь во дворе и ночует, раз его величество, меня не спрашивая, захотел, чтобы негодяй этот следил за мной.

И я уже приготовилась ко всему, что могло бы быть, но не к тому, то случилось. Господин Орбрэн поставил ведра передо мной, усмехнулся, глядя на решительную меня, и выдал:

– Это тебе. Если еще нужно будет, скажи. Принесу.

Развернулся и ушел обратно к колодцу, на ходу стягивая потную рубаху, в которой приехал. И мышцы на голой спине перекатывались и играли, а коленки-то мои от такого зрелища сдались мгновенно и ослабли. Я даже за косяк схватилась, испугалась, что упаду рядом с ведрами. Кошмар меня подери!

Это, вообще, что было такое? Господин Орбрэн воду мне принес? Или просто решил не скандалить и сделал вид, что так задумано?

Собиралась я к Сайке, бурча под нос ругательства. А все опять господин Орбрэн. Этот негодяйский негодяй захватил из шкафа в комнате охотничьего домика тот самый наряд, который мне понравился больше всего. Самый простенький из тех, что побогаче выглядели. Это платье мне еще там понравилось. Очень уж элегантное, и не вычурное. Я бы такое

даже в своем мире надела бы. И моего размера к тому же.

И как догадался-то? У меня-то вся одежда после приключений была мокрой, грязной и мятой. Я даже думала, что придется либо платье-мешок надевать, которое в сундуке лежало на всякий случай, либо у Салины сарафан просить. Хотя в ее светло-голубом сарафане я как моль бледная.

А господин Орберн позаботился... Обо мне ведь никогда еще мужчина не заботился. Ну, кроме папы. Орландо не знал, да и не умел. Наоборот, это он всегда, как дите малое, в моей заботе нуждался.

И вот глядя на это длинное в пол темно-синее платье с короткими рукавами, отделанное белыми кружевами, я впервые почувствовала себя женщиной, которая достойна... не знаю чего именно. Просто достойна. Чего-то... Такого... Особенного...

И откуда-то такая благодарность появилась к господину Орброну, что я даже носом захлюпала. А потом вспомнила, что я его ненавижу... и даже достала проклятый мешок из сундука. Но не надела... не смогла. Я же достойна лучшего.

А еще подняли голову мои мысли по поводу нечаянного замужества. Вдруг я на самом деле вышла замуж за этого негодяя. И тогда... сердце сладко замерло... о таком муже я ведь раньше и мечтать не могла. И красивый, и работающий, и заботливый, и аристократ... негодяй, правда.

Но разбуженное либидо, мерзко хихикая, отвечало, что у каждого свои недостатки. И, потирая ладошки и не обращая

внимание на мои возмущенные, строило планы, как заполнить этот образчик в свои лапки. Кошмар меня подери! Я же его ненавижу!

А у меня в рюкзачке косметичка лежит, вспомнила я, расправляя кружевной воротничок... и там есть тушь и помада... и зеркальце.

– Малла! – хлопнула дверь и ко мне вбежала Салина, увидела меня и застыла. – Малла-а, – выдохнула восхищенно, – ну, ничего себе! Это тебе господин Орбрэн платье подарил? А что ты с глазами сделала? И губы?

– Это тушь, Салина. И помада, – я протянула подруге флакончики, – вот. Это я с собой привезла...

Салина осторожно взяла, повертела в руках:

– Так вот они какие... Я про них только слышала, а вот видеть не видела... Мне Варн рассказывал, что королева открыла производство комс... ксом... ком... краски для лица, – выкрутилась сестра, – и теперь такие краски очень популярны в высшем свете. А сама ее величество без них даже из спальни не выходит... Но дорогушие-е! Не каждой дворянке по карману! Значит она тоже из Хадоа, Малла?

– Не знаю, – улыбнулась я, – может быть...

– Малла, Салина, – господин Орбрэн бесцеремонно вошел в дом, не иначе услышал, о чем мы тут разговор начали, – пора идти.

И вышел. Нет, ну вот что за негодяй, а?!

– Пойдем, Малла, – рассмеялась Салина и подмигнула, –

да, заметил он, заметил. Вздрогнул даже...

– Салина, – возмутилась, – мне все равно! Да, он мне даже не нравится!

– Ага, – фыркнула сестра, – то-то у мой Дар говорит, что ты врешь...

– Он негодяй!

– Малла, а когда это мешало девушкам влюбляться, а? – Салина рассмеялась и потянула меня к выходу.

Но я-то точно не люблю господина Орбрена. Он мне даже не нравится. Я же его ненавижу.

Гулянье намечалось на площади перед правлением. Все же такое событие, как свадьба, было слишком редким для вдовьего поселения, чтобы отмечать его скромно. И Салина, пока мы шли, успела шепнуть, что строители сегодня с утра смастерили огромные столы и лавки, чтоб всем колхозницам хватило. А Витка с девочками со вчерашнего вечера к застолью готовятся. И пир должен быть всем на зависть.

Никаких обрядов, связанных со свадьбой в Гвенаре не было. Жених с невестой просто пришли к правлению, чтобы оформить свои отношения. Эх, жаль, что я не участвовала в подготовке к свадьбе. Дирку пришлось бы потрудиться, чтобы получить от нас Сайку. Люблю я в выкупе невесты участвовать. Хоть со стороны жениха, хоть со стороны невесты. Глядишь и радовался бы больше. А то стоит, Сайку за ручку держит, а сам бледный, как будто бы она его арканом в ЗАГС... ну, в правление, привела. Да и Сайка тоже... вместо

того, чтобы веселиться, чуть не плачет стоит. Словно силком ее за нелюбимого выдают. Да и гости поздравлять молодых не торопятся. Кучкуются возле площади, словно не на свадьбу пришли, а языки почесать вечерком.

– Салина, – привычно дернула за руку сестру, – почему они не радуются?

– Так Сайка у нас одаренная, хоть Дар и маленький. А Дирк совсем без дара. Совет сегодня ответил им, что брак на усмотрение Оракула, – Салина вздохнула, – вот и бояться. Оно, конечно, Оракул редко кому отказывает, но все равно же страшно.

– А что за Совет? – спросила я, вспомнив, что уже слышала об этом таинственном органе.

– По браку... у вас, в Хадоа, такого нет. А у нас ни один человек с Даром не может без его ведома семью создать.

– Но почему? Это же как-то неправильно!

– Если бы не Совет, – Салина снова вздохнула, – не было бы у нас никаких Даров. Это сейчас они просто одобряют или не одобряют твой выбор, а раньше, вообще, пары подбирали. И хочешь, не хочешь, замуж надо было за того идти, на кого Совет указал, чтобы в детях Дары сильнее проявились.

– А бывает так, что Совет отказывает?

– Конечно. Поэтому и влюбляться надо в того, кто тебе подходит, Малла. Вот, к примеру, тебе не разрешат замуж за господина Орбрена выйти.

– Почему? – удивилась я произвольно.

– Потому что он аристократ, – рассмеялась довольная Салина, – а у тебя Дар хотя и сильный, но недостаточно.

– А ты откуда знаешь?

– Ну, ты же простолюдинка. А был бы высокий уровень Дара, осталась бы аристократкой. Ой, смотри, господин Гририх вышел.

И правда, господин Гририх, необычайно серьезный и торжественный вышел на крыльцо, покрытое вышитым полотном, держа в руках круг Оракула. Бледные до синевы Сайка и Дирк шагнули вперед и, встав на колени, опустили головы.

А господин Гририх, толкнув обычную речь про семейный корабль в море житейских проблем... хорошо короткую, а не как наши тетки в ЗАГСе... спросил:

– Сайка, подтверждаешь ли ты перед Оракулом желание взять в мужа Дирка?

– Да, – невеста ответила так тихо, что мы с Салиной скорее угадали, чем услышали ее ответ.

– Дирк, подтверждаешь ли ты перед Оракулом желание взять в жены Сайку?

– Да, – твердо ответил жених, хотя дрожь в его голосе я точно заметила.

Круг Оракула в руках господина Гририха после каждого «да» моргал зеленым, словно говоря, что клятва принята.

А наш председатель особенно торжественно закончил:

– Да будет так! – и Сайка с Дирком разом схватились за протянутый им круг.

И ничего не случилось. Молчал Оракул. И когда напряжение в воздухе стало нестерпимым, серединка круга слегка позеленела. И начала медленно-медленно разгораться яркой травной зеленью.

Эх... достанется мне от его величества... да... а что было делать, если капельки энергии Сайки и Дирка сами смешиваться не хотели... толкались друг об дружку, как два магнита одним полюсом друг к другу повернутые... ну, я чуточку и развернула... подправила...

– Малла, – зашипел мне на ухо господин Орбрэн, – все, хватит...

Нажал в какую-то точку на шее и бац! Упала я к нему на руки, сознание в один короткий миг потерявши. Успела только в последний момент представить, как стоим мы с господином Орбрэном и клятвы даем... и, кажется, даже «да» прошептала в ответ на вопрос Оракула.

Глаза открыла я только утром. Дома, в своей постели. И от злости подпрыгнула просто! Вот же негодяй это господин Орбрэн! Все веселье из-за него пропустила! И так мне захотелось его чем-нибудь крепким ударить... еле сдержалась. Нельзя мне на него руку поднимать. А то опять в кутузку попаду, а у меня дел невпроворот. Поэтому побухтела про себя и за работу.

Я же сколько дней без грядок своих, без новостей колхозных. А у нас мастерская должна начать работать. И Зарна должна была пробные банки выдуть. У меня в рюкзаке как

раз крышки металлические лежат, тетя Клава передала. Надо будет найти кузнеца, который нам точно такие же сделает.

Поэтому встала, умылась быстро и сбежала. Тихо на цыпочках, чтобы не разбудить господина Орбена. Этот негодяй, по своей негодяйской привычке никого не спросив, спал во второй комнате. Там даже кровать откуда-то взялась. Принесли, наверное, вчера. Вот и пусть спит. А я к Салине на постой попрошусь. Не хочу с ним в одном доме жить. А вчера у меня не иначе помутнение какое-то было. С чего я, вообще, решила, что мужа такого хочу? Нет-нет... мне простой мужик нужен. Без всяких заморочек. Вроде Дирка Сайкиного.

Первым делом хотела в своем огороде грядки посмотреть, да только побоялась, что разбужу соседа своего нежеланного, и отправилась в поле.

Вся деревня спала еще после свадьбы Сайкиной. Погуляли, наверное, знатно. Эх... как же обидно-то! Я тоже хочу. А «Катюшу» я бы не пела... Вообще бы не пела. От греха подальше. Я вчера свою норму по грехам уже выполнила. Но не могла я по-другому. Никак не могла. Очень уж Сайку жалко было. И Дирка. Тем более... никому же от этого вреда не будет?

Колхозный огород был в прекрасном состоянии. Мои девочки-овощеводки отлично справлялись. Ни сориночки нигде, ни травки лишней, только стройные ряды толстых холеных овощей. Мне даже дела никакого не нашлось. Отметила только, что надо будет плети огуречные опустить, чтобы

продлить плодоношение. Да, пора семена собирать у редиски и салатов ранних.

Пока гуляла, деревня просыпаться стала. Сегодня даже стадо выходило немного позже обычного. Все же и пастушкам нашим попировать хочется. Вчера, наверное, только дежурные в избушке на куриных ножках не на свадьбе не были. И я...

– Малла, – окликнула меня Рыска и, прибежав, обняла, к себе прижала. Я немного удивилась даже, очень уж на сестру мою самую старшую не похоже такое проявление чувств. – Малла, я так за тебя волновалась. Что с тобой вчера случилось? Господин Орбрэн сказал, что ты плохо себя чувствуешь... И тогда тебе плохо было... Малла... с тобой точно все в порядке? И где ты пропадала?

– Да, Рыска, – я была очень рада ее видеть, вчера Рыска была на дойке, и я ее так и не увидела, – все хорошо. Не переживай. Рассказать, где пропадала не могу, прости... велено язык за зубами держать. А у вас тут что нового?

– Сыроварня почти готова. Строители-то наши, как колхозниками стали, еще быстрее строить стали. У Сильвы Дар оказывается, хороший, сильный. Зарна емкостей твоих надула. Только форма ей показалась скучная, так она разных наделала. Теперь бабы их под молоко разбирают. Веселее-то как-то смотрится. Халаты, который вы с Вилиной нарисовали, девочки уже почти всем колхозницам нашили. Нана еще какую-то пропитку придумала, теперь не пачкаются совсем.

Очень удобно. Коровник почистила, встряхнула и халат снова чистый. Даже запаха не остается. У нас уже очередь из купцов на халаты эти и на кувшинчики стеклянные для молока. И коров еще надо покупать, как сыроварню доделают. Сыров все так и не хватает же... А Сайка нечаянно кусок сыра сычужного в горячую воду уронила. Теперь у нас новый сорт есть. Королевская кухня сегодня первый раз забрала на пробу. Если пойдет, Малла, то нам нужно будет еще один коровник строить. Мало для всего этого ста коров-то... ох, и мало... Хотя у нас пока и первой сотни нет.

Глава 49

Рыска как всегда, нахмутив лоб, принялась рассказывать про своих ненаглядных буренок. Любит она их. И в другой раз я бы, может, и слушать не стала, но сейчас мне нужно было узнать еще кое-что... да так, чтобы Рыска ничего не заподозрила.

– Рыска, а вот скажи, – вклинилась я в паузу между рационами для дойных и яловых коров, – король и герцог же братья?

– Да, – отмахнулась от неинтересной темы сестра, – король и герцоги – братья. А вот для дойных коров нам сено получше нужно будет покупать... И если корова второй раз прохолостит, то лучше не ждать следующего года. Продавать надо. Либо быка менять...

– А что за герцоги, Рыска? Я думала, он один. Энндорский, который...

– Малла, – Рыска сердито взглянула на меня, – герцоги Энндорский, Эллдорский и королевский род Эррдорских всю новую историю Гвенара вместе правят. Что ты такие глупости спрашиваешь, будто бы не знаешь?

– Знаю, – рассмеялась я, – что ты там говорила про коров яловых? А кто это, вообще, Рыска?

Сестра застонала и принялась объяснять, кто такие коровы яловые. А я послушала. На всякий случай. Никогда же не

знаешь, какие знания пригодиться могут...

А то, что про герцогов услышала, запомнила. И в темной комнате закрыла. В той самой, где кошка черная прячется, о которой думать нельзя...

Мы с Рыской, пока болтали, незаметно до коровника дошли. А там доярки-животноводки наши стоят, позевывают. В белоснежных халатах. Будто бы не в коровник собрались, а в операционную.

– Рыска, – ахнула я, – халаты-то белые!

– А ты думала! – фыркнула Рыска, – купцы как увидели, чуть слюной не захлебнулись. Нане за секрет состава такие деньжищи предлагали. Но она сказала, что состав колхозу принадлежит, раз придумала его она – колхозница. Ведь никому же не нужны были ее таланты, пока она простой вдовой была. Ты еще кувшины Зарнины не видела. Они от кипятка не лопаются. И она тоже всем желающим рецепт секретный заполучить от ворот поворот дала. Мне, мол, колхоз впервые в жизни шанс дал не скрывать свой Дар, а заниматься тем, что нравится и я предавать его не собираюсь. Знаешь ведь Зарну. Если ее довести, она все прямо, как на духу, говорит.

– Рыска, – я остановила сестру, – меня же всего три дня не было. Как столько всего случится могло?

– Малла, – рассмеялась она, – не три дня, а почти неделю. Ты же в кутузке еще сидела. Да и, вообще, колхозу нашему еще трех месяцев нет. А ты посмотри чего мы достигли. И в самом далеком уголке Гвенара о нас уже наслыша-

ны. И купцы уже от колхоза нашего любой товар сметать готовы не глядя. А все потому, что работаем с удовольствием и огоньком, и каждая колхозница готова в лепешку расширяться ради всеобщего процветания.

– Салина свою лавку открывает, – вздохнула я, – а не колхозную.

– Салина из крупнейшего купеческого рода, – пожалала плечами сестра, – ей эти лавочки Варновские как для тебя цветочки на подоконнике, для развлечения. А вот то, она отцу своему в продаже товаров колхозных отказала, это о многом говорит. Заявила ему, мол, я тебе столько лет вдовой не нужна была, а тут вспомнил, что дочь. У них ведь родственные связи важнее всего. Так что Салина колхоз своей семьей считает, и никогда против его интересов не пойдет. Ох, и заболталась я с тобой. Пора коров доить. Вон орут уже...

Коровы на самом деле возмущенно мычали, выражая негодование за позднюю дойку. Да, им не скажешь, что вчера в деревне было очень важное событие – свадьба. Они призывали к определенному распорядку.

Оставив Рыску в коровнике, я забежала на три дольки к Глае, чтобы узнать, как там дела с цыплятами. Избушка на курьих ножках, окончательно превратилась в птицефабрику.

Инкубатор работал в полную силу, яйца закладывались каждые три дня. И каждые три дня выводились цыплята. И теперь даже самые последние скептики поверили, что разведение кур на мясо – это не сказка, а реальный способ за-

работка. Птичницы, над которыми, как и над моими овощеводками в свое время, посмеивались, вдруг перестали быть смешными. Все же столько цыплят одновременно не было еще ни в одном хозяйстве Гвенара.

На кухне в огромных горшках запаривалась синяя каша для кормления нашей стаи. Птицы разного возраста у нас было уже больше трех сотен. Самым первым инкубаторским цыплятам исполнилось полтора месяца, и они стали совсем похожи на взрослых, только маленьких. Даже было видно, кто из них петушки, а кто курочки. Всех курочек Глая собиралась оставить для пополнения родительского стада, а петушков хотела пустить на мясо. Их пока, конечно, не так много...

Глая, озабочено хмурясь, рассказывала мне о любимых птичках. О кормах и даже о болезнях куриных. А я слушала ее внимательно. И запоминала.

А после уже целенаправленно в мастерскую заглянула. Благо колхозницы на работу рано приходили. Даже в мастерских ткачихи да швеи с рассветом работу начинали. Здесь Вилина с Наной бригадировали. Но Вилины не было пока, она с утра в правлении работала. Подсчет трудодней-то все еще на ней был.

– Малла, – обрадовалась Нана, – ты куда у нас пропала-то?! Мы так ждали тебя! Смотри, как мы здесь все обустроили.

И Нана повела меня на экскурсию. Весь двор наши кол-

хозники-строители накрыли навесом, под которым стояло три ряда грубо сколоченных деревянных столов и несколько больших бадеек, наполненных водой.

– Вот, – наша ткачиха с гордостью показывала свои владения, – на этом ряду шерсть сортируют и чистят от крупного мусора. Потом моют и сушат на втором ряду столов. А на третьем вычесывают. Я здорово придумала, да? Так и порядка больше и соблюдение технологии легче контролировать.

– Здорово, – согласилась я, – Нана, а скажи, – снова вставила между делом, – а ты знаешь, что у короля младший брат есть?

– Да, кто же этого не знает, – рассмеялась Нана. И подхватила разговор, – говорят он красавчик такой, что все аристократки с ума сходят. Но он никак не женится, все выбирает и выбирает...

– Как интересно! – воскликнула я, – а ты его видела?

– Нет, конечно, – фыркнула Нана, – я же не дворянка. Вот господин Гририх, наверное, видел... хотя может и нет. Говорят, – она понизила голос, – младшенький-то с придурью. Вместо дам книжками интересуется. И с его величеством всегда спорит.

– О чем? – тоже шепотом спросила я.

– Не знаю, – пожала плечами Нана, – говорят спорит... Ну, пойдем во внутрь, я тебе покажу, как мы там все устроили. Со двора вычесанная шерсть попадает к прядильщицам. Они в этой комнате работают. И я тут же с ними. Ткацкий

станок большой, так то кроме меня больше пока ткать ни у кого не получается, места нет. А тут Вилинина бригада, – она мотнула головой в сторону другой комнаты, там они кроят и шьют.

– А что это? – ткнула я пальцем в тюки, аккуратными стопками лежащие в коридоре-кухне типового домика, который мы отвели под мастерскую.

– Это сырье, – вздохнула Нана, – шерсть для нас и ткани для Вилининых девочек.

Мы поговорили еще немного и я побежала в правление. Мне нужно было увидеть Салину.

Но я даже не смогла подойти к сестре. Она сидела на крыльечке в окружении толпы купцов. Которые орали каждый на свой лад. А потом, мои девочки-овощеводки принесли короба с огурцами, помидорами, кабачками, баклажанами. А потом взмыленная Сайка принесла несколько головок сыра... А потом...

Я смотрела и понимала, что-то у нас в колхозе идет не так. Но что?

Сегодня, в Первый день, в поселение, как обычно приехала ярмарка. И переделав все утренние дела, вдовушки побежали за покупками. Я никуда не пошла, не хотелось позориться в своем старом платье-мешке, в котором я так и моталась с утра по деревне. Поэтому, пока все развлекались, я занялась стиркой.

Без стиральной машины дело это было не быстрое, поэто-

му я терла свою изодранные джинсы и думала о том, что увидела сегодня утром в колхозе. И пыталась понять, что же так царапало и мешало радоваться его развитию. Почему мне кажется, что скоро все начнет рушиться? Что крах всей задумки очень и очень близко?

Вот как с джинсами. Я ведь их когда перед побегом надевала, целые они были. И не могу сказать, что я их специально рвала. Нет, просто бежала, забыв обо всем, и видя перед собой только цель – Туда. И получилось, что ни Туда не добралась, и джинсы порвала. А все потому, что думать надо было и о них тоже... и теперь у меня дыры такие на штанинах, что можно на подиум выходить в наше мире...

Так и в колхозе нашем. Бежим мы сейчас куда-то туда, сами не знаем куда. Это сначала мы хотели вдовам дать возможность Дары применить. А сейчас они это свободно могут делать, а значит надо другую цель нам выбрать. И путь другой. Если бы я не лесами да полями бездумно скакала, а через порталы пошла, то дошла бы куда нужно.

Я еще стирку закончить не успела, как озарило меня. Все оказывается так просто. Надо с господином Гририхом посоветоваться, как все это лучше сделать. Развесила белье, да бегом в правление.

– Малла! – господин Гририх, сидевший за столом, увидел меня, вскочил и кинулся обниматься. Я даже растерялась немного. Я его, конечно, уважаю очень. И даже люблю, как... ну, как дядюшку, наверное. Но этот странный порыв

меня смутил.

А ему будто бы мало, позвал жену свою, Вилину, и она тоже начала меня обнимать. И слезы вытирает, всхлипывает.

– Господин Гририх, Вилина, все хорошо? Или что-то случилось?

– Все хорошо, – прокашлялся наш председатель, – просто ты пропала так внезапно. Вот мы и волновались. Да еще Орбрэн... господин Орбрэн сказал, что ты плохо себя чувствуешь. Даже вчера на свадьбе Сайкиной плохо тебе стало.

– Ох, Малла, – Вилина никак не могла отцепиться от меня и с силой прижимала меня к своей необъятной груди, – так уж мы твои песни хотели послушать. Бабы-то хвастали, что очень душевно ты поешь. И даже Дайра таланты твои хвалила.

Дайра... мне стало даже как-то больно что ли... я-то к ней со всей душой, а она... надо будет потом зайти к ней, спросить зачем она так поступила.

– Все хорошо, Вилина, – прохрипела я, – просто немного устала.

– Да-да, Орбрэн так и сказал, – всхлипнула Вилина и снова прижала меня так, что захрустели кости, – ты уж береги себя, Малла. Мне Салина с Рыской рассказали, что тебе и после кутузки плохо было. Хорошо, что ты решила в столицу наведаться и у лучших лекарей совета спросить.

– От-ткуда вы это знаете? – выпучила я глаза. Я-то точно ничего такого не никому не говорила.

– Так, господин Обрен рассказал, – всплеснула руками Вилина, выпуская меня из объятий. Я моментально отскочила на пару шагов назад, – и как же хорошо, что это всего лишь небольшое нервное расстройство... Обрен сказал покой тебе прописали.

– Я твоих девочек предупредил уже, что эту семидневку будут без тебя работать. А ты отдохни, дочка, – улыбнулся господин Гририх. А мне вдруг так накрыло... показалось мне на какой-то миг, что мама и папа это мои. И ножом по сердцу тоска по ним так полоснула, что не выдержала я и навзрыд разрыдалась, в плечо господина Гририха уткнувшись. А он жалел -меня, гладил по голове и что-то нашептывал. Точь в точь, как мой папа.

Это все гормоны, наверное...

Глава 50

Я весь день так и провела у господина Гририха. И не потому, что для дела это было нужно. А просто так. Хорошо не было с ними. Душевно.

Сначала мы с господином Гририхом думки мои обсудили, план составили и речь к завтрашнему собранию подготовили. А как Вилина из мастерской вернулась, силком меня из кабинета председателя вытащила, выговаривая супругу, что совсем замордовал бедную девочку. А тот соглашался и сокрушенно качал головой, оправдываясь, что он не нарочно. И участливо спрашивал, как я себя чувствую. От такой заботы щипало в носу и садился голос.

– Малла, – Вилина усадила меня на стульчик на своей идеально чистой кухонке, – ты какие пирожки больше любишь?

– С картошкой, – вырвалось у меня нечаянно. Как-то ослабилась я, совсем забыла, что мир другой.

– Не знаю я про такую приправу, – искренне огорчилась Вилина, – это в Хадоа у вас такая?

– Да, – вздохнула, – в Хадоа... но я ее здесь посадила... через год-другой и у нас такая будет.

– Ну, вот и отлично, – Вилина энергично месила тесто, – значит через год-другой настряпаем пирожков с картошкой твоей.

– М...м-м-м, как вкусно пахнет, – на кухню вошел госпо-

дин Орбрэн и показательно потянул носом. Вот уж кого-кого. А его мне видеть совсем не хотелось.

– Вон! – тихо приказала ему госпожа Вилина, не поворачивая головы, – вон из моей кухни! Пока не исправишь то, что натворил, лучше не на глаза не попадайся. Ты меня разочаровал, Орбрэн. Никогда не думала, что ты такой трус.

– Ты же знаешь, что я не виноват! Я, вообще, ничего не сделал!

Я продолжала тихо, как мышка, сидеть за столом, разглядывая свои туфли и делая вид, что меня здесь вовсе нет.

– Вот именно! – Вилина изо всех сил швырнула кусок теста об стол, – а должен был! Должен был объяснить и рассказать, что к чему.

– Но, тогда бы...

– Это было бы честно, Орбрэн, – перебила его Вилина. А у меня возникло стойкое чувство, что разговор идет обо мне. – А начинать жизнь с обмана – последнее дело. И мы с Гририхом целиком и полностью не на твоей стороне.

– Ну, и ладно! – с какой-то злой яростью ответил господин Орбрэн, – обойдусь без вашей поддержки.

Он ушел из кухни, хлопнув дверью. А я почувствовала себя не в своей тарелке.

– Молодой еще, – вздохнула Вилина и добавила, будто бы извиняясь, – глупый.

Я согласно покивала. Хотя не считала господина Орбрэна настолько молодым, чтобы это оправдывало его глупость.

Хотя я и глупым его тоже не считала. Негодяй, да. Но не дурак.

Вечером, когда я нагруженная пирожками, сыто отдуваясь после обильного ужина, возвращалась домой, возле моей улочки меня остановил тихий окрик:

– Малла, – Дайра ждала прислонившись к заборчику, – мы можем поговорить?

– Нет, – мотнула я головой для большей ясности, – я не хочу с тобой говорить. Я тебе доверяла, а ты...

Дайра опустила голову:

– Прости, но я не могла по-другому. Я... я люблю его... понимаю, это неправильно, но ничего не могу поделать. А так... я хотя бы ему нужна. Понимаешь? Он-то настоящий... жалеет меня... всегда жалел. Даже... из жалости... А я... как дура...

Дайра всхлипнула, закрыла лицо ладонями и заплакала, вздрагивая плечами.

— Дура и есть, – буркнула я и, проклиная свою жалостливую натуру, позвала, – пойдём ко мне, поговорим.

Я шла и думала, что совершенно зря позвала ее с собой, ведь у меня дома этот проклятый негодяй. А мне совершенно не хотелось, чтобы кто-то знал об этом. А поскольку Салина не прибежала ко мне с вопросами, я сделал вывод, пока о том, что господин Орбрэн ночевал в моем доме, никто не знает.

А теперь я сама, собственной дурной головой, собиралась

все испортить. Это мне той, прошлой, все равно было. Не в моей же постели мужик спит. Но сейчас... нет, сейчас мне не хотелось замарать свою репутацию такой отвратительной сплетней.

– Дайра, – остановилась я у калитки, – у меня к тебе просьба. Я знаю, что ты умеешь держать язык за зубами, поэтому молчи о том, что увидишь у меня дома. Поняла?

– Х-хорошо, – Дайра испугалась. Уж не знаю, что она там придумала, но заходила ко мне в дом с каким-то трепетом. Наверное, решила, что не зря герцог велел за мной приглядывать.

Дома, к счастью, никого не было.

Накрыв на стол, позвала Дайру, замершую у порога и старательно прикрывающую глаза, чтобы не увидеть ничего лишнего.

– Рассказывай, – выдохнула, подавая чашечку травяного напитка.

– Что? – испуганно прошептала Дайра.

– Дайра, – сморщилась я, – не бойся. Можешь открыть глаза и посмотреть. Просто я не люблю, когда обо мне сплетничают. А особенно, – я многозначительно посмотрела на нее, – когда передают сплетни на сторону.

– Прости, Малла, – выдохнула Дайра, – но... я давно это делаю... это обычная практика. У него каждом поселении есть пригляд. А мы с ним знакомы были еще в юности. Он тоже был среди моих поклонников... ну, знаешь, когда ты

актриса в театре, у тебя всегда много поклонников. Они и подарками заваливают, и в любви признаются. Да только и ты, и они сами понимают, что не всерьез это. Не тебя они любят, а героиню твою, которую на сцене увидели...

Я молча прихлебывала чай. Пожалуй, Дайре важнее было выговориться, чем мне послушать ее откровения. Хотя, да, было интересно. Особенно то, что было дальше.

– Потом я его увидела уже тогда, когда погиб мой Глай. Ранили его сильно. Умирал он, а я никак не могла его спасти, Малла. Почти всю себя отдала, но он все равно умер. И тут появился его светлость, узнал меня, и... вот...

– Погоди. Объясни толком. У нас в Хадоа все совсем по-другому. И я ничего не поняла... Как ты могла спасти Глая, если ты не лекарь?

Дайра вздохнула.

– Брак у нас истинный был, Оракулом одобренный. Как вчера у Сайки с Дирком. В таком браке жена всегда может свою силу жизненную передать, чтобы мужа от смерти спасти. А может и не передать. Поэтому вдов и считали порождением тьмы. Раз они своей жизнью ради спасения супруга не готовы пожертвовать, значит и любви там не было никакой. Одно притворство.

– А мужчинам, значит, можно не делиться? – вскинула я брови.

– А мужчина не может делиться, Малла, – грустно улыбнулась Дайра, – не способны они к этому. Поэтому вдовцов

и жалеют. Он ведь был бы рад спасти любимую, да не может.

– Чушь, – фыркнула я, – ты сама-то в это веришь?

– После того, как столько лет вдовствую? Нет. Но раньше верила.

– А его светлость, значит, уговорил тебя не делиться?

– Нет. – Дайра зажала ладошки между коленями, так они дрожали, и, помолчав, продолжила, – он перед Оракулом меня своей назвал...

– Что? – я вытаращила глаза. И тут же вспомнила, как говорил его светлость, что женат, – так ты замужем? За его светлостью?

– Нет, – мотнула головой Дайра, – не могу я... он же не любит меня. Он же из жалости. А я не могу так. Не хочу, чтоб из жалости...

– Он тоже тебя любит. А не жалеет вовсе. Думает, что ты из-за Совета вашего против, – пробормотала я. Перед глазами одновременно стояли две картины: Сайка и Дирк на коленях, и я, смешивающая энергии с господином Обреном...

– Это он тебе сказал, Малла? – Дайра схватила меня за руку и заглянула в глаза.

– Не мне. Но он, – ответила я. Вздохнула, нужно было прояснить один момент, – Дайра, скажи, я правильно поняла, он назвал тебя женой перед Оракулом, а ты нет? Ты не назвала его мужем. И ты вчера снова слышала этот вопрос и ответила нет?

– Верно, все так и есть, – Дайра все так же смотрела на

меня, – Малла, скажи, что он сказал?

– Напиши ему. Хоть что-нибудь. Личное. Он очень ждет, Дайра... и у него к тебе не жалость. Это правда, – ответила я. Кошмар меня подери! Как же так-то?!

– Малла, – взвизгнула Дайра и кинулась обниматься. Да что за день сегодня такой? Все обнимаются и обнимаются. И ведут себя странно. А особенно Дайра. Все же влюбленные идиоты.

И я тоже... потому что я, кажется, согласилась. Вчера. И значит теперь только от господина Орбрена зависит, будем мы женаты или нет...

Когда я смешала наши энергии – это была только часть брачного ритуала. Та, которая остается недоступной невидящим. А вторая часть – та, которая видима всем и которая заключается в клятве перед Оракулом... Она-то и осталась не завершена у Дайры с герцогом. И у меня с господином Орбреном, потому что он не сказал свое «да». В отличие от меня. Или сказал? Ведь его величество видел, что он женат? Или что?

У меня разболелась голова. Дайра убежала к себе, писать послание его светлости. А я все сидела за столом и думала.

– Малла, – господин Орбрэн тихо вошел в дом, – нам надо поговорить.

– Я так не думаю, – пожала я плечами, – нам не о чем разговаривать.

Но господину Орбрэну как всегда было плевать на мои

желания. Он прошел в дом, сел за стол, и нагло и бесцеремонно, забрав мою кружку, отхлебнул мой отвар.

– Что вы себе позволяете?! – вскочила я, думая, что совершенно напрасно не договорилась с Салиной и не напросилась к ней на ночевку.

– Малла, – он поставил кружку и пристально взглянул на меня, – я знаю, что ты притворялась во время беседы с его величеством и его светлостью. Ты далеко не дура, как старалась показать нам. И я сделал вид, что ничего не заметил.

Я попятилась. Вот сейчас мне на самом деле было страшно. Если он раскусил меня, то и другие тоже...

– Ты сыграла очень талантливо, кроме меня никто ничего не понял, – спокойно продолжил он, – я догадался только потому, что видел, как ты ведешь дела в колхозе, как выступаешь на собрании, как руководишь своими девочками. И я знаю, что господин Гририх не считает зазорным посоветоваться с тобой, и что все колхозные новшества, да и сам колхоз, твоих рук дело. И сейчас, Малла, прекрати изображать из себя дуру. Хватит. Это далеко не самый лучший способ договориться.

А я снова почувствовала ту же злость, как тогда на полянке, когда решила встретить Угрозу лицом к лицу.

– Да, – я выпрямилась и смело сделала шаг вперед, – я притворялась. Но это именно вы вынудили меня.

– Я? – удивленно переспросил господин Орбрэн.

– Вы! – сделав усилие, села за стол напротив него. Боялась,

что колени подогнуться. Так тряслись. Я же еще никогда вот так открыто не выступала в свою защиту, и всегда старалась сделать это как можно незаметнее.

Господин Орбрэн вопросительно смотрел на меня. И я продолжила:

– Вы каждый раз провоцировали меня, обвиняли в том, что я что-то сделала. А ведь я не знала, что я, вообще, что-то сделала. Сарафан у Оракула попросила? Так многие вдовы к нему ходили с просьбой разрешить им носить нормальную одежду. Вы же не знаете, каково это ходить в дерюжном мешке. Вы вообще ничего не знаете о жизни во вдовьем поселении. А потом? Я просто пела. Понимаете? Я же знать не знала, что мои странные видения имеют какой-то смысл. А вы?! Вы орали на меня, не объясняя, в чем моя вина. А потом, вообще, засадили в кутузку. И там, на озере, вы обещали никому не говорить о моей беременности. И что?! Вы сдержали слово?! Нет. Вы тут же сдали меня его светлости и его величеству. Так с чего мне было верить вам? А, ваша светлость?!

– Ты догадалась? Да, я герцог Эллдорский, младший брат его величества. Но здесь я господин Орбрэн.

– А вы не особо и скрывались, – ответила я. Запал, с которым я только что выкрикивала обвинения, никуда не исчез, – еще бы... Малла же дура, – передразнила я короля, – у нее только замужество на уме. Как же я вас ненавижу. Вас всех! Мне ведь от вас ничего не нужно! Я просто хочу спокойно

жить в колхозе, просто растить своего ребенка сама, просто не видеть всех вас в своей жизни. Я не аристократка, и никогда ею не была. И меня это устраивает. Я, как и все женщины, могу помечтать в короле, но замуж хочу выйти за нормального мужика. Не за вас. Но вы ведь даже это не удосужились мне объяснить. Нет, вы предпочли все скрыть, чтобы в очередной раз посмеяться над дурой-Маллой. Но не переживайте, я снова не знала, что этот дурацкий вопрос, который мне послышался, что-то значит. И мне не нужно ваше «да». Назовете потом перед Оракулом своей какую-нибудь герцогиню, и будете счастливы.

– Кхм... Малла, это невозможно. – господин Орбрэн прокашлялся и ткнул куда-то вверх пальцем, – ты же видишь

– Что опять я должна видеть?!

– Мой Жар и твой Жар...

– Господин Орбрэн, – я закрыла глаза ладонями, – я не понимаю, что вы от меня хотите. Вы прекрасно знаете, я из другого мира. У нас нет магии. И ничего похожего на ваши Дары тоже. И именно поэтому я ничего не вижу и не знаю даже, куда нужно смотреть, чтобы увидеть.

– То есть... ты ничего не видишь? Вообще?

– Я уже не первый раз говорю вам об этом...

– Но как же ты тогда... на поляне. Ты же сама говорила, что собрала Жар и сделала из него Шар...

– Это было образно, я так чувствовала, – я вздохнула, запал сошел на нет, после того, как я выкрикнула все, что на-

кипело, – ваша светлость, раз мы все выяснили, может вы покинете мой дом и уйдете? Уже поздно, и я хочу спать. Обещаю не обращаться к Оракулу ни с какой просьбой.

– Да... – господин Орбрэн тоже тяжело вздохнул, – надо было поговорить с тобой намного раньше... Я не могу уйти, Малла... свое «да» я сказал еще там... на поляне.

Глава 51

– Что?! – захлопала я глазами, – но... зачем? Только не врите, что любите и жить без меня не можете.

– Не буду. Потому что ничего этого и нет, – господин Орбрен сокрушенно вздохнул, – но не могу сказать, что ты мне совсем не нравишься. Ты красивая и интересная женщина, хотя, конечно, временами делаешь глупости. Вот, например, когда притворялась пустоголовой дурой при его величестве. Но я не об этом хотел тебе рассказать, – торопливо исправился он, увидев, что я готова разразиться возмущенной тирадой, – ты знаешь, что у его величества было шестнадцать жен? А эта уже семнадцатая? Так вот... он один из самых сильных Ведающих в нашем мире. Но так уж вышло, что в Гвенаре так и не родилась девочка, равная ему по силе. Поэтому Совет принял решение, что он должен жениться на на тех, кто намного слабее. И, подключаясь с ними к Оракулу, он фактически выкачивал из них всю энергию, обрекая на смерть. Это очень тяжело, Малла. Жениться снова и снова, и каждый раз знать, что эта девушка тоже умрет. И можно только догадываться, каких усилий это стоит его величеству.

– Какая мерзость, – вырвалось у меня, – а кто-нибудь из вас подумал, каково девушкам?! Каково этим несчастным выходить замуж, зная, что его величество, как вампир, высосет из нее жизнь?

– Не знаю, кто такой в-вам-пир, – вздохнул господин Орбрэн, – но в остальном ты абсолютно права. Даже то, что девушкам не говорили правду, списывая смерти на несчастные случаи, покушений и болезни, не делает ситуацию сколько-нибудь приемлемой. Именно потому я и ушел. Я отказался быть палачом. И вот я увидел тебя. Сильнейшую Ведающую в мире. И решил, что ты и есть та самая Последняя, предсказанная Оракулом, которая остановит эти бессмысленные смерти.

– И поэтому вы пытались отвезти меня в столицу? – кажется начала понимать я, – но ведь вы знали, что я... такая... гораздо раньше. Но почему я понадобилась так срочно? – я ахнула, – вы знали?! Что будет нападение?! И полагали, что...

Господин Орбрэн кивнул:

– Верно. Пока ты сидела в кутузке, я, по совету господина Гририха, решил съездить в столицу, повидаться с братьями. И по пути заскочить на границу, нужно было решить там кое-какие вопросы. И там я увидел непонятную суету, оказалось, что граница отодвинулась от прежней метки на целую вежу. И я решил объехать еще несколько крепостей, чтобы проверить, как там дела. И когда в четвертой крепости увидел то же самое, понял, что это снова твоих рук дело, а значит никакой договоренности с хадоа не было. И они так просто это не оставят. Со дня на день нужно ждать нападения, защита от которого целиком ляжет на плечи его величества и ново-

испеченной королевы. Я не знал, что она тоже из Мидгарда, думал, это будет последний бой несчастной девушки. А ее смерть означала бы угрозу безопасности Гвенара. А значит тебя нужно было срочно доставить в столицу и выдать замуж за его величество.

– Вы хотели и меня обречь на смерть? – вскинула я брови.

– Нет, – он помотал головой, – ты бы не умерла, Малла. Ты сильная. Но ты сбежала. Я помчался за тобой. А ты легко, играючи сворачивала пространство, стремясь в неизвестность. Я почти загнал коня, стараясь не отстать. И когда увидел тебя на поляне, когда ты формировала свой Шар, я был шокирован. Ты оказалась намного сильнее, чем я думал.

– И вы решили заполучить меня себе? – На душе было гадко. словно в вонючем старом подъезде, загаженном кошками, пропахшим прогорклым жиром с чьей-то сковородки и вековой пылью.

– Нет, – господин Орбрэн помолчал, – я просто восхитился тобой, Малла. Понимаешь... я сильнейший Ведающий в Гвенаре, и у меня не было ни единого шанса встретить равную. И тут ты... такая сильная... ну, я и подумал, что сам с радостью взял бы тебя в жены, как раз в самый неподходящий момент...

– Но почему вы не сказали мне?! – возмутилась я, – я бы знала, к чему мне быть готовой... А теперь что делать?! Я вовсе не собираюсь быть вашей женой! Вы мне вообще, не нравитесь. Я вас ненавижу! И сейчас даже больше, чем пять

долей назад!

– Я знаю, Малла. Понимаешь... все ведь не закончилось. Его величество сообщил Совету, и сегодня я получил бумагу. Совет одобрил наш брак. Погоди! – снова остановил он мои вопли, – его величество никогда бы не сделал этого без разговора с тобой... но ты так старательно изображала недалекую дуру, которая мечтает замуж за герцога... В общем, теперь ты официально герцогиня Эллдорская...

Вот тут я уже не выдержала. Я орала и даже, кажется, топала ногами, на разные лады повторяя, что Совет, его величество и сам господин Орбрэн вместе со своей бумажкой могут отправляться в одно интересное место; что никто мне не указ, и я не собираюсь быть его женой, из-за череды нелепых случайностей; что у меня своя жизнь, в которой нет места ни герцогу Эллдорскому, ни господину Орбрэну; что это не я дура, а они идиоты, из-за глупого молчания которых, случилась вся эта дурацкая история, и пусть они теперь сами расхлебывают все, как хотят, без меня.

Господин Орбрэн слушал молча. И это хорошо. Потому что попробуй он возразить или просто открыть рот, я могла бы сделать то, о чем сама бы пожалела. А когда я стала выдыхаться, он тихонечко встал, налил водички и подал мне. Нет, ну вот каков наглец! И ведь все подрасчитал негодяй негодяйский! У меня как раз горло пересохло... А когда попила, начинать орать по второму кругу было как-то глупо...

– Малла, – господин Орбрэн забрал у меня кружку, – у

меня к тебе деловое предложение. Собственно я с ним к тебе и пришел. Просто был уверен, что ты уже все знаешь... ну... про наш с тобой истинный брак... я же был уверен, что ты видишь Жар... и, вообще... странно...

Он задумался и замолчал.

– Какое предложение? – спросила я сорванным голосом. Вот же напасть! Как я завтра перед колхозниками выступать буду?!

– Какое предложение? – поднял на меня удивленный взгляд господин Орбрэн, – А! Я хотел тебе предложить такой вариант: ты живешь своей жизнью, я живу своей жизнью, но для всех мы будем супругами. Подожди, не кричи. Я научу тебя пользоваться Силой, помогу поднять колхоз, ты получишь титул и возможность самой растить сына...

– И вы думаете, я поверю, что вы предлагаете все это по доброте душевной?

– Нет, – серьезно ответил господин Орбрэн, – от тебя требуется упорно учиться, чтобы контролировать свои Силы, не обращаться к Оракулу без ведома его величества и не сбегать. Я все равно тебя найду. И, разумеется, молчать обо всем, что ты узнала и узнаешь от меня о государственных тайнах.

– Почему-то у меня такое чувство, – ответила я медленно, ощущая как похолодело внутри, – что отказаться я не могу...

– Да. Не можешь.

– Но к чему тогда вам мое согласие? Пришли бы, как

обычно, надавили, запугали...

– Мог бы. Но я не хочу. Думаю, ты сама в состоянии принять нужное решение.

– Я могу подумать?

– Нет. Не можешь.

– Я вам не доверяю...

Господин Орбрэн молча пожал плечами, мол, ничем не могу помочь.

Я даже не пыталась искать выход. Идти против государственной машины? Ну-ну... ищите дуру. И меня уже просветили, что разводов здесь не бывает. Оракул не одобряет. Хотя... если у меня получится обратиться к нему с такой просьбой... не сейчас, потом, когда я буду уметь это делать...

– У меня будет еще два условия, – нарушила я молчание, – первое – вы дадите мне возможность попросить у Оракула аннулировать наш брак. Потом, когда я смогу это сделать. И второе – я буду жить здесь, в колхозе. Вы можете ехать на все четыре стороны.

– Договорились, – согласился господин Орбрэн.

Спала я плохо. Металась на сбитых простынях и просыпалась раз сто, не меньше. Лежала, прислушиваясь к негодю, спавшему в соседней комнате. Ни страх, ни угрызения совести его не мучили.

Утром только что уснувшую меня разбудила Салина. Она как всегда прискакала ни свет ни заря и сдернула с меня одеяло.

– Малла, – радовалась она новому дню, – вставай! Малла! Я так соскучилась! Ты где вчера весь день пропадала?! Вставай! Сегодня же собрание!

– Я хочу спать! – пыталась я вырвать из ее рук одеяло. Мы несколько минут перетягивали его, как канат, но в конце-концов сестра победила и, хохоча, сбежала вместе с одеялом. Пришлось вставать. Я выползала из спальни, зевая и пытаясь расплести растрепанную косу, вчера вечером столько всего случилось, что я легла так и не расчесавшись... вчера вечером... Кошмар меня подери!

– Ой! – удивленный возглас Салины дал понять, что я опоздала. Так и было. Когда я, мгновенно проснувшись, пулей вылетела из комнаты, то увидела картину маслом. Невозмутимый и приветливо улыбающийся господин Орбрэн по хозяйски разводит огонь в печурке, чтобы вскипятить воду для утренней каши... Онемевшая от шока сестра стоит посреди кухни, открыв рот.

– Доброе утро, – помахал он нам и захлопнул тяжелую дверцу, – Малла, иди умойся, через десять долек будем завтракать. Салина, ты с нами?

Но она не ответила. И даже не двинулась. Мне показалось, что сестра даже не моргала...

– Салина, – подскочила я к ней, – ты в порядке?

– Малла, – прошептала она, – что он здесь делает?!

– Господин Орбрэн? – я вздохнула, – живет...

– Но, Малла, – Салина повернулась ко мне и посмотрел

строго, – это же неприлично! Ты должна немедленно выгнать его. А вы, господин Орбрэн, – она повернулась к ухмыляющемуся негодяю, – как вы можете так относиться к Малле. Вы же погубите ее репутацию!

Вот тут я что-то не поняла.

– Салина, но ты же говорила, что для вдов проводить время с мужчинами нормально... Все так делают.

– Ты ничего не понимаешь?! – сестра аж подпрыгнула, – это же было раньше! До того, как все изменилось! Ты разве сама не чувствуешь, что теперь все по-другому? Теперь так нельзя!

– Но ты-то с Варном...

– У нас с Варном ничего не было, – вспыхнула она, – я не такая.

– Девочки, – негодяй слегка обнял меня за плечи, зашипев в ухо, когда я попыталась скинуть с себя его руки, – не нужно ссориться. Салина, ты сестра Маллы и можешь узнать нашу тайну первой. Мы уезжали из поселения, чтобы пожениться.

– Что?!

– Салина, – я все же вырвалась из объятий господина Орбрэна, – понимаешь... все вышло случайно...

– И ты мне ничего не сказала?! Ты мне врала, что между вами ничего нет?! О! О-о! – она уставилась на мой живот. Негодяйский негодяй, пытался удержать меня, схватив за рубаху, и она теперь она обтягивала меня спереди, предательски выставляя напоказ пока еще совсем небольшую вы-

пуклость в районе талии, – Малла! Как ты могла! Это... это же позор!

– Салина, ты все не так поняла! – попыталась я объяснить, но сестра не захотела меня слушать:

– Господин Орбрэн, – строго обратилась она к мужу-негодяю, – спасибо, что не оставили Маллу и прикрыли позор этой безмозглой девчонки, но все же... то, что вы допустили подобное, вас совершенно не красит.

– Прости, Салина, – повинился господин Орбрэн, – признаю, мы немного увлеклись и потеряли осторожность. Но я всегда несу ответственность за свои поступки. И никогда бы не оставил Маллу в таком положении одну.

Они оба говорили обо мне, как обо мне, словно меня здесь не было. И словно я была непроходимой дурой, не умеющей думать о последствиях ночных развлечений. Которых, между прочим, не было!

– Что вы несете?! – возмутилась я, – Салина, это не его ребенок! А у нас с вами, господин Орбрэн, ничего пока не было!

– Тем более, – веско ответила Салина.

– Очень рад, что ты сказала пока, – нагло ухмыльнулся господин Орбрэн.

И они, довольно улыбаясь друг другу и снисходительно поглядывая на фыркающую от возмущения меня, принялись вдвоем накрывать стол к завтраку. А-а-а! Та захотелось затопать ногами и закричать от злости!

Глава 52

Завтрак прошел в напряженном молчании. С моей стороны. Салина и господин Орбрэн мило беседовали, обсуждая дела колхозные, домашние и, вообще... больше всего говорили о «наших отношениях». Господин Орбрэн с воодушевлением рассказывал согласованную вчера легенду о том, как мы все это время встречались тайком. Если бы я знала, как она будет звучать из уст этого негодяя, то ни за что не согласилась бы на такую версию.

– Мы с Маллой сразу понравились друг другу. Только ругались часто. Вот и казалось всем, что друг друга ненавидим. Но каждая ссора обязательно примирением заканчивалась. Но когда из-за раздора Малла в кутузку попала, то всерьез на меня обиделась. Пришлось постараться, чтобы простила. И тут-то она мне новость радостную сообщила, что беременна. Мы и поженились. Негоже ребенку без отца расти.

Сестра любезно улыбалась негодяю, негодяй улыбался ей... идиллия! Вот и женился бы на ней, некстати подумала я. И осознав, что именно подумала, начала злиться еще и на себя.

– Малла, – показательно громко зашептал мне на ушко господин Орбрэн, – ты такая смешная, когда сердишься.

Салина, довольна улыбаясь, поддакнула.

– Малла, тебе повезло, что господин Орбрэн взял тебя в

жены.

А я кипела просто. Еще и потому что сестра со своим Даром не видела, что мы врем. А значит негодяй был прав вчера. Эта история настолько правда, что никто даже не заметит лжи. И это просто кошмар его подери!

Но самое ужасное, я впервые почувствовала последствия клятвы Оракулу. Стоило мне решить прекратить этот цирк, как немел кончик языка. Как будто бы у стоматолога, после укола.

Но и молча проглотить все, что они говорили, я уже не смогла.

– Салина, – первой под раздачу попала именно она, – ты мне, конечно, сестра. И я тебя люблю и уважаю. Но хватит уже лезть в мою личную жизнь. Хватит поучать меня, словно я маленький ребенок. Я сама разберусь со своей жизнью. И еще... почему ты считаешь, что это мне повезло, что он назвал меня своей женой? Нет, Салина, это ему повезло, что я его жена. И это он бежал за мной через всю страну, а не я за ним.

Ха! Кажется, я поняла принцип действия Оракула! Потому что, судя по реакции сестры, я тоже не сказала ни словечка неправды!

– Малла, – ошеломленно прошептала Салина, собираясь что-то ответить, как-то оправдаться. Но я уже переключилась на господина Орбрена:

– А ты, муж мой, – я уже наслаждалась тем, что хочу ему

сказать, – перестань надо мной издеваться. А то, знаешь ли, я ведь теперь с полным правом могу ответить. А если надо, то и треснуть как следует. Теперь ты меня в кутузку за такое не закроешь! Мы ведь с тобой теперь ровня.

Выговорившись, я, не дожидаясь ответа, сбежала в правление готовиться к собранию. А обалдевшие от моего выступления зрители, остались дома приходить в себя.

Я шла по деревне и чувствовала необыкновенную легкость от того, что сделала. Как будто бы я сбросила огромные тяжелые камни, которые давным давно тянули меня вниз не давая взлететь.

И я вдруг поняла, что как раз те, кто меня любит, те, кому не безразлична моя судьба, каждый раз давали мне эти камни. Мама, когда отговаривала меня идти на библиотекаря, потому что в техникуме мне будет тяжело. Папа, когда утешал меня, после первой затяжной пьянки Орландо, мол, бывает, одумается мужик, в семью вернется и все наладится. Подруги, знакомые, они все говорили мне, что я не смогу, что у меня не получится. А я верила. Верила и тащила эти камни чужого мнения на своем горбу через всю жизнь.

Но ведь это не так! Даже там, дома я могла многое изменить в своей жизни, если бы перестала идти на поводу у других и начала думать своей головой. А уж здесь, в Гвенаре по-давно. У меня же есть такая Сила, которой ни у кого больше нет. А господин... ой, нет... просто Орбрэн меня научит как ею пользоваться. И только от меня зависит, что получится

в итоге.

И есть еще колхоз, в который я вложила столько сил. Я еще никогда и ни во что не вкладывала столько своей энергии. И я знаю, как спасти его от развала. Да, осталось только уговорить остальных колхозников на изменения.

И как раз этим я сейчас займусь.

Когда все колхозники, в том числе Салина и мой негодяйский муженек, собрались в правлении и расселись на лавочки, я уже привычно вышла вперед. Вгляделась в лица колхозниц и поняла, да, я была права. Больше не было глаз горящих энтузиазмом, нетерпением и желанием трудиться. Нет, все смотрели спокойно. А кто-то и вовсе равнодушно.

И я, поприветствовав всех, начала свою речь:

– Мы с вами организовали наш колхоз всего три месяца назад для того, чтобы объединить вдов, от которых отказался весь остальной мир, и дать нам возможность проявить свои Дары, дать нам возможность почувствовать себя нужными друг другу. И у нас отлично получилось. Мы купили сорок коров и варим сыры, которые приносят нам очень большой доход. Мы запустили инкубаторы, и через некоторое время завалим Гвенар куриным мясом. Мы посадили огород с невиданными овощами, и теперь продаем их на королевскую кухню. Мы даже запустили мастерские.... и это только начало. Наши планы, наши возможности не реализованы даже на малую часть. Мы можем гораздо больше.

Все молча слушали меня и кивали соглашаясь, хотя я все

так же не видела искр радости в их глазах, как раньше.

– Но сейчас все изменилось. Люди приняли нас, вдов, и перестали считать изгоями. И, я знаю, кто-то из вас уже думает вернуться домой, к своим семьям. Кто-то хочет уехать в город. А кто-то, – я посмотрела на Сайку, сидевшую у самого входа и о чем-то болтавшую с Дирком, – уже завел свое собственное хозяйство. И теперь такой колхоз, как мы его задумали, нам не нужен... ведь мы можем использовать наши Дары где угодно.

– Так что же теперь, – вскинулась Рыска, – распустить? А коровы как же? Они же только еще привыкли к нам. А мы их опять продадим?

– А мастерская? – расстроилась Нана.

– А кур куда? – проснулась Глая, дремавшая после очередной бессонной ночи при инкубаторе, – их у нас столько...

– Верно, – согласилась я, – свернуть наше хозяйство сейчас, так чтобы все были довольны, невозможно. Поэтому мы с господином Гририхом посоветовались и хотим предложить вам изменить концепцию нашего колхоза.

– Чего? – не поняла бабка Ланка, – чего изменить, Малла?

– Видение, – улыбнулась я, – то, как мы видим наш колхоз.

– Так и говори, – недовольно пробурчала бабка, – а то, понимаешь, словечки странные от хадоа к нам тащат...

– И что ты предлагаешь? – подала голос Салина.

– Мы с господином Гририхом предлагаем первым делом перейти от подсчета трудодней к оплате работы деньгами, –

я с удовольствием увидела, как восторжилось большинство колхозников. Все же деньги магическое словно не только у нас, но и здесь, – заработная плата будет установлена для каждого вида труда и одобрена Оракулом. Причем цена труда будет определяться не только его тяжестью и сложностью, но и уровнем Дара. Вот Салина вроде бы ничего не делает, целый день сидит на крыльчке и болтает с купцами, – я улыбнулась, увидев в глазах Салины обиду, а кто-то при этом согласен качал головой, – но кто из вас способен проделать эту работу так же хорошо, как она? Никто.

Я сама ответила на свой вопрос, и люди одобрительно загудели.

– Или Нана... Кто-то из вас способен ткать так же, как она – дочь Великого Мастера? Нет.

– А у кого нет Дара?

– Тогда все будет зависеть от вашей работы. Подоить корову Дар не нужен. Но у нас уже сейчас на ферме есть девочки, которые доят по пять коров, а есть которые успевают только трех.

– Правильно, – поддержала меня бабка Ланка, – Вилька вон целый день то в коровнике, то в поле работает, а Рилка раз в неделю на помощь выходит, и то, если ее попросить раз сто.

– А ты все следишь за всеми, – злобно огрызнулась Рилка. Эта соседка бабки Ланки была известной лентяйкой в поселении.

– Даже если слежу, – бабушку Ланку такими обвинениями было не смутить, – хотя ты, как бельмо на глазу телеса свои на крыльце греешь каждый день, тут и следить не надо. И так все видно.

– Тише бабоньки, – прекратил ссору господин Гриих, – продолжай Малла...

Я улыбнулась, теперь меня слушали с интересом. Господин Гририх был прав, когда говорил, что новости пр заработную плату сразу изменят настроение людей. Теперь, когда мы показали им пряник. Можно было говорить и про трудности.

– Но это еще не все. Мы с вами сейчас работаем так же, как работают другие маленькие хозяйства – молочники, птицеводы, огородники и владельцы мастерской. Но мы с вами совсем не такие. Вот скажите много ли молочников, у которых сорок коров? А птицеводов, у которых три сотни голов молодняка? А огородников, у которых такой ассортимент овощей? Нет. Таких во всем Гвенаре раз-два и обчелся. А уж чтобы все это было в одном месте... такое вы нигде не увидите.

Народ согласно гудел, подтверждая правдивость моих слов. Да, такого огромного и разнопланового хозяйства не было ни у кого во всей стране.

– Так почему мы делаем как они? Если молочник между делом продает молоко от пяти коров, то почему мы решили, что так можно будет делать, когда коров у нас будет сто? А

сыры? Вы посмотрите на Сайку? Она перерабатывает практически в одиночку столько молока, сколько у этого молочника с его пятью коровами никогда не будет. Или Глайя. Она у нас и за инкубатором следит, и цыплят кормит, и шалаши для них строит... но ведь наш птичник в разы больше, чем у других!

– Да все понятно! – наконец-то отозвалась Сайка, – людей нам надо больше! Чтобы легче было!

– Сайка, – обратилась я к ней, – а представь, что мы сейчас тебе в помощь отправим двадцать человек, тебе будет легче?

– Нет. – Сайка покачала головой, а вокруг послышались смешки людей, представивших эту картину, – мы тогда в дом не поместимся. Сыроварню надо большую.

– Думаешь, тебя спасет, если помещение станет больше? Но представь, что у тебя огромный дом и полно места. И что? Станет легче с двадцатью помощниками.

– Нет, – Сайка задумчиво покачала головой, – не станет. Но что ты предлагаешь?

– Я предлагаю разделение труда... То есть, за каждую операцию будет отвечать один человек. Как у Наны в мастерской: один шерсть чистит, другой моет, а третий чешет... и у каждого свое отдельное рабочее место. Так и у тебя будет. Один будет варить Яблочные сыры, другой Твердые и третий горячие. А ты Сайка, будешь ходить между ними и контролировать, чтобы они все делали правильно. Ты Сайка будешь руководить сыроварней. Заказывать сычуг, яблочный уксус,

формы для сыра... ты лучше знаешь чего и сколько будет нужно. И ты будешь отвечать за весь сыр, который делают твои подчиненные. Тогда мы легко сможем переработать молоко не от сорока коров, а от сотни. Или даже больше...

– Но, Малла, – вскинулась Сайка, – как я могу отвечать за других? За ту же Рилку? Она же запретит мне сыры!

– А чего это сразу я-то? – взвилась Рилка.

– Не запретит, – улыбнулась я, – если ты ее не допустишь к сырам. Ты сама будешь набирать людей, которые будут варить сыр. И колхозники больше не будут скакать по мастерским, если им вдруг захотелось попробовать что-то новенькое. У каждого будет свое рабочее место.

– То есть, – прищурилась Сайка, – я могу Рилку в сыроварню не пускать? А на сыры поставить только тех, в ком уверена? – Я кивнула. – Ну, тогда это другое дело. Я согласна.

– Отлично, – улыбнулась я довольно. И выдохнула с облегчением. У меня получилось.

Глава 53

– А я? – Салина снова подала голос, – а у меня как будет?

Я тоже уже не могу, меня эти купцы на части рвут.

– И у тебя Салина будет свой отдел – отдел продаж. Для начала мы будем заранее предупреждать тебя о том, сколько и чего именно мы сможем принести тебе на продажу. Это же довольно просто, верно, Сайка? Вот. И продукцию мы будем приносить не на крылечко Салине в руки, а на склад... ну, в лавку колхозную. И у тебя будет человек, Салина, который и качество продуктов проверит вместо тебя, и количество. И потом купцу отгрузит столько, сколько ты ему скажешь. А раз трудодней не будет, то и колхозникам продаст излишки. В этой же лавочке.

– Хорошо, – согласилась Салина, – а как же с закупками?

– То же самое, Салина. Будет у тебя подчиненный, который займется покупкой сена, шерсти и всего прочего. Ты ему будешь только говорить что, по какой цене и какого качества нужно купить и привезти.

– Да, – кивнула Салина, – так будет легче. В лавке и кабинет можно для меня устроить. А то все бумаги дома хранить совсем не дело.

Обсуждали мы все очень долго. Пришлось обсудить и птичник, и мастерскую, и огород... и те, что есть сейчас, и те, что еще только будут.. Но я видела, колхозникам снова стало

интересно. Они живо включились в процесс обсуждения.

Наконец, все более-менее стало понятно всем и мы поставили вопрос изменения видения будущего колхоза на голосование. И проголосовали почти единогласно. За редким исключением. Например, Рилка сразу поняла, что такие условия для нее гораздо хуже.

Я закончила свое выступление, и колхозницы и колхозники уже стали поглядывать на дверь, как слово взял господин Гририх.

– Колхозницы и колхозники, я очень рад, что вы приняли новое видение нашего колхоза. Это правильный путь. Но остался еще один момент, который требует вашего внимания. Все вы знаете, что вдове поселение стало деревней. И более того, к нам уже стали приезжать новые люди, нам нужно строить для них дома. И получилось так, что административной работы у меня, как у главы деревни, стало на порядок больше. А сейчас ее станет на порядок больше и в колхозе. И я больше не потяну все один, дорогие мои жители деревни. Я не в силах заниматься и деревней и колхозом одновременно. Поэтому, предлагаю выбрать нового председателя нашего колхоза.

Господин Гририх замолчал, давая нам привыкнуть к этой мысли. Мы все молчали тоже. А что тут было сказать? Вот кого можно поставить на его место, так чтобы все развалилось тут же? Некого. Вернее... есть, я увидела это в глазах, устремленных на господина Орбрена, но жуть как не хочет-

ся.

– Господина Орбрена в председатели, – подтверждая мои мысли, выкрикнул кто-то. И колхозницы одобрительно загудели.

– Господин Орбрена, конечно, хорошо, – вздохнул господин Гририх, – он красив и знатен... но, бабоньки, что он знает о нашем колхозе, а? – он оглядел всех внимательно, – вот то-то и оно, что ничего. А нам нужен человек, который знаком со всем, что происходит в колхозе, с каждой маленькой деталью, с каждым нюансом... который болеет за колхоз, за нас с вами больше всех остальных... и у нас есть такой человек...

– Да, – крикнула бабка Ланка, – Маллу в председатели!

– Маллу! Маллу в председатели, – заголосили колхозники на все лады, а я даже попятилась от испуга. Нет-нет и нет! Ну какой из меня председатель-то? Я же ничего не знаю и не умею! Я же не смогу! Я только открыла рот, чтобы отказаться, как господин Гририх взял меня за руку и тихо сказал:

– Не бойся, Малла, я же тебя не брошу, помогу первое время. А ты больше всех других годишься на эту должность, потому что искренне за людей переживаешь. Некому больше, дочка, на себя это ярмо повесить. Только ты...

– Но.. но... я же не умею, господин Гририх, я никогда никем не руководила! Я даже старшим продавцом никогда не была! А тут целый колхоз!

– Верно, – лениво протянул Орбрена, – куда тебе на такое

замахиваться, ты же ни на что не способна! Дура же... только и мечтаешь, чтоб замуж за герцога выйти.

Ну... ну... негодяй! Негодяйский! Я просто задохнулась от злости. Да что же он не успокоится-то никак. Да я... Да я ему докажу, что это не так!

– Хорошо, я согласна, – ответила господину Гририху, – ставьте на голосование.

Председателем колхоза «Светлый Путь» меня выбрали единогласно.

Потом были радостные вопли и поздравления... меня тор-мошили как куклу, передавая из рук в руки. А я как будто бы застыла, замерла в каком-то стеклянном шаре, и не слышала ничего, ошеломленная тем, что сейчас сделала.

Когда восторги утихли, и народ разбежался на работу, я вышла на крыльцо правления и посмотрела вокруг.

Как всегда светило горячее солнце, пятый и шестой месяц в Гвенаре были самыми жаркими. По ярко-голубому небу, плыли пушистые белые облака, подгоняемые теплым, довольно сильным ветром. К вечеру слегка похолодает и будет дождь. Хороший такой, обильный, можно даже огород не поливать. Шелестели листьями деревья, жаль, что в Гвенаре нет фруктовых деревьев, кроме диких яблонь с крошечными с лесной орех яблоками. А то бы мы посадили сад. Трава на обочине лениво качала метелками соцветий, скоро надо будет собирать синюю кашку, что растет вокруг деревни. Все же ее соцветия это основное блюдо всего мира. А до

нормальной каши пока далеко... чтобы получить достаточно крупы и муки из горсти зерна, придется потратить несколько лет.

– Малла, – ко мне подошла Салина, – прости. Ты права. Я слишком увлекалась твоим воспитанием, и не заметила, как ты изменилась. Но я никогда не желала тебе зла.

Она улыбнулась и протянула мне руку. А я обняла ее, прощая... да, Салина не идеальная, но какая бы она ни была, она моя сестра. И она желает мне добра, даже если ее представление о добре отличается от моего.

– Поздравляю, – на крыльцо вышел Орбрэн, – я рад, что ты согласилась. Уверен, у тебя все получится, Малла. Я всегда знал, что ты сильная. Даже, когда ты сама сомневалась в себе.

Он подмигнул и шагнул с крыльца на площадь.

– Орбрэн, – окликнула я его, – спасибо.

Он улыбнулся, кивнул и пошел прочь. Салина убежала следом. А я все еще стояла на крыльце, глядя на мир, который так сильно изменил меня.

– Да, – сказала я Оракулу, глядя на крошечное черное пятнышко на солнце, – я справлюсь.

И кольцо на моем пальце мягко полыхнуло зеленым, словно соглашаясь с моими словами.

Эпилог

Двадцать Седьмой день Пятого месяца. Охотничий домик в двух часах езды от Столицы. Малла уснула за креслом его величества.

Братья молчали. То, что случилось было непонятным, а потому пугающим. Эта нелепая девчонка, случайно зацепившаяся за ногу короля, когда он был в Мидгарде оказалась с подвохом. И самое ужасное, что этого никто из них не заметил. И все открылось только тогда, когда стало слишком поздно.

– Она угроза для Гвенара, – его величество вздохнул и закрыл глаза, – и у нас есть только две возможности: либо уничтожить, либо привлечь на свою сторону. Но вот на счет последнего я сомневаюсь. Она слишком бестолковая, чтобы понять и научиться. Очень жаль, что такие способности достались такой дуре...

– Нет, она не дура, – возразил Орбрэн и добавил, – она просто боится. Ваше величество, идея колхоза принадлежит Малле. Как и рецепт сыра, семена овощей и технология их выращивания... кроме того господин Гририх посчитал весьма перспективными ее задумки по поводу производства куриного мяса, изготовления мясной продукции, которой нет аналогов в Гвенаре и даже Хадоа, а также пошив стандарти-

зированной одежды. И все это в довольно больших масштабах.

– Ты уверен? – брови его величества взлетели на середину лба. Колхоз, внезапно возникший на его территории оказался слишком необычным, но весьма перспективным и продвинутым способом ведения хозяйства. И советники требовали не жалеть преференций для этого предприятия, утверждая, что через несколько лет, развернув подобные колхозы на всей территории страны, они получат колоссальный экономический рывок. А это еще один шаг к окончательной свободе Гвенара от Хадоа.

– Да, ваше величество, – ответил господин Орбрэн, – только она решила поиграть с нами. И притворяется недалекой дурочкой, у которой мозги напрочь отшибло от страха. Зачем? Я не знаю. Это слишком глупый поступок в ее положении.

Все трое посмотрели назад, где, свернувшись в клубочек прямо на полу, спала маленькая женщина, почти девчонка, походя изменившая мировую политику двух государств.

Как Хадоа ответят на уничтожение их армии, его величество даже не мог представить. Просто потому, что такого еще не случалось за всю историю противостояния двух миров. Возможно, они пока не будут предпринимать ничего серьезного, ведь эта «отвоеванная» веха – мелочь. И начнут выяснять что это было за оружие. И тогда за жизнь этой девочки он не даст и ломанного гроша.

А возможно, Хадоа прямо сейчас готовят наступление гораздо большими силами. И тогда ломанного гроша не будут стоить жизни всех гвенарцев. Один удар их Оружия, и от Гвенара снова останется черная пустыня, выжженная огромным огненным грибом. Как в древних легендах, которые сейчас кажутся выдумкой. Но он-то знает, что это правда. Ему показали...

– Орбрэн, – подал голос его светлость, – как ты смотришь на то, чтобы узаконить ваш брак через Совет? Ты присмотришь за девчонкой. Спрячем ее где-нибудь в укромном месте рядом со Столицей, развлечем нарядами, балами и бриллиантами, а ты подстрахуешь.

Его величество вскинул брови.

– Брантир, ты предлагаешь рискнуть?

– Да, ваше величество. Если она сумела уничтожить Хадоа один раз, то есть вероятность, что она сможет сделать это снова.

– Но если она снова попытается изменить что-то?

– Орбрэн, будучи мужем, за ней присмотрит. Ему под силу увидеть и остановить. Зато у нас будет шанс научить ее, и получить управление над Оракулом. Если Орбрэн, конечно, прав, и она способна научиться.

– Да... это вариант... а хадоа... хадоа я беру на себя. Попытаюсь откупиться в крайнем случае... Уничтожать весь мир еще раз им не выгодно. А если они сбросят Термоядерную Бомбу на нас, то пострадают и их территории тоже...

– Вот именно. А если девчонка окажется не способна... что же... в худшем случае у нас будет ее сын. Через полгода.

– Я не стану этого делать! Я всегда был против таких мер! – Орбрэн нервно зашагал по комнате, – и сейчас я тоже против такого плана.

– Тогда придется уничтожить ее сейчас, – пожал плечами его светлость, – мы не можем оставить ее без присмотра, Орбрэн... Ты же понимаешь это...

– Понимаю! – он отчаянно пытался найти другой выход. Но его не было... – Арр!

– Значит, – тихо ответил его величество, – ты, Орбрэн, постарайся, чтобы этого не случилось. Девчонка нужна нам. Но только, если она в состоянии справится со своими силами. Я принимаю этот план. Осталось решить куда мы ее спрячем...

– Она никуда не поедет, – Орбрэн присел на корточки перед спящей Маллой. Ему было жаль ее. Бедная девочка. – Тут без вариантов. Колхоз и только колхоз, насколько я ее знаю.

– Это даже не плохо. Навесим на нее амулеты, я отправлю в колхоз своих ребят. Побудут пока колхозниками. Заодно обеспечат охрану и изучат новые методы хозяйствования.

– Договорились, – ответил его величество, – Орбрэн, теперь все в твоих руках... судьба и Гвенара, и этой девочки в твоих руках. Присмотри за ней... Постарайся, чтобы все было не напрасно.

Орбрэн кивнул и осторожно поднял на руки ценную для всей страны ношу. Малла открыла голубые глаза, которые будоражили что-то в сердце, и внимательно взглянула на него. Он криво улыбнулся, его работа на благо страны началась, и сбежать как раньше он не сможет. Не сможет оставить ее одну. Не сможет взять на себя тяжкую ношу ответственности за последствия побега.

– Тише-тише, Малла. Я отнесу тебя в спальню. Спи. Завтра утром мы с тобой отправимся домой, в колхоз. Ты же не хочешь пропустить Сайкину свадьбу?